

КРЕМЛЁВСКИЕ ТЕЛО ХРАНИТЕЛИ

**ПЁТР
ДЕРЯБИН**

**«ЛИЧНАЯ ГВАРДИЯ»
СТАЛИНА**

**ГЛАВНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
НКВД**

Annotation

Петр Дерябин более десяти лет состоял на службе в НКВД-МГБ, в правительственной охране. Это было в конце сталинской эпохи, когда система безопасности высшего руководства СССР достигла совершенства, до сих пор не превзойденного нигде в мире. В своей книге, опубликованной на Западе, куда Дерябин бежал после смерти Сталина, он подробно описал эту систему, чтобы, по его словам, «покончить со всевозможными небылицами о ней».

Автор показывает, как была образована и чем занималась «личная гвардия» Сталина — Главное управление охраны (ГУО) НКВД-МГБ. Оно было своеобразным «государством в государстве» в Главном управлении государственной безопасности НКВД СССР, имело самые широкие полномочия, здесь трудились лучшие профессионалы; П. Дерябин рассказывает о превентивных мерах по предотвращению покушений на Сталина, об оперативной работе и прочих методах ГУО НКВД.

Конечно, не обошлось без портретов вождей этого времени: читатель увидит в книге, кроме И. Сталина, еще Л. Берия, В. Молотова, Г. Маленкова и других сталинских руководителей.

- **Петр Сергеевич Дерябин**

- **Часть 1**

- Охранники Ленина
 - «Личная гвардия» Сталина
 - «Перетряски» Берии
 - «Ленинградское дело»
 - Разгром «личной гвардии» Сталина
 - Падение Берии
 - Охранники Хрущева
 - Охранники Брежнева

- **Часть 2**

- Организация и высшее руководство
 - Оперативная работа
 - Личный состав
 - Охрана № 1
 - Охрана № 2
 - Хозяйственно-снабжение служба
 - Комендатура Кремля
 - Вспомогательные службы
 - Должностные оклады и льготы сотрудников ГУО

Петр Сергеевич Дерябин
«Личная гвардия» Сталина. Главное
управление НКВД

Часть 1

Охрана советских вождей

Охранники Ленина

Когда Ленин захватил власть в ноябре 1917 года, у большевиков было неясное представление о том, что требуется для личной безопасности своих иерархов. Потому что до того времени социал-демократы не нуждались в защите собственного руководства. Царский режим опасался эсеров и активно старался покончить с ними, но социал-демократов всегда рассматривал как безобидных дилетантов или простых болтунов и в какой-то степени спокойно относился к ним как к явно меньшему из двух зол. К тому же большевики не использовали тактику террора в борьбе за власть и сразу не могли примириться с мыслью, что террор обернется против них, когда они достигли своих целей.

Поэтому Ленин, возглавивший новый режим, находился теперь в меньшей безопасности, чем в эмиграции. К тому же сам он становился в позу человека, который в охране не нуждается и не желает ее иметь.

Однако это не значит, что у Ленина не было телохранителей. В действительности у него их было достаточно много. Но практически все они не обладали опытом работы по обеспечению безопасности. Поэтому Ленину просто повезло, что он избежал насильственной смерти. Настоящая свора неудачников и лоботрясов смогла пристроиться в качестве охранников Ленина. Отбор и руководство этой жалкой группой брали на себя время от времени тот или другой из наиболее назойливых друзей вождя.

После неудачного выступления большевиков в июле 1917 года эти уважаемые люди находили в Петрограде квартиры и дома, чтобы скрывать Ленина от Керенского, снабжали своего лидера липовыми документами, помогали другими способами во время его временного бегства через финскую границу. Позже в исторических книгах коммунисты перечислили этих добровольных охранников. Их фамилии начинаются на все буквы алфавита, от «А» до «Я», включая нескольких женщин. Некоторые из них охраняли Ленина более официально — позже, в Смольном, после захвата им власти. Среди этих охранников-доброхотов имя одного человека, оказавшего вождю неоценимую услугу, следует отметить особо. Это — Сергей Аллилуев, который прятал Ленина от Керенского и который, возможно, благодаря тому факту, что позже стал тестем Сталина, уцелел и мирно умер в 1945 году.

Однако, придя к власти, Ленин, хотел он этого или нет, должен был привести в порядок организацию охраны себя самого и своих высокопоставленных соратников. Сразу же после того, как вожди большевиков захватили Смольный институт, превратив его

в свой командный пункт, их так называемый военно-революционный комитет, руководимый украинским священником-расстригой Николаем Подвойским, сформировали первую настоящую группу советских охранников. Она в большинстве своем состояла из латышских солдат. Это первоначальное латышское охранное соединение насчитывало в пиковый период около тысячи человек. Оно состояло в основном из пехотинцев и было усилено — если так можно выразиться — отрядом пулеметчиков, разношерстной толпой матросов и рабочих с ружьями и шоферами, которые реквизировали у аристократов и богатых буржуев автомобили, мотоциклы и даже велосипеды. Руководить этим сборищем, а значит, быть комендантом Смольного, Подвойский назначил балтийского моряка, некоего Павла Малькова, который каким-то образом уцелел во всяческих передрягах и во времена Хрущева написал мемуары.

* * *

Частично такая скверная организация охраны Смольного объясняется тем, что слишком много назойливых большевиков, не имевших никакого опыта работы в области обеспечения безопасности, совали в это дело свой нос. Здесь самым большим хлопотуном проявил себя ветеран партии и бесшабашный приятель Ленина, которого звали Владимир Бонч-Бруевич. Необъяснимым образом он тоже выполнял обязанности коменданта Смольного и давал такие указания Малькову, какие только могли взбрести ему в голову. Конечно, Дзержинский тогда тоже был поблизости, даже чересчур близко. Он тоже изредка мог что-то приказать Малькову, но главное внимание уделял все же ЧК, которая вскоре и была сформирована. Помимо этого поляка, имелся еще один вышестоящий русский у этого явно несчастного Малькова, некий Федор Быков, который, впрочем, никак не проявил себя за короткое время службы в качестве комиссара Смольного. А вот Свердлов, первый советский президент, с удовольствием отдавал охранникам указания по любым вопросам и во всех случаях.

Армянин Варлаам Аванесов (его также называли Мартиросов, в смысле приобретения революционного псевдонима он не отставал от Ленина и Сталина) использовал организацию для охраны Смольного в качестве платформы для проникновения в высокие сферы ЧК, а позже в окружение Сталина. Но Аванесов действовал в одиночку, а латыши квартетом пробивались вперед,

используя прямые и косвенные связи в деле охраны Ленина. Один из них, Эдуард Берзин, присоединился к Аванесову под крыло Дзержинского. Другим был Мартын Лацис, также известный под именем Ян Судрабс, который позже проводил террористическую кампанию ЧК на Украине. Еще один — Яков Петерс, заместитель начальника ЧК, который проводил расследование дела Локкарта и Фанни Каплан. И был также Карл Петерсон, комиссар латышского полка и в течение короткого времени военный комиссар непродолжительного первого советского правительства Латвии. Только последний из них, Петерсон, умер естественной смертью в середине двадцатых от туберкулеза. Трое остальных погибли во время сталинских чисток.

В общем, при такой мешанине персонала и «командиров» ранняя охрана Ленина явно страдала от известной беды, когда налицо слишком много генералов и не хватает солдат, или, как говорят в Северной Америке, слишком много вождей и недостаточно индейцев.

Толком не зная, что предпринять при таких обстоятельствах, да и не имея реальных полномочий, Мальков меньше всего беспокоился об охране руководства. Он заботился о питании, отоплении и удобствах в помещениях Смольного. В свободное от этих забот время Мальков присоединялся к своим коллегам по службе безопасности в вылавливании эсеров, преследовании анархистов или в облавах в подозрительных местах, где могли найти прибежище «буржуи» или «контрреволюционеры».

Такие карательные набеги, в которых принимал участие комендант Смольного, были организованы ничуть не лучше детских игр в казаки-разбойники. Но они все равно проводились с убийственной серьезностью, поскольку жертвы либо погибали, либо оказывались за решеткой. Мальков отправлялся на такие операции с тремя подразделениями, перед которыми также ставились в неопределенной форме задачи охраны руководства: латышским полком, сформированного несколько позднее ЧОН (части особого назначения) и вооруженных добровольцев, из которых позже сформировали то, что сейчас называется Первая дивизия имени Дзержинского. Латышская организация прекратила свое существование раньше всех. Ее расформировали как политически неблагонадежную в конце 1920 года после того, как Латвия вырвалась из-под советского контроля и стала независимой. Однако Первая дивизия имени Дзержинского стала постоянной и превратилась в более или менее ударное соединение, которое служило подкреплением для охраны Кремля на случай массированного нападения на советское руководство. Она была особо отмечена в 1968 году в связи с пятидесятилетием

захвата большевиками власти. Несмотря на такую честь, эту организацию никогда не вызывали для выполнения обязанностей, ради которых ее сформировали.

У этих первых охранных структур практически не было никакой униформы. Они одевались в разношерстный набор гражданских фуражек и пальто. Некоторые носили одежду, которую унаследовали или получили от Вооруженных Сил, к ней они прикрепляли матерчатые боковые полосы по примеру гусарских мундиров, а на голову надевали буденовки, появившиеся на ранней стадии возникновения Красной армии. Понятно, что эполеты и другие знаки отличия царского времени отменили. Вместо наплечных погон ввели систему воротничков с ромбами. И эта система просуществовала до Второй мировой войны, когда советские вооруженные силы и милиция вернулись к ношению погон и другим распознаваемым в международном сообществе знакам различия. Некоторые навешивали на себя целый набор ружей с длинными штыками, с пистолетами и кинжалами, и выглядели очень кровожадно. Другие надевали сабли, которые, если не считать кавалерию Буденного, в боевых действиях не использовались.

Охранники Смольного при Малькове поддерживали безопасность вверенного им объекта, используя классовый принцип. Если человек выглядел как рабочий или крестьянин, то его пропускали. Если же он походил на буржуа, то его останавливали. Только позже была введена система пропусков, но документы оформлялись так неумело, что любой мог их легко подделать, если бы пожелал того. А когда посетитель оказывался в Смольном, с пропуском или без пропуска, он мог идти, куда хотел, никто ему не задавал никаких вопросов. Правда, стража с обнаженными штыками на ружьях стояла у дверей помещений, занимавшихся Лениным или другими вождями, но большинство этих здоровяков были настолько тщеславными и взволнованными оказанной честью охранять советского иерарха, что они больше внимания уделяли самим себе, нежели посетителям.

Если учесть все изложенное, то совершенно неудивительно, что в Ленина могли стрелять, когда он проезжал по улицам Петрограда в январе 1918 года без каких-либо телохранителей, не считая шофера. Абсолютно никакого наблюдения за маршрутом Ленина не велось и никаких военизированных соединений поблизости не имелось, чтобы прийти на помощь советскому вождю. Если это действительно была попытка убить его, а не шальная пуля в столице, где совершенно отсутствовала законность, то вероятные убийцы оказались такими же беспомощными, как и телохранители Ленина.

Не успели в некоторой степени наладить службу безопасности в Смольном, как Ленин все нарушил неожиданным переездом в Московский Кремль в марте 1918 года. Охранники Малькова, явно действовавшие экспромтом, «обеспечивали безопасность» на железнодорожных станциях и в пути. Опять же — на этот раз из-за того, что решение о переезде приняли впопыхах, перед лицом возможного наступления немцев на Петроград, — наружное наблюдение за поездом обеспечено не было. Отсутствовал также и авангардный поезд, необходимый для того, чтобы не только очистить путь в случае нужды, но и просто выяснить, можно ли по нему проехать. Вместо этого все охранники и комиссары набились в один состав, будто школьники на прогулке. Как и следовало ожидать, на пути в Москву советские путешественники повстречались с другими пассажирами на другом поезде. Опять же коммунистические мифологи ухватились за эту поездку, чтобы сфабриковать вокруг случайной встречи целую эпопею о спасении Ленина его отважными стражами от «контрреволюционеров». Однако, поскольку окружение вождя прибыло в Москву без единой царапины, представляется, что на самом деле перепуганная охрана избила случайных пассажиров на обычном встречном поезде.

Мальков, первый комендант Кремля при Советах, по прибытии в Москву получил от Свердлова очередные указания. Ему велели увеличить число латышей до размеров полка, если в этом будет необходимость. И приказали также заняться обслуживанием иерархов — заботиться об их питании, размещении и других потребностях. С той поры те же обязанности исполняли все поколения советских охранников, являясь прислугой от «люльки до гроба» для вереницы партийных лидеров. Свердлов также проинструктировал Малькова прислушиваться к советам Аванесова и Дзержинского. Бонч-Бруевич тоже был волен давать свои рекомендации и опять способствовал разладу командной цепочки советских охранников. Но, возможно, став комендантом Кремля, Мальков несколько укрепил свое положение и мог не считаться с некоторыми указаниями. Когда Бонч-Бруевич предложил ему прекратить обыскивать монахов и монашек, которых выставили из жилых помещений Кремля, то Мальков не послушался. Он объяснил, что приказы получает только от Ленина и Свердлова, и попросил Бонч-Бруевича не вмешиваться в его дела.

Помимо изгнания священнослужителей и других незаконно

поселившихся в подведомственных ему помещениях, Мальков занялся освобождением Кремля от всяких следов царского правления. Это он снял двуглавые гербы Романовых, кресты и другие религиозные символы — позже замененные коммунистической символикой — с многих башен. И именно Мальков собственными руками помогал Ленину, Свердлову, Аванесову и другим иерархам сбросить памятник, воздвигнутый на месте, где был убит в 1905 году великий князь Сергей. После такого физического упражнения Ленин приказал убрать все остальные реликвии царского периода. Но в этом деле он уже личного участия не принимал. Поручил Малькову. Большинство царских монументов, которые убрали из Кремля и других мест, позже заменили статуями видных коммунистов. В ходе этой расчистки Ленин приказал также Малькову наладить часы на Спасской башне и изменить музыкальный перезвон курантов — теперь часы должны были вызывать «Интернационал», гимн социалистического рабочего люда.

В свободное время от таких явно не охранных обязанностей Мальков и его латыши проводили в набегах вместе с ЧК и другими военизированными соединениями — так же, как они поступали, находясь в Петрограде. Им часто поручали совершать рейды на общественные рынки для выявления «спекулянтов». Во время одной из таких вылазок их обстреляли охотие до схваток милиционеры, которые охраняли жилые помещения иерархов, думая, что латыши нападают на них. И конечно, кремлевская охрана приняла участие в общегородской перестрелке после убийства немецкого посла, графа Мирбаха, а также в подавлении выступления эсеров в июле 1918 года.

* * *

Поскольку Мальков и его люди так часто были заняты отдельными поручениями, совершенно не имевшими отношения к их основным обязанностям охранников, то совершенно неудивительно, что полуслепая эсерка Фаня Каплан, задумавшая убийство, смогла серьезно ранить Ленина, когда он посетил один из московских заводов в августе 1918 года. В этом эпизоде С. Гиль, шофер Ленина, оказался единственным человеком, которого с большой натяжкой можно назвать телохранителем. Во всяком случае, ему удалось схватить и задержать Каплан после покушения, хотя не следует забывать, что эта женщина, возможно, недостаточно хорошо видела, чтобы убежать. Но в том, что касается Малькова — по его словам, — то он смог только

подложить подушки под раненого Ленина да в отчаянии ломать себе руки.

Тому же Малькову через несколько дней поручили разделаться с Каплан, которую, конечно, и не думали судить. Все приказы относительно террористки — от перевода с Лубянки в кремлевский застенок до казни — отдавал Аванесов. А поскольку Аванесов был под каблуком Сталина, то вполне можно допустить, что быстрая казнь Каплан стала первым «законным» убийством важного человека по указанию Грузина. Ходила версия, что Каплан не была убита, а спокойно дожила до старости. Однако, похоже, вполне можно верить мемуарам Малькова, которые были опубликованы в расцвет хрущевской эры. Этот первый комендант Кремля написал, что он лично застрелил Каплан из своего табельного револьвера. Единственное, что Мальков пропустил: он выстрелил жертве в затылок, когда ее держали два латышских «телохранителя».

В результате такого почти успешного покушения на Ленина Дзержинский решил, что охрану лидера требуется усилить. Этот вывод следует опять-таки из мемуаров Малькова. Он пишет: «Дзержинский отобрал десять чекистов для охраны поместья Горки (где поправлял здоровье Ленин. — П.Д.), а я должен был осуществлять надзор за ними». Упоминание о надзоре является скорее проявлением тщеславия Малькова. По всей вероятности, те десять чекистов находились все-таки под прямым контролем Дзержинского, а Мальков лишь снабжал эту улучшенную группу личной охраны питанием и удовлетворял другие их потребности.

В типичной для тех дней манере, спустя всего несколько часов после покушения на Ленина, Малькову дали совершенно не относящееся к делу задание. Петерс, заместитель начальника ЧК, вызвал его на Лубянку и приказал произвести ночной арест Брюса Локкарта. Почему выбрали именно Малькова для проведения этой операции, а не сотрудника ЧК, не совсем ясно. Возможно, потому, что у него был титул коменданта Кремля, вследствие чего арест мог выглядеть более официальным.

Покушение Каплан на жизнь Ленина положило также конец латышской синекуре в Кремле. Несомненно, причиной устранения латышей стала их неэффективность в качестве охраны, хотя все это было окутано обычным коммунистическим лицемерием и скрыванием правды. Мальков приводит слова Свердлова о том, что латышские товарищи получают возможность ударить по белогвардейской «нечисти». И сначала ходили слухи, что 9-й латышский полк может быть заменен 2-м латышским полком. Но в сентябре 1918 года латышей полностью отстранили от охраны Кремля.

Вместо них Малькову прислали группу коммунистов и рабочих, которых называли курсантами первого пулеметного училища. Видимо, практические занятия по стрельбе в стенах Кремля этого подразделения вскоре стали действовать на нервы партийных иерархов. Через несколько месяцев курсантов пулеметного дела заменили слушателями военной академии Вооруженных Сил. Эти слушатели оставались в Кремле в качестве охранников, пока Сталин в тридцатые годы не отправил их в другое место под Москвой.

* * *

Десять чекистов, которые охраняли Ленина в Горках, стали выполнять такие же обязанности в Кремле после завершения первого периода выздоровления вождя за городом. Но хотя эти десять человек в профессиональном отношении значительно превосходили сборище, которым командовал Мальков, они были все же недостаточно эффективны. Главная причина такого положения дел заключалась в следующем: Ленин, несмотря на покушение Каплан, настолько втянулся в привычку скрываться от своих охранников, что им приходилось в основном сосредоточиваться на том, чтобы не потерять его из виду, а не ограждать вождя от людей, способных причинить ему вред. А если Ленина сопровождал телохранитель во время поездок за пределы Кремля, вождь никогда не разрешал ехать за ним другой машине с дополнительной охраной.

В результате такого упрямства со стороны Ленина советский лидер, его охранник и сестра попали в засаду к обычным бандитам во время поездки в район Сокольники, чтобы провести в лечебнице заболевшую Крупскую. Ленин думал преподнести жене сюрприз в виде банки молока, которую он где-то раздобыл. У банки оказалась неплотная крышка. Охранник, выполнявший скорее обязанности прислуги, должен был придерживать крышку на банке, чтобы молоко не расплескалось. Поэтому, когда налетчики остановили автомобиль на заснеженной дороге в январе 1919 года, несчастный телохранитель не смог даже выхватить свой револьвер. Ленин попытался вмешаться и предъявил свои документы правителя всея Руси, но бандиты не потрудились даже заглянуть в них. Под дулом пистолета они заставили Ленина и сопровождавших его людей выйти из автомобиля, а сами сели в него и укатили. Вождю пришлось пройти пешком остаток пути до лечебницы, где его потом и обнаружили обеспокоенный Мальков и встревоженные

сотрудники ЧК. Машину Ленина нашли брошенной, а бандитов — то ли тех, то ли нет — позже поймали.

После несчастного случая в Сокольниках Мальков отошел в тень и большую часть времени стал посвящать заботам административного и хозяйственного характера. На деле охранными операциями тогда ведал Аванесов, до тех пор, пока в Кремль не переехал сам Дзержинский и не превратил охрану в составную часть ЧК под своим непосредственным руководством.

Не очень яркая карьера Малькова в качестве первого коменданта Кремля при коммунистах закончилась после IX съезда партии в апреле 1920 года. Его предали забвению на административном посту, который не имел никакого отношения к охране лидеров, но благодаря этой тихой должности он сумел уцелеть и прожил еще долго после смерти Сталина. На его место в качестве коменданта Кремля Дзержинский назначил вездесущего латыша Рудольфа Петерсона, который оставался на этом посту до тех пор, пока Сталин не уволил его вскоре после убийства Кирова в декабре 1934 года.

* * *

Назначение Петерсона на практике стало означать снижение статуса коменданта Кремля.

Теперь надзор за телохранителями Ленина возложили на помощника Дзержинского Абрама Беленького, который прослужил в этом качестве до смерти своего шефа в 1926 году. Позже он стал начальником московского управления ОГПУ, пока не исчез во время сталинских чисток в тридцатых годах.

А для набора охранников в Кремль Беленький использовал ОСНАЗ (отряд специального назначения), так называемое бронированное соединение ЧК, появившееся в 1918 году и предназначенное для охраны советского руководства и учреждений. Всякие прихвостни, латыши, курсанты пулеметного училища, слушатели военной академии, которые служили при Малькове, более не считались адекватными и были заменены в какой-то степени профессионалами. В июне 1924 года из отрядов ЧОНа и ОСНАЗа была организована дивизия особого назначения. После смерти Дзержинского в 1926 году это соединение переименовали в Отдельную мотострелковую дивизию особого назначения имени Дзержинского, или ОМСДОН (имени Дзержинского).

Беленький, Петерсон и их персонал из ОСНАЗа, хотя и лучше организованный, чем группа Малькова, так и не получили

возможность проявить свою ретивость при Ленине. После этой реорганизации вождь постоянно болел и практически никуда не выезжал или выезжал очень редко. Не могли и телохранители ОСНАЗа с полицейскими собаками и другими усовершенствованиями службы безопасности спасти его от смерти, последовавшей от естественных причин в январе 1924 года.

«Личная гвардия» Сталина

После победы большевиков у Сталина, так же, как и у Ленина, имелся круг прихлебателей, главной заботой которых являлась его безопасность. Конечно, группа Сталина, как и у остальных лидеров более низкого уровня, была в то время относительно небольшой, оставаясь такой вплоть до смерти Ленина.

Первым личным охранником Сталина стал Николай Власик, продержавшийся на этом посту дольше всех. Этот тип представлял из себя рабски преданного, невежественного крестьянина, не имевшего даже смутного понятия об организации безопасности или хотя бы практического опыта, почти неграмотного и тем не менее дослужившегося до ранга генерал-лейтенанта органов госбезопасности.

Власик начал свое служение Сталину никому не известным солдатом Красной армии, который в послереволюционный петроградский и московский периоды преданным псом спал у дверей Хозяина. Он представлял собой невысокого, тщедушного мужичка — коротышка Сталин не выносил в своем окружении никого, кто был выше его.

Пока у власти находился Ленин, Сталин вынужден был довольствоваться Власиком и случайными бойцами ОСНАЗа, предоставленными ему в качестве личной охраны. В этот период будущий диктатор действовал крайне осторожно, но весьма целенаправленно, организуя группу приспешников, которая, оказись он у власти, обеспечила бы ему безопасность. С этой целью Сталин привлекал на свою сторону всяческие мелкие сошки в тех организациях, которыми ему было поручено управлять Лениным. Этими организациями являлись Комиссариат по делам национальностей — показная организация, в обязанности которой вменялось помогать (а на самом деле она лишь подавляла) национальным меньшинствам, — и рабоче-крестьянская инспекция, позволившая Сталину проникнуть в партийную организацию гораздо глубже, чем это мог предполагать Ленин. Одновременно он налаживал и укреплял тесные связи с ЧК (ГПУ). Его старания с легкостью увенчались успехом, когда Сталин завоевал дружбу холодного и невероятно преданного делу революции Дзержинского, хотя сближение таких конфликтных личностей труднообъяснимо. И тем не менее остается фактом, что Сталин сумел добиться влияния на этого фанатичного, но честного поляка.

Одним из первых сталинских сотрудников службы

безопасности был армянин Аванесов. Бывший участник революции, он, после сыгранной им лидирующей роли в организации ЧК и личной охраны Ленина, сблизился со Свердловым. Но когда в 1919 году тот неожиданно умер (естественной смертью), Аванесов оказался не у дел и примкнул к Сталину. Поначалу Грузин нашел ему пост в Комиссариате по делам национальностей, однако позже сделал своим заместителем в другой купели кадров для будущей службы безопасности — рабоче-крестьянской инспекции, а также членом коллегии ВЧК. Несомненно, этот армянин добрался бы до самых вершин в системе безопасности, если бы в 1930 году не умер от туберкулеза.

Другим значительным шагом Сталина, предпринятым им после смерти Свердлова, было привлечение на свою сторону земляка Енукидзе, заменившего Аванесова на посту секретаря ВЦИК (Всероссийского Центрального исполнительного комитета). Как преемник Аванесова, Енукидзе также взял на себя негласное управление системой безопасности Кремля. Приблизительно в это же время Сталин заручился поддержкой старейшего члена ЧК Ивана Ксенофонтова. Будучи уже Генеральным секретарем партии, Грузин смог провести Ксенофонтова во ВЦИК. Ксенофонтов, о котором известно очень немного, занимал также пост управляющего делами партии, однако в действительности он выполнял функции офицера связи между Сталиным и секретной службой. Этот в определенном смысле загадочный соратник Хозяина также мог пойти далеко в системе личной охраны диктатора, если бы и он не умер естественной смертью в 1926 году.

* * *

Механизмом, с помощью которого Сталин добивался и удерживал верховную власть, был партийный секретариат, который он возглавлял. Функции его секретариата очень сильно отличались от обычных. Конечно же, там занимались и административными делами, но самая главная задача этого органа в сталинский период заключалась в приобретении власти, для чего необходимо было собирать политическую информацию и находить способы влияния на нужных людей, а также формировать кадры для будущей службы безопасности. После смерти Ленина главной обязанностью секретариата стало удержание власти в руках Сталина. В результате чего ЧК и ее преемники уже с 1924 года стали утрачивать свое влияние.

Сталинский секретариат и его столь же неправильно именуемые подразделения приняли на себя обязанности по уничтожению всех действующих и потенциальных оппонентов Сталина — вплоть до партийных иерархов и начальников службы безопасности. В итоге, несмотря на свое безобидное с виду название, секретариат превратился в помесь опричнины, Преображенских гвардейцев, Третьего отделения и «охранки». Кое-кто называл его тайным кабинетом Сталина, но он представлял из себя нечто значительно большее.

С уходом в другие структуры Аванесова и Ксенофонтова для курирования всех связей Сталин нуждался в преданных лакеях, способных возглавить секретариат. С этой целью он снова пересортировал свой Комиссариат по национальным делам, позаимствовав его секретаря Ивана Товстуху, ветерана революции и закаленного коммуниста. Официальные советские источники сообщают, что Товстуха работал в партийном аппарате с 1921 года; в 1926–1930 годах он был помощником директора Института Ленина, а после 1930 года — заместителем директора Института Маркса-Энгельса-Ленина. В действительности же на протяжении почти всего периода 1921–1930 годов он ведал организацией и управлением сталинского секретариата, а после 1924 года стал начальником секретного отдела секретариата — еще одного названия верхушки сталинской «охранки». Работа Товстухи в институтах являлась лишь прикрытием, не слишком отвлекавшим от основных обязанностей. Единственной помехой в его работе стал туберкулез, и в 1930 году Товстуху отправили в отставку. Но когда в 1935 году этот партийный функционер умер, важность его персоны и проделанной им работы были подчеркнуты тем фактом, что он был погребен у Кремлевской стены, а на похоронах присутствовало впечатляющее количество высших чинов секретариата, личной охраны Сталина и секретной службы.

В годы своего формирования секретариат всегда действовал очень осторожно и скрытно, зачастую конспиративно, что скорее отражало восточный характер Грузина, чем было вызвано необходимостью. Даже несмотря на то, что Сталин имел большое влияние на Дзержинского, он дождался его смерти в 1926 году и только после этого принялся укреплять систему личной охраны. А когда бывший помощник и земляк Дзержинского Менжинский, все еще причинявший Сталину некоторое беспокойство, по должностной линии принял на себя руководство ОГПУ, секретариат усовершенствовал систему личной охраны и преобразовал ее в специальный оперативный отдел, получивший название ОПЕРОД.

В функции ОПЕРОДа, номинально являвшегося ответвлением ОГПУ, входила охрана партийных и государственных лидеров. На самом же деле им управлял секретариат, и основная обязанность ОПЕРОДа заключалась в обеспечении личной безопасности Сталина, а также слежке за другими партийными иерархами.

Смерть Дзержинского не только позволила Сталину организовать эффективную систему личной охраны, но и предоставила ему полный контроль над органами — с того самого момента и вплоть до смерти Грузина в 1953 году. Однако Сталин с помощью Ягоды еще при жизни Дзержинского, который полностью повиновался ему, держал в своих руках бразды управления секретной службой.

Одним словом, реорганизация охраны и формирование ОПЕРОДа не вызвали почти никаких трудностей. Беленький был освобожден от должности начальника охраны, и вскоре в московском ОГПУ о таком забыли. Вместо него Сталин назначил начальником ОПЕРОДа венгра Карла Паукера. Надо сказать, что Паукер оказался одним из удивительных проходимцев революционной эпохи. На закате Австро-Венгерской империи он работал в Будапештском оперном театре парикмахером, а во время Первой мировой войны был призван в армию Франца-Иосифа и послан на восточный фронт, откуда и дезертировал к русским (скорее всего, воспользовавшись первым удобным случаем). Никому не известно, каким образом этот прощелыга попал в сталинское окружение, хотя, по некоторым сведениям, ему покровительствовал Власик. Как бы там ни было, Паукер был настоящим чудовищем, отдаленно напоминавшим опричников из свиты Ивана Грозного, а также ярким примером дегенерации бюрократической системы Сталина. Законченный лизоблюд, этот цирюльник из Будапешта однажды своими кривляньями до слез насмешил Грузина, изображая перед ним умолявшего о пощаде Зиновьева. Но Паукер не только умел развеселить Сталина; вождь настолько доверял ему, что даже позволял брить себя.

* * *

Со становлением ОПЕРОДа сталинская система личной охраны приобрела законченные черты. Несмотря на расширения, изменения в названиях и смену некоторых персон, сущность этой системы сохранялась до самой смерти диктатора. Верхушка личной охраны подчинялась только Сталину. Опираясь на нее, Грузин мог полностью управлять партией и правительством, включая, конечно же, и службу органов безопасности. С помощью

своей элитной гвардии он мог свергать с должности, сажать в тюрьму, высылать или казнить любого советского гражданина, невзирая на его ранг и положение.

Несмотря на чрезвычайные полномочия ОПЕРОДа, комендантом Кремля по-прежнему оставался Петерсон. Однако авторитет этого латыша к 1926 году практически свелся к нулю. С этого момента, на протяжении всей эпохи правления Сталина, Петерсон и последующие кремлевские коменданты играли лишь роль обыкновенных администраторов охраны и исполнителей чужих приказаний. Все главные функции комендатуры Кремля принял на себя начальник ОПЕРОДа и его преемники.

Одновременно с формированием ОПЕРОДа были произведены важнейшие преобразования в организации управления системой личной безопасности, то есть секретариата. Прогрессирующая болезнь Товстухи ограничивала его активность на посту главы секретариата. Этот недостаток был восполнен Поскребышевым, который к 1927 году стал все чаще исполнять обязанности Товстухи, а после 1930 года полностью взял их на себя. Почти не сохранилось сведений о прошлом Поскребышева. Известно лишь то, что он прибыл из Средней Азии и стал (возможно, по протекции Товстухи) членом секретариата Сталина где-то в середине двадцатых годов. Самой примечательной чертой его характера являлась осторожность. И, как следствие этого, он был чрезвычайно немногословен. За длительный период пребывания Поскребышева в роли «Пятницы» вождя и его «второго я» он сопровождал многочисленные иностранные делегации, наносившие визиты Сталину, но никто из посетителей впоследствии не смог припомнить, чтобы Поскребышев произвел на них большее впечатление, чем обыкновенный охранник у дверей. Он, кстати, никогда не позволял себе сниматься рядом с диктатором, хотя Власик был неплохим фотографом-любителем.

В состав ОПЕРОДа входили еще два человека, игравшие немаловажную роль в его структуре и функциях. Одним из них был Волович, заместитель Паукера, а вторым — Власик. Какое-то время Волович специализировался на улаживании сталинских проблем с его оппонентами за границей — он играл важную роль в похищении белогвардейского генерала Кутепова в Париже в 1930 году. Но после успеха этой операции был возвращен в Москву, где служил личным шофером Сталина — до того времени, пока вместе со своим боссом Паукером не был ликвидирован во время чисток 1937 года. Однако Власик, несмотря на свои временные размолвки с Хозяином, по-прежнему оставался на хорошем счету и играл весьма важную роль. Он возглавлял специальное подразделение ОПЕРОДа и его

преемников — элитную группу, именовавшуюся личной охраной Сталина, а на самом деле выполнявшую обязанности диктаторских палачей и ликвидаторов.

Как только Поскребышев оказался в седле, всемогущество сталинской системы личной охраны закрепилось окончательно. С этого момента полностью контролируемое Сталиным ОГПУ использовалось им для того, чтобы держать массы простых советских людей под своим недремлющим оком. А для более важных персон, в особенности других партийных иерархов, у него наготове всегда имелась специальная команда. Приказы Сталина исполнялись по цепочке Поскребышев-Паукер-Власик. Однако во многих случаях в прямых распоряжениях Грузина не возникало необходимости. Догадливость Поскребышева — отчасти интуитивная, а отчасти приобретенная за время работы в заправляемом им секретариате — была столь велика, что он обычно знал наперед все желания и намерения вождя и спешил исполнить их без какого-либо специального указания. В таких случаях Поскребышев мог информировать Паукера о необходимой акции, но чаще всего он информировал «парикмахера» и отдавал распоряжение о ликвидации или аресте непосредственно Власику, после чего тот созывал своих головорезов и приводил приказ в исполнение. Именно таким способом (или даже просто его угрозой) Сталин сумел расправиться с, казалось бы, всемогущими начальниками секретной службы во время чисток тридцатых годов, а позже держать на коротком поводке Берию и его подчиненных.

* * *

Однако грозная команда Поскребышев-Власик в первые годы своего формирования оказалась как бы не у дел, поскольку в этот период настоящей потребности в подобной элитной группе безопасности не возникало. В своих политических маневрах Сталин действовал очень хитро, натравливая преемников Ленина друг на друга. Эти исполненные самых благих намерений, но невероятно недалёковидные и наивные ленинцы уничтожили самих себя как политическую силу, после того как позволили Сталину поделить себя на так называемых левых и правых.

Весной 1934 года умирает Менжинский, официальный глава ОГПУ, который, хоть и безуспешно, все же пытался противостоять силовым методам твердой руки Сталина. В течение месяца Ягода, самый преданный из приспешников Сталина, заместитель и преемник Менжинского, вступает в должность начальника ОГПУ,

преобразованного в НКВД. ОПЕРОД был сразу же преобразован в Первый отдел НКВД. Это лишь подчеркнуло тот факт, что Сталин придавал этому дивизиону секретной службы первостепенную важность. Первый отдел по-прежнему возглавлял Паукер, имея своими заместителями Воловича и Власика, комендантом Кремля оставался все тот же Петерсон. Над этим квартетом продолжал главенствовать Поскребышев, официально числившийся главой сталинского секретариата, хотя он давно уже дослужился до звания генерал-лейтенанта сил безопасности.

После ликвидации Кирова Сталин заново реорганизовал свою личную охрану, готовя ее к грандиозной чистке, которую он задумал для своего ничего не подозревавшего народа. Первым шагом на этом пути явилось расширение Первого отдела Паукера путем его объединения с вездесущим ГУТБ (Главным управлением государственной безопасности) НКВД, предусмотрительно учрежденного Сталиным в июле 1934 года. Кроме того, в конце декабря 1934 года Грузин предпринял еще два важных шага в деле укрепления мощи и эффективности своей гвардии. Внутри ГУТБ НКВД он сформировал СПУ (Секретно-политическое управление), официально оформив существование следственной команды Поскребышева и придав некоторую «законность» арестам и убийствам, производимым его подчиненным Власиком, а также отделался от последнего упрямого латыша, коменданта Кремля Петерсона. Прослужив несколько лет в киевском НКВД, тот был арестован и расстрелян в 1938 году. Ненадолго пережил своего предшественника и его преемник на посту коменданта Кремля Ткалун. Будучи также арестованным в 1938 году, он бесследно исчез — несомненно, навсегда и не по своей воле. И это несмотря на тот факт, что Ткалун, служивший до назначения в Кремль военным комендантом Москвы, был протеже самого Ворошилова.

Несмотря на преднамеренное прикрытие запутанной терминологией и аббревиатурами, высший уровень личной гвардии диктатора не являлся таким уж сложным механизмом. Будучи в одном лице главой секретариата, Поскребышев был прекрасно осведомлен и мог держать под контролем все дела партии и правительства, вплоть до самых секретных. А занимаемый им одновременно пост руководителя СПУ позволял ему руководить следствием, дознанием и (или) организацией важнейших на данный момент покушений. Дело намеченной жертвы тщательно разрабатывалось в недрах СПУ (это была та самая практика, которой возмущались коммунисты эпохи постсталинизма, когда взывали к «социалистической законности»), затем Поскребышев и (или) Сталин решали, что

делать с «обвиняемым» — оказать честь быть представленным на показательном процессе, сценарий которого готовило то же СПУ, или негласно уничтожить. Большинство жертв получало пулю в затылок, хотя иногда бывали случаи «самоубийства», смерти от «сердечного приступа» или какого-нибудь еще «заболевания», устроенного профессиональными головорезами Власика. Изредка Поскребышев лично руководил ликвидацией особо заслуженного ветерана партии или — что особенно ценилось — принуждал последнего совершить самоубийство, пообещав официальное заявление о его естественной смерти с подобающими почетными похоронами, что являлось, несомненно, наилучшим решением вопроса.

Со времен Ивана Грозного Россия, — впрочем, как и весь остальной мир, — не помнила такой всесильной организации, состоявшей из личных слуг тирана. Но даже опричники безумного самодержца блекли на фоне «гвардии» Сталина. С усовершенствованием системы личной охраны после убийства Кирова автократия Сталина сделала гигантский шаг по сравнению с той наивной ленинской эрой, когда вся личная безопасность Хозяина осуществлялась лишь сторожившим за дверьми раболопным и туповатым Власиком.

* * *

Во время проведения знаменитых «судебных процессов» в 1936–1937 годах Сталин решил заодно заняться и подчисткой кремлевского персонала. Он в конце концов пришел к заключению, что Паукер, несмотря на свое умение развеселить и потешить диктатора, не годится на пост главы Первого отдела. А может, этот венгерский шут дал маху, передразнив своего хозяина или неудачно пошутив в его адрес. Прибрали к рукам и Воловича, помощника Паукера, исполнявшего обязанности личного шофера Сталина. Возможно, Грузину перестало нравиться, как Волович водит машину. Однако наиболее логичная причина ликвидации этой парочки, скорее всего, кроется в том, что оба слишком долго отирались в узком кругу приближенных диктатора и слишком много знали.

Как только решение избавиться от Паукера и Воловича было принято, немедленно назначили нового шефа Первого отдела. Выбор пал на генерала Вениамина Галета. Кроме звания и фамилии, о нем мало что известно. Являясь офицером НКВД, он, скорее всего, очень хорошо был знаком Сталину и (или) Поскребышеву, раз получил этот пост. Но все, что касается его

происхождения, а также послужного списка, до нас не дошло.

Однако бесспорен тот факт, что сразу же после своего назначения новый шеф Первого отдела направился со своими людьми домой к Паукеру и Воловичу и арестовал их. Нетрудно представить упавшего на колени Паукера, когда-то таким образом передразнивавшего несчастного Зиновьева, только на этот раз он вымаливал пощаду себе. На самом деле эти мольбы оказались несколько преждевременными, поскольку физическое устранение Паукера и Воловича не входило в планы до следующего года. Вслед за их арестами последовала очередная кадровая перестановка: Власика назначили заместителем Галета, после чего деятельность этого верного пса отныне и в дальнейшем ограничивалась охраной дверей Хозяина и любимым хобби — фотографированием Сталина и его приспешников.

Следующим шагом Поскребышева (или Сталина) явилась отставка Ткалуна, прежнего коменданта Кремля. Чем проштрафился Ткалун, видимо, никогда не узнаем. А единственное, что известно о его дальнейшей судьбе, — он бесследно исчез. Поскребышев на место Ткалуна назначил майора НКВД Рогова. Так же, как о Ткалуне или других кремлевских охранниках, служивших до появления Берии в высшем эшелоне власти, не сохранилось никаких записей о прошлом Рогова или хотя бы его имени. Впрочем, какие-либо сведения о таких функционерах службы безопасности, даже если они и сохранились, вряд ли заслуживают внимания, поскольку подавляющее большинство этих людей в буквальном смысле исчезло, растворилось, словно ушедшие в ночь корабли. Однако все они являются ярким примером того, что охранять советского диктатора в ту кровавую эпоху было по большей части недолгой и чрезвычайно опасной работой.

«Перетряски» Берии

В декабре 1938 года главой НКВД становится Лаврентий Берия. За месяц до его официального вступления на свой пост был смещен с занимаемой должности комендант Кремля Рогов, бесследно затем исчезнувший в советских застенках. Эта должность оставалась вакантной до весны 1939 года, пока ее не занял бригадный генерал НКВД Николай Спиридонов. Будучи протеже Берии, он дослужился до генерал-лейтенанта и продержался на посту коменданта Кремля еще несколько недель после смерти Сталина.

Также была произведена перестройка основного состава Первого отдела. Чем она была вызвана, доподлинно неизвестно. Возможно, хоть и маловероятно, что это как-то связано с подчинением НКВД Берии. Скорее всего, кадровые изменения проводились Сталиным и (или) Поскребышевым в преддверии Второй мировой войны. Галет был освобожден от должности главы управления и, по всей видимости, расстрелян где-то в 1943 году за и поныне неизвестные преступления. Преемникам Галета на этом посту повезло чуть больше, так как они прожили несколько дольше. За период с 1940-го по 1945 год во главе Первого отдела прослужил целый ряд генералов НКВД — Андрей Капанадзе (еще один грузин), Александр Кузнецов, Павлов и Василий Румянцев. Так же, как о Ткалуне, Рогове и Галете, о них мало что известно. Имеются сведения, что Павлов был расстрелян в 1940-м или 1941 году, в то время как Румянцева (который умудрился «потерять» Сталина, когда тот инспектировал войска) понизили в должности в 1944 году. Власик, разумеется, продержался в целости и сохранности практически до самого конца, сначала как заместитель и соруководитель Первого отдела, а под конец как его глава.

С созданием в 1942 году СМЕРШа, которому вменялась в обязанность и личная охрана Сталина, глава этой организации Виктор Абакумов стал одним из членов круга особо приближенных к диктатору лиц, и его влияние сравнялось — если не превзошло — по значимости с руководителями Первого отдела Капанадзе и Власика, хотя власть Поскребышева при этом ничуть не уменьшилась. Одновременно заместитель Абакумова Сергей Круглов также оказался приближенным к вершинам власти. Таким образом Сталин, следуя, по-видимому, советам Поскребышева, получил в свое распоряжение двух высших офицеров службы безопасности, которые не являлись ставленниками Берии.

К апрелю 1943 года, когда победа под Сталинградом показала, что наконец-то началось окончательное изгнание нацистов из России, Сталин произвел новые перетряски в структуре своей личной охраны: Он переименовал Первый отдел в Шестое управление, поставив его в административное подчинение НКГБ. Причины этих перемен совершенно не ясны. Можно предположить лишь одно: Грузин по какой-то причине невзлюбил Первый отдел и решил хоть как-то принизить его, хотя влияние внутренней службы безопасности — другими словами, личной охраны вождя — при этом ни в коей степени не ослабло, тем паче что Шестое управление продолжал возглавлять Капанадзе, а его заместителем оставался все тот же Власик.

Примерно тогда же Сталина и Поскребышева все больше стали беспокоить власть и влияние, которыми они наделили Берию. Чтобы быть готовыми к возможным проискам своего земляка, Сталин воспользовался испытанной тактикой, которую применял Иван Грозный несколько столетий назад. Он наделил огромной властью и влиянием главного ленинградского аппаратчика Жданова, создав таким образом потенциально более серьезного конкурента Берии, чем такие лизоблюды, как Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов и прочие.

Побочным результатом подобной интриги, призванной сстроить между собой подчиненных, а также явившейся предвестником грядущих великих перемен, стало появление в Кремле в конце 1945 года Алексея Кузнецова. Будучи аппаратчиком до мозга костей, этот молодой человек был примечателен лишь тем, что являлся ставленником Жданова. Именно потому Поскребышев назначил Кузнецова официальным главой Шестого управления, службы личной охраны. Однако фактически Кузнецов им никогда не являлся. Его настоящей должностью был пост секретаря ЦК КПСС, и так же он являлся куратором Шестого управления. Особое положение Кузнецова продолжалось вплоть до смерти Жданова, после чего он потерял всякую ценность для Сталина и Поскребышева, позволивших Абакумову в 1949 году арестовать его и впоследствии расстрелять.

В результате этой политической интриги, сделавшей Берию и Жданова одновременно своего рода кронпринцами, власть и влияние среди высшего эшелона внутренней службы безопасности разделились. Сторону Берии представлял Капанадзе; у Жданова был Кузнецов; относительно независимую позицию занимал Абакумов со своими честлюбивыми

подчиненными. Раздробленное таким образом на три части Управление личной охраны мало способствовало эффективной деятельности этой организации. Однако постоянная грызня между этими тремя кланами обеспечивала Сталину и Поскребышеву уверенность в том, что ни одна отдельно взятая личность (или какая-либо группировка внутри службы безопасности), постоянно занятая борьбой за выживание, не смогла бы заняться усилением собственной власти. И то, что Сталин мог позволить себе роскошь в личных интересах срабатывать между собой собственных охранников, доказывает, какой абсолютной непререкаемой и огромной властью обладал тогда диктатор.

* * *

В марте 1946 года была произведена еще одна важная перетряска. Личную охрану Сталина снова реорганизовали и переименовали. Рассудив, что следует называть вещи своими именами, вождь стал именовать своих стражей охранниками — кем они и являлись на самом деле, — а их организацию — «Охраной», невзирая на тот факт, что так назывался политический сыск при царском режиме. В соответствии с этим сбивающее с толку название Шестое управление заменили на Управление охраны. Одновременно новую организацию разделили на Управление охраны № 1, отвечавшее непосредственно за безопасность Сталина, и Управление № 2, официально охранявшее (но на самом деле державшее под постоянным присмотром) остальных партийных и государственных лидеров. Оба Управления, а также пост коменданта Кремля, в те времена третий по значимости, поскольку он имел непосредственное отношение к безопасности самого Сталина, в административных интересах передали в ведение МГБ. Разумеется, все три новых подразделения теперь были значительно крупнее и устроены изощреннее Шестого управления и его предшественников.

Во главе кремлевской комендатуры оставался Спиридонов со своим заместителем Косынкиным. И, как того и следовало ожидать, оба Управления охраны возглавляли ставленники Абакумова, поскольку он к тому времени руководил МГБ. (Звезда бывшего руководителя Шестого управления Капанадзе закатилась вместе с отставкой Берии.) Руководство охраной Сталина доверили Александру Ракову, еще одному из многих офицеров-безопасников, мелькнувших на пути непостоянного Грузина.

Карьера Ракова закончилась в 1952 году, после падения Абакумова, когда его перевели на должность начальника исправительно-трудового лагеря. Почти столь же недолго Управление № 2 возглавлял генерал Дмитрий Шадрин. До этого назначения Шадрину здорово не повезло, поскольку на его долю выпало организовывать охрану Тито. Когда этот отважный балканский лидер пошел в 1948 году поперек своего могущественного хозяина, карьера Шадрина резко оборвалась. Однако ни Раков, ни Шадрин во время своего краткого пребывания на посту руководителей не имели настоящей свободы действий, несмотря на то что за обоими стоял Абакумов. Причиной этому являлся Кузнецов, ставленник Жданова, который и в буквальном, и в переносном смысле слова постоянно заглядывал им через плечо.

Однако затруднения Ракова и Шадрина воспринимаются больше как теоретические, столь недолго пробыли они на своих постах. Дело в том, что в феврале 1947 года, менее чем через год после очередной кадровой перетряски, Сталин вместе с Поскребышевым снова произвели реорганизацию личной охраны. Относительная самостоятельность всех трех подразделений — обоих Управлений охраны и комендатуры Кремля — была ликвидирована. Несмотря на то что эти три организации сохранили свое раздельное существование, их подчинили совершенно новой структуре. Теперь в руках нового руководства сконцентрировалась поистине гигантская, всеобъемлющая служба безопасности — куда более мощная и разветвленная, чем предыдущая или когда-либо созданная другим мировым лидером — коммунистическим, или, наоборот, антикоммунистическим. Эта организация теперь называлась просто Главным управлением охраны (ГУО).

Власик, дослужившийся к тому времени до генерал-лейтенанта МГБ, был назначен на должность руководителя ГУО. Его заместителями стали люди Абакумова, Владимир Линько и Серафим Горышев. Находясь в прямом подчинении этого трио, главой Охраны № 1 оставался Раков, а Охраной № 2 продолжал руководить Шадрин, которого в 1948 году заменили сотрудником МГБ, бывшим офицером московского СМЕРШа, генерал-майором Розановым (еще одним из числа тех, чьи имена мало что кому говорят). Продвижение по служебной лестнице госбезопасности парочки Линько-Горышев закончилось в 1952 году, после того как Сталин уволил Абакумова. Как и Ракова, Горышева перевели в начальники лагеря. Розанова отправили служить в милицию. Линько же не повезло. Его арестовали и впоследствии, скорее всего, расстреляли. В самом начале у Власика, а также у обоих его

заместителей, людей Абакумова, возникали трения с ждановским ставленником Кузнецовым, однако тот ненадолго пережил своего патрона.

С точки зрения Сталина и Поскребышева установленное ими единовластие в ТУО являлось хорошо продуманным усовершенствованием по сравнению с предшествующим ему тройным руководством. И не только потому, что организация явно заработала более эффективно, — в первую очередь она стала безопасней, поскольку официально находилась под руководством Власика, который, в свою очередь, подчинялся Поскребышеву. При прежних двух управлениях и отдельно стоящей комендатуре Кремля всегда оставалась опасность, хотя и весьма отдаленная, что некий предполагаемый соперник Сталина смог бы подкупить все или наиболее важные подразделения личной охраны! Особо уязвимыми в этом отношении являлись Охрана № 2 и комендатура.

В результате, не считая некоторых малозначительных организационных перемен и смены поколений, а также дальнейших размолвок Сталина с Власиком и Поскребышевым, ГУО сохраняло свою базовую структуру образца 1947 года почти до самой смерти диктатора.

«Ленинградское дело»

Период с 1949-го по 1953 год запомнился сталинской охране, даже ее рядовому составу, как годы испытаний, поскольку в этой организации по крайней мере до 1943 года царили относительный мир и спокойствие. Если, конечно, не считать отставки и ликвидацию многих руководителей высшего и среднего звена, ставших среди безопасников обыденным явлением. Однако в последующие четыре года жизнь даже рядового состава охраны стала весьма тревожной, поскольку никто не знал, что происходит или может произойти в следующий момент.

Причиной подобной нестабильности являлись одновременно несколько важнейших факторов: внезапная смерть в конце 1948 года предполагаемого преемника Сталина Жданова и начавшаяся после этого борьба за власть среди подчиненных Хозяина; напрямую отразившаяся на верхнем эшелоне сил безопасности, а также постоянно растущая раздражительность, злобность и непредсказуемость Сталина, стремительно терявшего свои физические и духовные силы и дряхлевшего буквально на глазах. Кульминацией явилась смерть диктатора, когда борьба за власть перешла в открытую стадию, что не могло не пошатнуть сами основы такой организации, как Охрана.

Что касается Абакумова, то после смерти Жданова он оказался в очень трудном положении, за которым неумолимо последовали его падение и ликвидация.

Хотя Абакумов вряд ли заслуживает особых симпатий, однако следует признать, что он оказался единственным из всех, допущенных Сталиным и Поскребышевым в высший эшелон службы безопасности после грандиозных чисток, кто не имел ни политических связей, ни амбиций. Его основной заботой являлась защита Сталина и его режима, а также исполнение всех прихотей Грузина (которые передавались ему напрямую или через Поскребышева) и, разумеется, беспокойство о собственном благополучии. В противоположность Абакумову все остальные были выдвигенцами Берии или Жданова, что обуславливало их верность в первую очередь этим фигурам второго плана, а не Сталину.

Стараясь избавиться от подобного разделения лояльности среди личного состава сталинской службы охраны, Абакумов убедил вождя и Поскребышева, что куда лучше поставить во главе ГУО даже тупоголового Власика, чем Кузнецова. Более простодушный Жданов, которому было далеко до коварного

Берии, не высказал никаких возражений на перевод Кузнецова в секретариат партии. Он явно считал, что его отношения со Сталиным (особенно после женитьбы сына Жданова на дочери последнего) не требуют таких мер предосторожности, как внедрение в ближайшее окружение Грузина своего агента.

Однако Берия, будучи отлученным от власти своими ядерными проблемами, отлично осознавал необходимость следить за каждым маневром, планируемым или осуществляемым Сталиным и Поскребышевым. Но тут Абакумов совершил непростительный в тактическом плане промах, почти с пуританской гордыней отвергая любые попытки сближения со стороны обеспокоенного Берии. Когда Сталин назначал Абакумова на пост главы МГБ, он предупреждал его о возможных происках Берии, и теперь тот действовал в соответствии с этими наставлениями.

Сталин и Поскребышев велели Абакумову обзавестись большим количеством современных подслушивающих устройств и установить их в квартирах, кабинетах и на телефонных линиях каждого члена Политбюро, высокопоставленных офицеров Советской армии, а также более мелких сановников. Вся полученная через подслушивающие устройства информация ежедневно доводилась до сведения Поскребышева, который, в свою очередь, докладывал ее Сталину. На основе материалов этих подслушиваний вождь впоследствии осуществил перетряску партийного и государственного аппарата. Некоторая часть этой информации, зачастую вырванная из контекста и «подкорректированная», была потом использована, чтобы отправить на смерть Кузнецова, Вознесенского и некоторых других.

В «старые добрые дни», когда Берия вместе с Меркуловым заправляли госбезопасностью, Лаврентий Павлович всегда лично знакомился с материалами прослушивания до того, как доложить о них Сталину и Поскребышеву. Он и теперь неоднократно пытался возобновить подобную практику с Абакумовым, но ему это ни разу не удалось. Последнему даже пришлось солгать Берии, что с подслушиванием уже покончено. Подобные отказы и отговорки приводили Лаврентия Павловича в страшную ярость. Таким образом, оставалось лишь вопросом времени, когда более хитрый Берия возьмет верх над по-своему преданным вождю, но крайне непредусмотрительным Абакумовым.

Ростки этого процесса показались уже после смерти Жданова. «Информация» о его отравлении поступила от работницы кремлевской больницы Лидии Тимашук. Обладая медицинской ученой степенью, она работала всего лишь медсестрой, на самом деле являясь информатором оперативного отдела ГУО. Тимашук доложила, что врачи Жданова лечили его не теми препаратами, что и послужило причиной смерти.

Первый свой донос Тимашук сделала еще при жизни Жданова. Абакумов немедленно начал расследование, которым руководил лично, но допустил грубую — и фатальную — ошибку, не доложив об этом Поскребышеву или Сталину. Абакумов арестовал профессора-медика, якобы имевшего отношение к «отравлению». А когда несчастный отказался сознаваться в своей «вине», поместил его в одиночную камеру Лубянки. Абакумов также связался с начальником личной охраны Жданова, который доложил ему, что «эта баба (Тимашук) просто чокнутая». Несколькими днями позже профессор, и без того больной человек, подхватил пневмонию и умер в застенке. По чистому совпадению одновременно с ним умер Жданов, и Абакумов закрыл дело, объяснив своим сотрудникам: «Мы должны закрыть следствие, иначе всем нам не сносить головы». И тут он не преувеличивал. Прослужив в высшем руководстве госбезопасности достаточно долго, Абакумов хорошо понимал, что над ним стояли группировки и высокопоставленные лица, которым могло бы не понравиться слишком тщательное расследование. Он также допускал вероятность того, что Поскребышев и (или) Сталин, действуя через независимый и всемогущий оперотдел ГУО, могли отделаться от Жданова по причинам, не входившим в его компетенцию.

Почти одновременно с закрытием дела Жданова Абакумов стал своего рода невинной жертвой в очередной сваре за власть, затеянной на этот раз Маленковым, очередным сталинским фаворитом, который сменил покойного Жданова. Дабы утвердить свои позиции «престолонаследника», этот человек, наиболее перспективный из питомцев секретариата Поскребышева, нанес молниеносный удар. Его первоочередными жертвами, разумеется, стали сторонники Жданова. Лидирующими среди них оказались Кузнецов и Вознесенский. Последний также являлся выпускником «секретариата» и лауреатом Сталинской премии за теоретические труды по экономике. И, конечно же, необходимо было убрать весь ленинградский аппарат Жданова.

Очевидно, Сталин всецело поддерживал и одобрял действия Маленкова, наслаждаясь зрелищем очередной свары за власть. Дочь вождя Светлана (хоть у нее иногда нелады с хронологией)

позднее описывала, как ее отец с холодным равнодушием велел не пускать Кузнецова на обед, отлично зная, что этот верный пес его личной охраны входил в число приглашенных.

Такая продуманная грубость диктатора послужила все равно что приказом шефу МГБ. В соответствии с этим и, несомненно, удовлетворяя собственную жажду мести, Абакумов лично арестовал Кузнецова. Взятие под стражу производилось в кабинете Маленкова. Кузнецова казнили в феврале 1949 года.

Ликвидации Вознесенского предшествовало его смещение со всех партийных и государственных постов. Арестован он был лишь несколько месяцев спустя после этого ритуала и в 1950 году расстрелян. Вследствие падения Вознесенского репрессиям подвергся и его брат, Александр Вознесенский. Занимая пост министра образования РСФР, Александр был также ректором Ленинградского университета, по иронии судьбы носящего имя Жданова.

* * *

Наиболее сложным поручением Маленкова, с которым справился Абакумов, была судебная инсценировка, известная под названием «ленинградское дело», или, говоря проще, ликвидация всего ждановского аппарата Северной столицы.

Корни этого позорного судилища тянулись в 1948 год, когда еще при жизни Жданова, второго человека в стране, было задумано перенести столицу РСФСР вместе со всеми партийными учреждениями из Москвы в Ленинград. Сторонниками этого переезда были Родионов и Власов, соответственно председатели Совета Министров и Президиума Верховного Совета РСФСР, а также Вознесенский, Кузнецов, Петр Попов, первый секретарь Ленинградского обкома, и другие члены ждановского аппарата. Настаивая на том, что это положительно скажется на эффективности деятельности как республиканской партийной организации, так и правительства РСФСР, они опирались на тот факт, что Украина и Белоруссия, а также другие союзные республики имели свои собственные столицы.

Нетрудно представить, как Маленков принялся виться вокруг почти семидесятилетнего диктатора и вливать ему в ухо яд лживых доносов о замыслах ждановских фаворитов. Скорее всего, Маленков упирал на то, что перенос столицы СССР заставит потускнеть славу Сталина, как властелина всего Советского Союза, и привлечет повышенное внимание мирового сообщества к Ленинграду и русским, а не к Москве, где правил Сталин.

Конечно, это лишь предположение, однако факт остается фактом — Маленкову удалось пробудить в Сталине гнев против соратников Жданова, чье предложение он назвал «троцкистским» и приказал провести расследование.

Эту позорную обязанность Маленков поручил Абакумову, который, стараясь угодить требованиям своих хозяев, рьяно принялся за фабрикацию «дела ждановцев». Все происходило в обстановке строжайшей секретности, и крайне сомнительно, чтобы за закрытыми дверями судов соблюдались необходимые формальности. Эти суды стали как бы отзвуками чисток тридцатых годов в миниатюре, однако без официальных заявлений, характерных для того мрачного времени.

В результате инсценировки, проведенной Абакумовым под руководством Маленкова, Поскребышева и под наблюдением Сталина, все ждановские партийные и государственные лидеры Ленинграда были полностью уничтожены. Чистка коснулась и других регионов. Более остальных пострадала Москва, где первый секретарь Московского комитета партии Георгий Попов, водивший дружбу со Ждановым, был отстранен от должности и заменен Хрущевым. Из без малого трехсот попавших под чистку ждановцев большинство было послано на смерть.

Весной 1949 года, почти сразу по завершении «ленинградского дела», Маленков подкинул Абакумову еще одну работу. На этот раз ему предстояло заняться евреями, этими извечными козлами отпущения русских царей, комиссаров и их преемников. Под руководством Поскребышева Абакумов раскопал, а точнее, сфабриковал так называемый «еврейский заговор», устроенный «безродными космополитами», который якобы доказывал, что они действовали как агенты международного сионизма и израильского правительства по всему Советскому Союзу. Уничтоженные в результате этой фальсификации евреи в большинстве своем являлись невинными жертвами. Они просто угодили под шальные пули огня, направленного по главной мишени, по Молотову, известнейшему из уцелевших сталинских ветеранов и потенциальному препятствию Маленкова к вершинам власти. Жена Молотова Полина Жемчужина и его заместитель на посту министра иностранных дел Соломон Лозовский были евреями. Проще всего оказалось найти повод для ареста жены Молотова, потому что до этого она выступала с предложением создать Еврейскую автономную республику в Крыму и переселить туда всех евреев Советского Союза, включая и тех, кто проживал в фиктивной Еврейской автономной области на Дальнем Востоке.

Полину Жемчужину выгнали из партии, лишили всех

гражданских прав (хотя о каких правах можно говорить при советской системе) и отправили в один из самых ужасных исправительно-трудовых лагерей Крайнего Севера, в Воркуту. (Хотя позднее она была переведена в менее режимный лагерь в Казахстане.) Несмотря на множество позорных пятен на совести Молотова, он, к своей чести, не последовал общепринятой тогда практике и не отрекся от собственной жены. В результате в марте 1949 года Молотова, невзирая на прежние заслуги, «освободили» от обязанностей министра иностранных дел. Он продолжал числиться первым заместителем председателя Совета министров, но всего лишь номинально. Судебный приговор, вынесенный его жене, поставил крест и на его карьере, что опытный функционер прекрасно понимал. С этого времени Молотов даже не утруждал себя посещением своего рабочего кабинета, не говоря уж об активном участии в партийных и государственных делах. Человека, чье имя дало название «коктейлю Молотова», вошедшего во все мировые языки, не моргнув глазом, просто смели с пути, как и тысячи других.

* * *

Лишь единственно для сравнения с участью репрессированных ждановцев и евреев стоит вкратце упомянуть о судьбах их охранников. Однако это наглядно иллюстрирует, почему период с 1949-го по 1953 год являлся для Охраны «годами тяжких испытаний». Стоило Сталину снять с должности какого-нибудь партийного туза, как его охранники тут же лишались работы и в большинстве случаев переводились в органы безопасности в провинции. Но если хозяина не просто увольняли, но и арестовывали и сажали в тюрьму, тогда вслед за ним в заключение отправлялся начальник его охраны, а телохранителей рангом ниже рассылали по отдаленным районам Сибири. И не было ни одного случая, чтобы служба безопасности перешла по наследству от одного иерарха к другому. После ареста Кузнецова руководитель его охраны тоже последовал в тюрьму. Неизвестно, был ли он также расстрелян, но исчез бесследно. Расправились и с охранниками Вознесенского. А вот охрану Жданова, поскольку, по официальной версии, умер он «естественной смертью», частично распахали по другим подразделениям госбезопасности, а частично перевели на службу в Москву. Несколько охранников, шоферов и кое-кого из obsługi оставили при жене и сыне Жданова. Сосланной в лагерь жене Молотова тоже позволили взять с собой нескольких сотрудников охраны (что не доводилось

до сведения Сталина). Трудно себе представить, чтобы они отправились в Воркуту добровольно...

Разгром «личной гвардии» Сталина

Репрессии против евреев продолжались ускоренными темпами, захватив даже значительную часть 1952 года. Они послужили своеобразным фоном для очередного акта борьбы за власть среди обеспокоенных прихлебателей дряхлеющего Сталина. Главным результатом этой свары явилось постепенное, но весьма уверенное возвращение во власть Берии. К 1950 году этот самый влиятельный из всех когда-либо существовавших коммунистических руководителей госбезопасности сумел добиться назначения своего главного соратника, Меркулова, главой могущественного Министерства госконтроля.

Поступая так, Берия заодно убирал с пути руководившего этой организацией Мехлиса, главного довоенного «чистильщика» Красной армии и старого преданного лакея Сталина и Поскребышева. Таким образом Лаврентий Павлович снова проторил себе путь к управлению аппаратом госбезопасности. Вскоре после этого успешного шага Берия лично информировал прессу, что сотрудник охраны Рюмин, проводивший по поручению Абакумова расследование смерти Жданова, переведен в министерство Меркулова.

Тогда это выглядело невинным, не заслуживавшим внимания переводом. Но в дальнейшем стало ясно, что подобная служебная перестановка не только отрицательно сказалась на работе слаженной и опытной охраны Сталина, но и некоторым образом приблизила смерть диктатора.

Поскольку Рюмин был законченным бюрократом типа царских чиновников, описанных в гоголевском «Ревизоре», прекращение Абакумовым следствия по делу об отравлении Жданова до самых глубин задело его мелочную бюрократическую душонку. Он едва не сгорал от нетерпения продолжить начатое. И вот такая возможность, похоже, представилась, когда его перевели в штат Меркулова. Преднамеренно ли Берия перевел Рюмина в Министерство госконтроля, чтобы помочь ему расстаться с грузом знаний о расследовании смерти Жданова, или же Рюмин добровольно доложил об этом Меркулову и (или) Берии после своего перехода в ведомство Меркулова, неизвестно. Несомненно лишь одно — такой мелкий бюрократ, занимавший всего лишь чин подполковника госбезопасности, должен был иметь мощное прикрытие, возможно, самого Берия, чтобы решиться написать — не говоря уже о том, чтобы послать, — в середине лета 1951 года письмо Сталину.

В этом письме Рюмин обвинял Абакумова в том, что он

закрыв расследование по отравлению Жданова и утаил сам факт его проведения. И через несколько часов последовала расправа. Абакумова, как раз собиравшегося покинуть кабинет Поскребышева в Кремле после обычного вечернего доклада, арестовали сотрудники оперотдела Охраны. Его отвезли на Лубянку и поместили в одиночную камеру. Вместе с Абакумовым забрали семь его заместителей и еще несколько десятков старших офицеров. Начальник личной охраны Абакумова подполковник Кузнецов (просто однофамилец ставленника Жданова) был взят под стражу несколькими днями позже, и его обвинили в недонесении о «преступных деяниях» своего хозяина.

Любопытно отметить, что выдвинутое в то время обвинение против Абакумова заключалось в том, что он, руководя расследованием по «ленинградскому делу», не распознал врагов народа, что практически приравнялось к государственной измене. Но никаких упоминаний о следствии по делу Жданова не прозвучало, поскольку это могло помешать дальнейшим планам Сталина.

* * *

Как и следовало ожидать, арест Абакумова и его сотрудников вызвал среди рядового состава Охраны серьезные опасения, а затем и нешуточную тревогу. В сентябре 1951 года Хрущеву было поручено успокоить партийных деятелей Охраны и разъяснить им ситуацию. В своей речи этот коротышка слово в слово повторил выдвинутое Сталиным обвинение против Абакумова и его офицеров, заключавшееся в том, что они проявили преступную халатность и не распознали среди аппарата Северной столицы врагов народа. Однако мало кто из Охраны принял на веру процитированные Хрущевым слова Сталина. Большинство осталось при убеждении, что Абакумов попал под топор с подачи Берии, который искал возможность отомстить ему за ряд своих уволенных ставленников. Но все согласились с побочными обвинениями против Абакумова в его аморальном поведении и растрате государственных средств. Им ли было не знать о бесчисленных любовницах своего шефа и казенных деньгах, которые он тратил на их содержание...

Через несколько дней после падения Абакумова Берия предпринял попытку ковать железо, пока оно горячо. Он предложил Сталину доверить Меркулову пост главы госбезопасности. Однако диктатор, интуитивно не доверявший Берии, отверг эту кандидатуру и назначил генерал-лейтенанта

Сергея Огольцова — единственного из заместителей Абакумова избежавшего ареста — исполняющим обязанности начальника госбезопасности.

Тогда Берия, желая любыми средствами взять реванш, стал напирать на преступления Абакумова, сетуя по поводу плачевного состояния, в котором оказалась служба государственной безопасности под его руководством. В результате Сталин согласился назначить комиссию по расследованию не только деятельности Абакумова, но и всего аппарата госбезопасности в целом. В состав этой комиссии вошли Берия, Маленков, Булганин и Игнатьев. В декабре 1951 года, после начала работы следственной группы, Огольцов был отстранен от должности, а МГБ возглавил Игнатьев, до того времени подвизавшийся в должности инспектора (чиновника нижнего звена) ЦК КПСС. А настоящий босс, временно вернувший себе милость Хозяина Берия, помог ему обзавестись заместителями, которые, разумеется, являлись его собственными ставленниками.

Однако наиболее деятельным заместителем Игнатьева был донесший на Абакумова «эксперт» по делу Жданова Рюмин. Сталин, у которого к тому времени развился настоящий психоз, если не надвигающееся безумие, счел Рюмина и его «разоблачения» неожиданной удачей. Со временем он прочистил мозги покорному и, несомненно, насмерть перепуганному Рюмину и заставил его принять деятельное участие в фальсификации расширенного варианта дела о смерти Жданова. Эта новая версия незамедлительно превратилась в «заговор врачей», ложь, утверждавшую, что ряд врачей — количество их постоянно возрастало — был замешан в отравлении Жданова и Щербакова, прежнего секретаря ЦК, точно таким же способом они якобы намеревались поступить со Сталиным и некоторыми членами Политбюро, а также руководителями Советской армии. Разумеется, большинство из этих «злодеев», ни в чем не повинных врачей, были евреями, имевшими несчастье угодить под очередной русский погром.

В соответствии с этой чудовищной фальсификацией была награждена орденом Ленина агент Охраны медсестра Тимашук. Ее награждению сопутствовала хвалебная кампания в советской прессе. Однако остается только гадать, по собственному ли почину действовала эта женщина, давшая толчок кровавой мясорубке 1948 года, или она выполняла указания Сталина, подготавливая тем самым почву для другого, куда более изощренного дела, чем убийство Кирова.

Поскольку Сталин твердо решил превратить «заговор врачей» в большой показательный процесс, как в былую эпоху чисток, до

его объявления прошло довольно много времени, потребовавшегося на предварительную работу. Должно быть, арестованные врачи оказались сильными духом людьми, раз их так долго не могли сломить. Несколькими годами позже, разоблачая «культ личности», об этом упоминал Хрущев, который процитировал обращенные к Игнатьеву (и Рюмину) слова диктатора: «Если вам не удастся выбить признание у этих докторов, то мы укоротим вас на голову». Вооружившись подобным напутствием и используя средства, которые лучше не описывать, эта пара заставила врачей наконец сознаться...

* * *

Тем временем комиссия Берии трудилась не покладая рук. Она обнаружила, что Охрана обходится государству в три миллиарда рублей в год, в связи с чем было рекомендовано в целях экономии сократить руководителей нескольких отделов госбезопасности. Но, не ограничиваясь только этим, комиссия предложила основательно урезать охрану Сталина и таким образом взять вождя под контроль. К этому времени диктатор был настолько увлечен подготовкой «заговора врачей», что не смог отреагировать адекватно.

В результате Берия «вычистил» Охрану, ту самую организацию личной безопасности, которую Сталин, находясь в здравом рассудке и твердой памяти, довел практически до совершенства. Десятки генералов и полковников бросили в застенки или перевели на новое место службы, в лагеря. От первоначальных семнадцати тысяч человек, служивших в Охране, осталось всего семь тысяч. Большинство уволенных Берия перевел в другие организации госбезопасности, придерживая их в резерве до того времени, когда ему подвернется случай захватить власть.

Остальных он полностью реорганизовал. Отдел регулирования уличным движением попал под начало милиции. Управление снабжения, занимавшееся собственными подсобными хозяйствами и скотобойнями для потребностей партийных чинов, вернули частично Министерству торговли, а частично — Главному управлению снабжения госбезопасности. Принадлежавшие Охране колхозы и совхозы передали в ведение Министерства сельского хозяйства. Вездесущие люди в штатском, некогда так примелькавшиеся на главных магистралях Москвы во время передвижений Сталина и его заместителей в Кремль и обратно, попали в подчинение госбезопасности, в отдел службы наблюдения.

Перед тем как окончательно урезать число телохранителей Сталина, Берия открыто заявил группе высших чинов Охраны, получивших новые должности в столице: «Для чего нам три тысячи агентов в штатском на улицах Москвы? Или вы считаете, что спустя тридцать пять лет со времени революции найдется хоть кто-то, кто захочет убить нашего дорогого товарища Сталина? Товарища Сталина любят все. Поэтому нет необходимости держать такую большую охрану».

Далеко не все руководители Охраны остались довольны проведенными сокращениями, но молча повиновались Берии. Таким образом, когда сокращения закончились, личная охрана Сталина, Охрана № 1, ослабла практически наполовину; оставшаяся обеспечивать безопасность диктатора группа офицеров, возглавляемая всего лишь майором, оказалась не только малочисленной, но и малоопытной. Перемены не коснулись только состава той части Охраны, которая обслуживала личное хозяйство диктатора.

В начале мая 1952 года, в самый пик кампании Берии, примерно двести пятьдесят офицеров, уволенных из Охраны, собрались у здания отдела кадров госбезопасности в надежде получить новое назначение. Только немногим бывшим охранникам Берия назначил пенсию. Остальным же было предложено отправляться служить в отдаленные лагеря Сибири.

Большинство из тех, кому не посчастливилось выйти на пенсию, совершенно не понимали истинную подоплеку всей кампании, затеянной Берией. Поэтому вскоре они снова собрались перед зданием госбезопасности на площади Дзержинского. Блокировав подъезд, которым пользовался Игнатьев, они потребовали, чтобы он вышел к ним. Испуганный министр позвонил Берии, и тот посоветовал шефу МГБ извиниться и успокоить протестующих, переписав их фамилии якобы для определения будущего назначения. Так закончилась первая в истории демонстрация российских телохранителей, обеспечивавших безопасность лидера государства. На следующий день их всех собрали в отделе кадров и спокойно повторили прежнее предложение — Сибирь. В течение недели все они исчезли из Москвы.

* * *

А в мае 1952 года комиссия Берии доложила Сталину не только о тех относительно мелких прегрешениях, как то растраты Абакумова или баснословная стоимость Охраны. Она также

сообщила, что Абакумов не являлся единственным, кто не донес об «отравителях», поскольку Власик с Поскребышевым тоже знали об этом.

Разумеется, наговор на эту парочку самых преданных лакеев диктатора был хорошо продуман. Однако Берия пошел на этот тщательно взвешенный риск, полагая, что душевное состояние Сталина близко к тому, в котором некогда пребывал Иван Грозный, и что подозрительность диктатора позволит ему (Берии) разлучить вождя с его самыми преданными псами.

Все вышло по-задуманному. Сталин, будучи сам великим лжецом и посему умевший моментально распознавать чужое вранье, потерял былое чутье. Он пришел в неопишемую ярость, обозвав Поскребышева «собутельником Власика, продавшимся за пол-литра», а Власика — «пьяницей и дармоедом». Оба немедленно были уволены. Затем подозрительность Горца обернулась против главы медицинского управления Кремля профессора Петра Егорова и своего давнего личного терапевта Владимира Виноградова, которых он велел арестовать. Следующими жертвами сталинского гнева пали сотрудники его личной охраны, которых он также окрестил «дармоедами», а ее руководителей — Ракова, Розанова, Линько и Горышева — ликвидировал, завершив тем самым разрушение собственной службы безопасности, чем оказал Берии неоценимую услугу.

Власик, бывший преданнейший сторож дверей скромного некогда кабинета своего хозяина, был не просто уволен, но и исключен из рядов партии и отправлен в Свердловск — даже не начальником, а заместителем начальника исправительно-трудового лагеря.

Когда Власик уезжал на Урал, провожать его пришла целая группа офицеров. Среди них находился и Василий, сын Сталина, давний собутельник Власика. Василий, как обычно, был пьян и, когда состав отошел от перрона, выкрикнул: «Они убьют его, они хотят убить его!». Под «ними» он подразумевал членов Политбюро, а под «ним» — своего отца.

Компания офицеров, которая вместе с Василием провожала Власика, была уволена сразу же по возвращении на свои рабочие места в здание на Лубянке.

С Поскребышевым обошлись менее сурово. Для начала его поместили под домашний арест на собственной даче в Подмоскowie, под охраной людей Игнатьева и Берии.

В середине лета 1952 года Власик, который лишь немногим был младше своего хозяина и к тому времени стал совершеннейшей развалиной, тайком покинул Свердловск и отправился в Москву. Он предпринял попытку повидаться с

Поскребышевым, однако охранявшие дачу сотрудники Берии не пустили его. Тогда Власик направился в Кремль, в надежде встретиться со Сталиным. И снова его прогнала охрана. Позже его забрали прямо у кремлевских ворот и отправили на Лубянку. Две недели спустя Власик скончался в ее стенах от «болезни».

Немного погодя после смерти Власика Поскребышева освободили из-под домашнего ареста и вернули в Кремль. Но это вовсе не означало, что Сталин смягчился или передумал. Своим возвращением Поскребышев был обязан тому единственному факту, что никто, кроме него, не обладал необходимой квалификацией, чтобы помочь диктатору подготовить назначенный на октябрь 1952 года XIX съезд партии и подобрать состав Политбюро.

Изгнание Власика и его заместителей вместе с ослаблением — благодаря стараниям Берии — власти и эффективности Охраны повлекло за собой последнюю при жизни Сталина реорганизацию личной службы безопасности. Весной 1952 года ГУО прекратило свое существование. Его заменили другой организацией — Управлением охраны. При этом ликвидировали Охрану № 1 и Охрану № 2, что фактически означало — теперь у Сталина не оставалось особой индивидуальной защиты, а только та, что была у других членов Политбюро и прочих партийных иерархов. После смещения Власика и его заместителей глава МГБ Игнатьев в течение нескольких месяцев лично исполнял обязанности начальника кастрированной Охраны. Позже эта выхолощенная Охрана получила собственного шефа, полковника госбезопасности Мартынова, который до того бессменно возглавлял службу охраны здания ЦК КПСС. Еще находясь при главной партийной резиденции, Мартынов близко познакомился с такими тузами второго плана, как Хрущев и Маленков. Именно по рекомендации последнего и, разумеется, с одобрения Берии Игнатьев и назначил Мартынова начальником того, что осталось от Охраны.

Сталин не стал возвращаться к услугам Поскребышева (которого к тому времени, должно быть, уже не переваривал), чтобы тот заново организовал его личную службу безопасности. Он также опасался полагаться на Мартынова и других начальников, возглавлявших Охрану к концу его правления. Вместо этого диктатор решил вернуться к испытанному варианту давних дней — к кремлевской комендатуре. Однако Грузин не доверился коменданту Кремля Спиридонову, справедливо полагая, что тот водит тесную дружбу с Маленковым и Берией. Вместо этого он вручил себя заботам его заместителя Косынкина. Умственными способностями Косынкин ненамного превосходил

тупоголового Власика, зато настолько фанатично был предан Сталину, что едва не целовал следы его ног.

* * *

В октябре 1952 года состоялся XIX съезд партии. Сталин все еще был в состоянии держать под контролем и его, и переизбранное Политбюро, влив в этот орган свежую кровь. Он справлялся со всеми проблемами, невзирая на плохое здоровье, ослабление умственных способностей и допущенную ошибку, позволившую фактически распустить Охрану, потому что, выражаясь фигурально, по-прежнему на целую голову возвышался над своими подчиненными, которые осмеливались лишь на не более чем молчаливое недовольство за его спиной.

Вскоре после съезда последнее детище Сталина, «заговор врачей», с помощью которого он намеревался раз и навсегда вычистить ряды своих приспешников, было доведено до совершенства. Рядовой состав Охраны, не посвященный, естественно, в суть фабрикации, лишь догадывался, что аресты медицинского персонала Кремля являлись только видимой частью айсберга. В отличие от них Берия и Маленков через Игнатьева знали об этом деле все и были не на шутку встревожены. Особое беспокойство вызвал тот факт, что фамилии Берии и Маленкова отсутствовали в списках партийных иерархов, которые, согласно следствию, должны были быть «отравлены» «врачами-вредителями». Это означало, что Сталин исключил их из ближайшего окружения и теперь они находились в смертельной опасности.

В январе 1953 года «дело врачей», больше года находившееся в производстве, наконец-то было завершено и о нем раструбили по всему миру. Одни сочли его за тонко замаскированный удар по Израилю; другие — за прелюдию к волне антисемитизма в государствах — сателлитах Советского Союза, и лишь некоторые из западных обозревателей сделали правильное предположение, разглядев в нем пролог к очередной сталинской чистке.

Сразу после объявления о «заговоре врачей» произошло относительно незначительное, но достаточно символичное событие. Бывший начальник охраны Жданова, находившийся в Москве в своего рода отставке, под тщательным надзором (тот, что называл Тимашук «чокнутой бабой»), неожиданно исчез из столицы. Через несколько недель интенсивного розыска, проведенного людьми Рюмина, его обнаружили в Сталинграде и принудительным порядком вернули в Москву, прямо на Лубянку.

То, как заткнули рот одному из немногих честных людей, имевших отношение к «ленинградскому делу», не прошло мимо внимания сталинских приспешников и усилило их тревогу.

Аккомпанемент подконтрольной советской прессы вскоре прояснил суть одного из аспектов «заговора врачей». Средства массовой информации в первую очередь атаковали госбезопасность, якобы проморгавшую «заговор». Конкретные имена не назывались, но даже люмпен-пролетариям стало ясно, что Берия вместе со своими соратниками оказались в страшной опасности, поскольку это они руководили органами госбезопасности, когда врачи задумывали свое «вредительство».

В результате двойного предупреждения — невключение в список подлежащих «отравлению», а также атаки прессы на госбезопасность — Берия произвел последнюю в эпоху Сталина реорганизацию Охраны. Маскируясь под чисто административные меры, Берия окончательно перевел оперотдел, агентов в штатском и комендатуру Кремля из подчинения Охране под начало МГБ.

Во главе Охраны он вместо Мартынова поставил игнатьевского полковника Николая Новика, опытного контрразведчика.

Практически единственным значительным шагом, предпринятым Новиком за его относительно краткое пребывание на новом посту, явилась отправка группы офицеров в Китай для ареста российского доктора, лечившего Мао Цзэдуна. Этот несчастный обвинялся не только в причастности к «заговору врачей», но и в попытке отравить самого китайского лидера.

Если не считать развязанной в прессе кампании против врачей и оплошавшей госбезопасности, над Кремлем и всей страной в течение месяца, последовавшего после объявления о заговоре, наступило что-то вроде затишья перед бурей. Затем, 17 февраля 1953 года, поступило сообщение, что генерал Косынкин, заместитель коменданта Кремля и единственный из оставшихся высших чинов Охраны, которому Сталин мог доверять, внезапно скончался от «сердечного приступа». В тот же самый день в высшем командовании армии произошли более чем серьезные перемены. Генерала Штеменко, занимавшего пост начальника штаба Вооруженных Сил Советского Союза, сменил маршал Василий Соколовский. Во время войны Штеменко, бывший тогда начальником оперативного отдела Генерального штаба, работал в непосредственном контакте со Сталиным, и диктатор не только полностью доверял ему, но и искренне был привязан к этому генералу. Смещение Штеменко имело чрезвычайно важное значение для тандема Берия-Маленков, а особенно для их прихвостня Булганина, также не включенного в списки «жертв

отравления». Одновременно с заменой Штеменко на Соколовского из Генерального штаба убрали людей Охраны, заменив их офицерами армейской контрразведки.

* * *

Так завершился процесс, который лишил Сталина персональной службы безопасности, если не считать оставленных для ширмы младших офицеров Охраны в его кремлевском Кабинете и дома. Все это было хорошо продуманным и ловким маневром: арест Абакумова, смещение Власика, дискредитация Поскребышева, постепенное сведение на нет Охраны и подчинение ее МГБ, «сердечный приступ» Косынкина, замена Штеменко и ликвидация последнего контроля над Генеральным штабом со стороны Охраны. Определенно не стоит забывать и об увольнении личного врача диктатора, явившемся следствием контроля МГБ над персоналом кремлевской больницы. Получив под свое начало вооруженные силы и госбезопасность, «соратники» Сталина наконец-то оказались в седле. По иронии судьбы все это было проделано при попустительстве и едва ли не содействии вождя, что свидетельствовало о полной утрате Грузином способности управлять советской империей. Иван Грозный, так восхищавший Сталина, даже будучи совсем безумным, до самого конца управлял машиной террора, в то время как Грузин сложил оружие преждевременно.

Пять дней спустя после смерти Косынкина нападки в прессе по поводу «заговора врачей» оборвались так же внезапно, как и начались. Что остановило этот выпестованный Сталиным проект, неизвестно. Уцелевшие «соратники» вождя воздержались от раскрытия деталей. Непосвященными в них оказались те сотрудники выхолащенной Охраны, которые позже бежали на Запад. А телохранителей, бывших при Сталине до самых последних дней, уже нет в живых, чтобы пролить свет на это темное дело.

Однако логично предположить, что сразу же после снятия Штеменко и ликвидации Косынкина прихлебатели диктатора решились выступить против него. Они отлично понимали, что ради спасения собственной шкуры необходимо как можно скорее прекратить дело по «заговору врачей», иначе им грозило предстать перед судом, поодиночке или единой группой.

Но события приняли иной оборот. Один из охранников, обеспокоенный тем, что Сталин долгое время не выходит из своих апартаментов, собрался с духом и заглянул в кабинет диктатора.

Там он увидел сидящего за столом потерявшего сознание Сталина. Охранник немедленно забил тревогу и, как положено, оповестил всех членов Политбюро.

Однако больного диктатора перевезли — в обстановке строжайшей секретности — на его дачу в Кунцево, на окраине Москвы, не раньше, чем на следующее утро. Как только Сталина доставили туда, немедленно был собран консилиум врачей. Будучи функционерами МГБ, в профессиональном отношении они стоили не больше, чем Тимашук. Никто даже не побеспокоился пригласить Виноградова. Как и следовало ожидать, «доктора» из МГБ не смогли (или не захотели?) помочь парализованному Сталину. Поэтому позже вызвали министра здравоохранения, который совершил последние медицинские формальности. Официально Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) скончался 5 марта 1953 года.

Падение Берии

Берия после смерти Сталина, очевидно, решил, что для достижения верховной власти ему необходим такой же контроль над службой внутренней охраны и прочими подразделениями госбезопасности, какой во времена становления своей власти добился его земляк.

Не успело тело Сталина остыть, как Берия приказал войскам МГБ, в первую очередь Первой мотострелковой дивизии имени Дзержинского (особого назначения) и Второй мотострелковой дивизии, выдвигаться с мест дислокации в столицу. В течение нескольких часов эти части не только взяли под контроль и остановили уличное — включая пешеходное — движение на всех значительных магистралях столицы, но и охватили кольцом Кремль. Так город, вместе со всеми партийными и правительственными учреждениями, а также Верховное армейское командование, оказался в фактической осаде.

Имея в своем подчинении войска, полностью контролирующую ситуацию, Берия позволил по-быстрому произвести «дележ добычи». Наследный принц Маленков возглавил партию и правительство. Госбезопасность отошла к Берии, вооруженные силы — к Булганину, а Министерство иностранных дел — к Молотову.

Однако еще до официального объявления о разделе власти между «соратниками» началась политическая свара. Сам Лаврентий Павлович оказался слишком занят укреплением собственной власти над силами безопасности, чтобы участвовать в ней. Он слил МВД и МГБ в единое министерство, которое, разумеется, сам и возглавил. Как показало время, в процессе реорганизации он совершил серьезную ошибку: в качестве своего заместителя Берия оставил прежнего министра внутренних дел, человека Маленкова, Круглова, а вторым заместителем взял Серова, выдвиженца Хрущева.

Почти одновременно с этим Берия ввергнул бывшего главу МГБ Игнатьева назад, в пучину партийного аппарата, и арестовал его заместителя Рюмина — главного фальсификатора «заговора врачей». Этот «заговор» преемники Сталина не замедлили выставить на всеобщее обозрение, разоблачая его как подлог, чем он на самом деле и являлся. Стоит также отметить, что находившийся при диктаторе в последние моменты его жизни министр здравоохранения бесследно исчез.

Не упустил из виду Берия и реорганизацию Охраны. Он понизил статус этого некогда элитного и независимого

подразделения до простого Девятого управления госбезопасности. Подобным маневром Берия преследовал двоякую цель: Охрана, которую он исподволь готовил к окончательному захвату им верховной власти, становилась с виду менее значительной в глазах широкой общественности; к тому же это давало возможность перевести личную охрану остальных преемников диктатора под свое непосредственное начало. Причем Берия искренне полагал, что сам он не нуждается в личной охране, поскольку является руководителем всей госбезопасности страны. Но тут Лаврентий Павлович жестоко ошибался. Точно такого рода ошибкой было и то, что он отослал вызванные им дивизии госбезопасности, обеспечившие ему контроль над всей Москвой после смерти Сталина, обратно в казармы, не прибрав немедленно всю власть к своим рукам. Оглядываясь в прошлое, теперь можно с уверенностью сказать, что с того самого момента, как Берия оставил своим заместителем Круглова и отпустил из столицы войска госбезопасности, дни его были сочтены.

А тем временем, пока Берия занимался укреплением своей власти над госбезопасностью, остальные «соратники», в особенности Хрущев, занимались, как впоследствии выяснилось, более важными вещами. Не прошло и двух недель после смерти Сталина, как Хрущев надавил на Маленкова, и тот уступил ему пост руководителя партии. Что именно использовал Хрущев в качестве средства давления, осталось неизвестным. Как бы там ни было, угроза, должно быть, оказалась весьма серьезной, поскольку Маленков сдался, даже не пикнув.

* * *

Берия между тем продолжал заниматься госбезопасностью. В результате Охрана и прочие подразделения МГБ, поначалу приветствовавшие воцарение Берии, надеясь на возвращение «старых добрых деньков», испытали на себе еще несколько месяцев тяжелой беспокойной жизни.

Для начала Лаврентий Павлович провел массовую чистку всех офицеров корпуса госбезопасности, сотрудничавших с Абакумовым или Игнатьевым, а также тех, кто тайно помогал укреплению власти Маленкова, Булганина, Молотова или Хрущева (исключая людей Круглова и Серова). Эта чистка явилась одной из самых страшных кампаний со времен конца тридцатых. В нее оказались вовлечены не только старшие офицеры охраны московских руководителей, но и начальники

младшего звена вместе с подчиненными на всех бескрайних просторах Советского Союза.

Берия восстановил на высших постах своих личных приверженцев, отстраненных с должностей с 1946 года Абакумовым, Поскребышевым и прочими. Почти сразу же был уволен Новик, а старый приятель Берии, генерал Сергей Кузьмичев, был освобожден из заключения и поставлен во главе того, что осталось от Охраны. Главой кремлевской комендатуры, наминавшей к тому времени церемониальное подразделение, Берия поставил одного из немногих неополитизированных офицеров госбезопасности, генерала Андрея Веденина, назначенного на этот пост по настоянию Хрущева.

У себя в резиденции, в качестве главного заместителя, Берия утвердил своего давнего верного сподвижника, генерала Богдана Кобулова. Остальные высшие посты тоже отошли к приспешникам Берии, включая генерал-лейтенанта Михаила Журавлева, который стал заместителем по общим вопросам, несмотря на тот факт, что в 1946 году его выгнали из МВД за беспробудное пьянство. Произведя все эти назначения, шеф госбезопасности приказал подполковнику Карасеву, начальнику Второго управления технического обеспечения (так иносказательно называлась тогда телефонно-телеграфная служба) установить подслушивающие устройства в кабинетах и на квартирах всех членов Политбюро и прочих иерархов, как это делалось при сталинском режиме.

Назначение алкоголика Журавлева ни в коем смысле не являлось исключением. Единственным качеством, необходимым для того, чтобы стать сотрудником Берии, являлась лояльность по отношению лично к Лаврентию Павловичу. В результате прозябавших в безвестности, давным-давно забытых офицеров, многие из которых были выгнаны за пьянство, взятки и кое-что похуже, вытащили из небытия и наделили властью. К тому же представители национальных меньшинств — прибалты, белорусы, кавказцы и выходцы из Центральной Азии — были поставлены во главе своих местных подразделений госбезопасности, что не могло не вызвать недовольства Берией со стороны русских сотрудников, составлявших подавляющее большинство центрального аппарата.

* * *

Производя все эти перестановки, Берия нажил себе немало новых врагов. Он никогда не беспокоился о том, чтобы пройти через все необходимые формальности и получить одобрение

Центрального Комитета. Более того, напрямую вмешивался во все партийные назначения, на всех уровнях и по всей стране. К тому же приказал своим подчиненным в каждом регионе не спускать глаз с местных партийных чиновников.

Одним из тех, кто получил такой приказ о слежке, был глава госбезопасности Каменец-Подольской области Украины генерал Тимофей Строкач. Совершенно случайно оказалось, что он находился на короткой ноге с местным секретарем партии, которому и сообщил: «Я тут чего-то не понимаю. Сегодня я получил по телефону приказ из Москвы, от самого Берии. Он велел мне вести постоянное наблюдение... за всеми... и за тобой».

Не мог понять этого и партийный секретарь. Недолго думая, он позвонил в центральный секретариат, в Москву, Несмотря на относительную малозначимость этого партийного функционера, его звонок стал той точкой отсчета, которой отмечено начало конца Берии.

Все остальные «соратники» оказались в курсе почти всех деталей предпринимаемых шефом госбезопасности мер по укреплению позиций для фактического захвата им верховной власти.

Чтобы быть начеку, не надо было обладать каким-то особым политическим чутьем; просто здесь сработал хорошо отлаженный механизм советского режима. Круглов, бывший заместителем Берии, не моргнув глазом продал своего босса его противникам. Да и Серов оказался осведомлен о тайных махинациях Берии значительно лучше, чем это мог подозревать Лаврентий Павлович. Используя надежных техников из своего бывшего Министерства внутренних дел, Круглов установил подслушивающие устройства в кабинетах и на квартире Берии и его подчиненных, держа их под колпаком столь же надежно, как Лаврентий Павлович своих соперников.

Очевидно, организованная Кругловым слежка оказалась на порядок эффективнее, чем у Берии. К тому же информация Серова дополнила недостающие звенья, поскольку ночью 26 июня 1953 года в Москву вошли танки Кантемировской дивизии, занявшие те же ключевые позиции, что и войска Берии в марте. Танковые соединения поддерживали пехотные части Белорусского военного округа. Поначалу жители Москвы удивились такому наплыву войск, так как на следующий день не намечалось каких-либо парадов. Но затем удивление сменилось предположением, что происходит какая-то передислокация частей столичного гарнизона.

Как только войска оказались на месте, Берию вызвали в Кремль, в зал заседаний Политбюро ЦК КПСС, чтобы тот в

рабочем порядке ответил, как было сказано, на ряд вопросов. Как только Берия переступил порог зала, вслед за ним вошел Ворошилов. Держа в руках ордер на арест, генерал-коротышка произнес: «Именем Союза Советских Социалистических республик вы, Лаврентий Павлович Берия, арестованы».

Вопреки более поздним выдумкам Хрущева об этом моменте истории, никакого насилия не было, поскольку Берия не оказал сопротивления. Вместо этого он сел за стол и на протяжении нескольких часов спорил со своими прежними «соратниками». Однако Лаврентий Павлович прекрасно осознавал, что угодил в западню. Присутствие в зале заседаний высшего руководства Советской армии говорило само за себя.

Благодаря установленной Кругловым системе подслушивания допрашивающие знали о планах Берии нанести удар на следующий день, 27 июня. Готовясь к этому событию, он «нейтрализовал» командующего Московским военным округом генерал-полковника Павла Артемьева, велел ему вывести все войска московского гарнизона на маневры в Белоруссию. Таким образом, по плану Берии, силы подвластной ему госбезопасности должны были снова взять под контроль столицу.

По завершении дискуссии в Кремле подчиненные Круглова официально взяли Берию под арест и доставили его не на Лубянку, где могли найтись преданные ему люди, а в Лефортовскую тюрьму, руководимую сотрудниками Круглова. Позже, в целях сохранения строжайшей секретности, а также для привлечения к делу армейских офицеров, бывшего шефа госбезопасности перевели в штаб Московского военного округа, где для него специально оборудовали помещение.

Как только Берию надежно запрятали, Круглов лично проследил за арестом Меркулова, Кобулова, Деканозова и еще кое-кого из главных приспешников Берии. Зарубежные обозреватели, которые составляли свои политические прогнозы, основываясь на пересчете по головам советских иерархов во время появления их на публике, отметили, что в тот вечер на премьере в Большом театре среди партийных и правительственных сановников Берии не было, однако не смогли сделать из этого каких-либо определенных выводов.

* * *

Карающий меч пал так внезапно и в обстановке такой секретности, что даже Охрана не сразу сообразила, в чем дело. И лишь на следующее утро, при очередной передаче дежурства, они

поняли, что с их шефом что-то не так. Когда сотрудники Охраны появились в штаб-квартире Берии, их уже поджидали офицеры ГРУ, которые велели им отправиться обратно, в свое управление (где теперь заправлял Круглов), за новыми указаниями. (И, по укоренившейся уже традиции, с бесславной отставкой хозяина карьеры этих телохранителей в органах безопасности наступил конец.)

Хрущев и его сторонники вели себя крайне осторожно, дожидаясь, пока армия полностью не возьмет под контроль ситуацию и не будут уничтожены все рычаги, с помощью которых Берия управлял госбезопасностью. И лишь 9 июля 1953 года ЦК КПСС официально объявил о смещении Берии как «врага партии и советского народа». Как и следовало ожидать, пресса, по указанию «коллективного» руководства, немедленно открыла все краны, поливая грязью некогда внушавшего ужас властелина госбезопасности. Однако партийные боссы превзошли и ее, когда объясняли рядовым членам «причины» падения Берии.

Допросы Лаврентия Павловича и его приспешников длились почти полгода. Чтобы сделать причастной к свержению Берии армию, одним из его следователей назначили маршала Конева. Один раз мингрел объявил голодовку, но ему сделали принудительное внутривенное кормление. Берия как-то заявил своим следователям: «Если я в чем-то виновен, то остальные члены Политбюро виновны не меньше моего». И здесь он был близок к истине.

23 декабря 1953 года, ровно через три дня после тридцать пятой годовщины основания ЧК, Берию и его подручных приговорили к высшей мере наказания. И почти немедленно, буквально через несколько минут, они были выведены из камер и расстреляны — но не солдатами, а людьми Круглова.

По иронии судьбы ошибка, допущенная Хрущевым в борьбе за власть, была как раз противоположной просчету Берии. В то время, как последний концентрировал все свое внимание на вопросах госбезопасности и практически не занимался политикой, Хрущев, наоборот, сосредоточился на одной политике и слишком мало заботился о безопасности. И если бы усилия, предпринятые обоими лидерами, объединились в действиях одной личности, то миру грозило бы появление нового диктатора, даже более страшного, чем Сталин.

Охранники Хрущева

После ликвидации Берии Хрущев, будучи партийным лидером, стал непререкаемым руководителем Советского Союза, несмотря на промелькнувших на горизонте власти таких сотоварищей по «коллективному» руководству, как Маленков с Булганиным вместе с их правительственными постами и титулами. Первым делом утвердившийся во власти Хрущев ослабил силы госбезопасности, чтобы эта организация не могла более представлять из себя угрозу, как это случилось при Берии. Этим он занялся сразу же после ареста последнего. Первый секретарь поставил главой МВД своего главного подслушивальщика, заместителя Берии Круглова. Хрущев вернул руководителя Охраны, или Девятого управления МГБ, Кузьмичева обратно в тюрьму, откуда его вытащил Берия, и заменил своим ставленником Александром Линевым, бывшим подчиненным по московской партийной организации. На должности заместителей Линева привел за собой других партийных аппаратчиков — такой практикой тогда пользовались во всех подразделениях госбезопасности. Он продержался на своем посту всю начальную фазу конфликта между Маленковым и Хрущевым, но в 1954 году был замещен на другого представителя московской партийной организации, Владимира Устинова, который возглавлял Девятое управление до 1957 года.

Перетряска Охраны и прочих организаций госбезопасности, произведенная Хрущевым, была всеобъемлющей и длилась долго. Заметим, что постепенно его личная охрана выросла в три раза по сравнению с 1953 годом, когда он еще не полностью прибрал к рукам власть. В первоначальный штат его службы безопасности входили два повара, четыре официантки, одна экономка, одна прислуга, парикмахер, две горничных, три уборщицы, три шофера лично для Хрущева и два — для его жены и сорок пять офицеров охраны. После реорганизации в 1957 году в Москве, а также по всему СССР и за рубежом остались лишь считанные единицы тех, кто некогда работал со Сталиным и Берией. Пожалуй, единственным офицером, уцелевшим в Охране, был комендант Кремля Веденин. Однако Хрущев не доверил ему заботу о собственной безопасности. Для этой цели имелись полковники Литовченко и Столяров, телохранители Никиты Сергеевича со времен руководства Украиной, которых он забрал с собой в качестве начальников личной службы безопасности в 1949 году.

Назначение Линева, сотрудника Хрущева, главой Охраны крайне обеспокоило Маленкова. Он испугался, что это позволит

его сопернику осуществлять чересчур пристальный контроль над госбезопасностью.

И поэтому, имея пока еще некоторый политический вес, заместителем Круглова Маленков провел своего ставленника Николая Шаталина, одного из секретарей ЦК КПСС. Но даже это не помогло ослабить влияние Хрущева на органы безопасности, поскольку к тому времени его старинный приятель Серов уже занимал должность заместителя министра внутренних дел. Смещение баланса власти в пользу Хрущева еще более усилилось, когда он добился утверждения своего продвиженца Константина Лунева на пост второго заместителя Круглова, что явилось своего рода компенсацией назначению маленковского Шаталина. Кроме того, повышение Лунева было крайне на руку Хрущеву, поскольку тот оказался единственным представителем МВД, подписавшимся под смертным приговором Берии.

Но служба в госбезопасности как Шаталина, так и Лунева продолжалась недолго и закончилась в 1954 году, после чего Шаталина вернули в партаппарат и вскоре перевели в провинцию, где о нем и забыли. Лунева также сослали в провинцию в качестве сотрудника госбезопасности, и он постепенно благополучно исчез со сцены. Однако основная значимость этих двух функционеров заключалась скорее в их смещении, чем в проделанной ими работе.

Их отставка послужила своеобразной поворотной вехой, отметившей начало хрущевской борьбы за абсолютную власть, когда он в значительной степени повторил Сталина, и не только в политическом отношении, но и в полном подчинении себе госбезопасности. Последнее достигалось путем постоянной смены имен — характерной российской тактике как при царизме, так и при советской власти. С помощью этой тактики Хрущев не только морочил голову своей и зарубежной общественности, но и держал в кулаке госбезопасность, чтобы использовать ее в личных целях.

* * *

В марте 1954 года Хрущев занялся реконструкцией аппарата МГБ, за которым тянулся душок дел не только Берии, но и всех его предшественников. Вместо этого министерства он учредил «всего лишь» Комитет государственной безопасности, широко прославившийся впоследствии под аббревиатурой КГБ. В то же время МВД превратили в декоративное министерство, а КГБ усилился за счет перешедших под его начало пограничной службы и сил внутренней безопасности, прежде подчинявшихся

Министерству обороны и прочим ведомствам. Круглов, который продолжал возглавлять изрядно ошипанное МВД, протянул на своем посту еще несколько лет, после чего был уволен Хрущевым.

Поскольку статус органа госбезопасности «понижился» до комитета, его главой теперь был не министр, а председатель. Первым председателем КГБ Хрущев назначил своего старого приятеля Серова. Утвердив его, Хрущев занялся организацией собственного «окружения», как до него это делал Сталин. Личную службу безопасности Хрущева можно было бы окрестить «командой с улицы Грановского», поскольку она сформировалась и руководилась давними приятелями Хрущева, прописавшимися в правительственном доме по этому московскому адресу. Там жил Серов, а также еще один прихлебатель Хрущева, Генеральный прокурор и главный блюститель советской «правовой» системы Роман Руденко. Они имели обыкновение встречаться на улице Грановского и по вечерам, за выпивкой, решать, кого из «врагов народа» (читай — Хрущева) следует ликвидировать, а кого просто посадить за решетку. Вполне возможно, что именно во время одной из таких вечерних посиделок было принято решение о казни в 1954 году Карасева, главных «ушей» Берии, ставшего козлом отпущения по делу о «заговоре врачей» Рюмина, а также незадачливого Абакумова вместе с сотрудниками.

Несмотря на усовершенствования, произведенные Серовым вместе с Руденко и их сотрудниками, Хрущев, как отмечалось выше, будучи экспертом больше в политике, не последовал опыту Сталина, уделявшего самое пристальное внимание организации личной безопасности, особенно в ее российском и советском смысле. Так, несмотря на внушительный кортеж личной охраны и полностью подчиненную ему госбезопасность, у Хрущева никогда не было своего Поскребышева или хотя бы Власика. Фактически единственным по-настоящему преданным ему человеком являлся один лишь Григорий Шуйский, журналист-аппаратчик из партийной прессы, с которым Хрущев близко сошелся еще в свою бытность на Украине. Этот Шуйский находился при Хрущеве в качестве своего рода секретаря, сопровождавшего его при встречах с главами государств в США, Париже и Вене, однако он представлял собой не более чем бледное подобие зятя Хрущева Аджубея и, конечно же, не являлся подобием «серого кардинала» Никиты Сергеевича.

Таким образом, не особо заботясь о личной безопасности, Хрущев предоставил Охране самой справляться с теми недостатками, вместе с которыми он получил ее в наследство. Первым шефом подчиненной КГБ Охраны, примерно с 1954-го по 1957 год, стал очередной бывший сотрудник Хрущева по МГК

КПСС, некий Владимир Устинов, параллельно выполнявший функции заместителя Председателя Комитета. Позднее он был направлен послом в Венгрию; в 1971 году ему посчастливилось умереть собственной смертью.

* * *

Преемником Устинова стал Николай Захаров, тут же получивший звание генерал-майора. Выходец из прежней Охраны № 2, он принадлежал к «команде с улицы Грановского», но, по некоторым, сведениям, больше симпатизировал Маленкову, чем Хрущеву.

Захаров оказал придворное рвение и вскоре снискал расположение хозяина. Хрущев в качестве поощрения взял его с собой в США, где тот потратил не меньше времени, улыбаясь перед камерами репортеров, чем на обеспечение безопасности Хрущева вместе со своими американскими коллегами. Вскоре после поездки, а может, еще при подготовке к ней Захарова произвели в генерал-лейтенанты.

Затем, в 1961 году, Хрущев снова отметил своей милостью этого беспрестанно улыбавшегося человека, который являлся лишь бледной тенью прежних начальников личной охраны, и назначил заместителем председателя КГБ, одновременно оставив шефом Девятого управления. А в 1963 году Захаров — от которого, как вскоре выяснилось, не оказалось никакого проку, когда его хозяину понадобилась реальная помощь, — достиг вершины своей карьеры. Ему присвоили звание генерал-полковника и одновременно назначили первым заместителем председателя КГБ, курировавшим Девятое управление, комендатуру Кремля и другие подразделения госбезопасности. Никогда еще в советской истории офицер госбезопасности не взлетал так высоко и так стремительно, не обладая другими заслугами, кроме умения вовремя и к месту улыбаться. Должно быть, это была крайне обаятельная улыбка, поскольку карьера Захарова продолжалась еще несколько лет после падения Хрущева.

В период стремительного взлета Захарова в вопросах собственной безопасности Первый секретарь больше полагался на КГБ, чем на хорошо организованную личную службу охраны, что впоследствии стало причиной его падения. В середине пятидесятых годов, когда КГБ возглавлял Серов, подобная недальновидность не имела для Хрущева опасных последствий, поскольку этот председатель Комитета был беззаветно предан

ему.

Однако в 1958 году, когда победы над соперниками явно вскружили Хрущеву голову, он совершил, как потом оказалось, роковую ошибку, не только уволив Серова, но и назначив на его место совершенно никудышного в деле безопасности человека — Шелепина.

Бесспорно, этот комсомолец привлекал симпатии своей молодостью и отсутствием связанного с госбезопасностью прошлого. Но на этом все его достоинства и заканчивались. Против них выстраивались сплошные недостатки — карьеризм, подхалимство, неблагодарность и готовность политически утопить каждого, кто окажется на его пути. Если к этому добавить верность лишь собственным интересам, то получится совершеннейший образчик «нового» советского человека. А принимая во внимание ослабление сил госбезопасности после падения Берии и политическую изоляцию, в которой к тому времени оказался Хрущев, ему надлежало сделать гораздо лучший выбор.

Хотя вопросы безопасности, более чем вероятно, обсуждались на ежедневных встречах Хрущева и Шелепина, складывается впечатление, что амбициозный глава КГБ использовал их больше для обеспечения собственного политического будущего, чем для оказания помощи хозяину в укреплении власти. Так, в конце 1961 года Шелепин смог убедить Хрущева не только освободить его от обременительной должности председателя КГБ и перевести на перспективную в политическом отношении работу в секретариат ЦК КПСС, но и назначить своим преемником другого аппаратчика от комсомола, Семичастного — ближайшего приспешника самого Шелепина.

Согласившись, Хрущев совершил очередную ошибку, доверив управление госбезопасностью в такие ненадежные руки. Семичастный докладывал Шелепину о каждом секретном действии, предпринимаемом Хрущевым совместно с новым главой КГБ. Что заставило Хрущева сделать такой опрометчивый шаг, неизвестно. Он не только поставил на высокую должность в ЦК КПСС не заслуживающего доверия человека, но и обеспечил Шелепина каналом передачи секретной информации, о которой никто, кроме самого Хрущева и его ближайшего окружения, не должен был даже догадываться.

Скорее всего, Хрущев, будучи слишком уверенным в себе и пребывая в эйфории от успехов, упустил из виду, что коммунистическому лидеру надлежит не только быть безжалостным политическим бойцом, но и иметь самый жесткий контроль как над собственной, так и над государственной

безопасностью. Но при наличии команды Шелепина-Семичастного-Захарова последнее у него как раз и отсутствовало.

Даже создание «нового» Министерства внутренних дел со всей очевидностью демонстрировало дальнейшее ослабление власти Хрущева над силами безопасности. В 1956 году он сместил с поста главы МВД свои главные «уши» — Круглова, заменив его на еще одного московского партийного аппаратчика Николая Дурова. «Эксперт» по строительству и промышленности в сталинских трудовых лагерях, Дуров имел весьма смутное представление о работе в органах безопасности, зато был предан Хрущеву лично, за что и получил этот пост. Однако при создании МООПа даже фактор лояльности для Хрущева, похоже, перестал играть значимую роль, поскольку он назначил главой этого министерства Вадима Тикунова, очередного комсомольского выдвиженца Шелепина. Таким образом, именно Шелепин заполучил все бразды правления силами госбезопасности страны, что представляло собой крайне опасную концентрацию власти в руках того, кому Хрущев так слепо доверял.

А в начале 1964 года из-за дела Пеньковского Хрущева заставили избавиться и от Серова, единственного по-настоящему преданного ему офицера госбезопасности, руководившего тогда ГРУ.

* * *

Нельзя сказать, что у Хрущева не возникало поводов для беспокойства — их хватало с избытком. Еще в 1956 году, когда амбициозный Шелепин возглавлял КГБ, он осмелился учинить политический скандал и спутать карты своему хозяину, приказав арестовать и выслать из страны американского дипломата в тот самый момент, когда во время кэмп-дэвидской встречи между Хрущевым и президентом Эйзенхауэром намечалось сближение. Поскольку инцидент сошел с рук, tandem Шелепин-Семичастный в следующий раз нанес Первому секретарю настоящий удар в спину. Пока Хрущев пытался успокоить президента Кеннеди после того, как советско-американские отношения сильно подпортились в результате Карибского кризиса, агенты КГБ грубо обошлись с тремя американскими военными атташе (и их британским коллегой) в номере одной из гостиниц Сибири. Имели место и другие, менее известные примеры проявления «комитетчиками» самодеятельности, но кульминацией послужил произошедший в сентябре 1964 года случай, когда агент КГБ выпустил в лицо немецкому дипломату, пришедшему на службу в

московскую церковь, струю отравляющего газа. Это произошло в то время, когда Хрущев прилагал огромные усилия нормализовать отношения с Бонном.

И вот в октябре 1964 года по-прежнему до крайности самоуверенный в себе Хрущев отбыл в отпуск на Черное море. Его отсутствие в столице дало возможность проломить спину и без того слабой службе личной безопасности Хрущева. Для Суслова и его друзей-заговорщиков сбросить Первого секретаря с трона оказалось несложным делом. Они без труда переманили на свою сторону амбициозных Шелепина с Семичастным, пообещав им продвижение по служебной лестнице. А Захаров был готов расточать свои обаятельные улыбки заговорщикам, как до этого улыбался Хрущеву.

Когда по прибытии в московский аэропорт Никиту Сергеевича взяли под опеку его бывшие подчиненные Шелепин и Семичастный, он попытался было возражать, однако серьезных попыток к сопротивлению не предпринял. До него наконец — хотя и слишком поздно — дошло, что без надежной системы личной безопасности его карьера закончена. А российский народ, еще более бесправный, чем при царях, стал наблюдателем очередного дворцового переворота, на этот раз — совершенно бескровного.

Охранники Брежнева

Заняв место партийного руководителя, Брежнев постоянно вел подспудную и крайне осторожную борьбу не только за удержание власти, но и за ее усиление.

С самого начала он взял на вооружение скорее тактику Сталина, нежели Хрущева, и в дальнейшем его методы управления зачастую стали называть «неосталинистскими». И хотя политические мельницы Брежнева молили медленно, зато очень тщательно, он перенял фиктивное «коллективное» руководство, изобретенное Хрущевым, и вскоре превратил его в триумvirат, разделив свою власть с премьер-министром Косыгиным и Николаем Подгорным, своего рода эквивалентом президента. Однако на деле такого рода «коллективизм» был просто фикцией, и коллеги Брежнева по триумvirату оказались практически безвластными, особенно после того, как он присвоил себе титул «Генерального секретаря», который до него носил только Сталин.

В отличие от Хрущева, Брежнев, как и Сталин, хорошо понимал, что лидерство при советской системе требует тщательного соблюдения баланса между политикой и безопасностью, с использованием первой для приобретения власти, а второй — для ее удержания.

Оглядываясь в прошлое, можно заметить, что поначалу позиция партийного секретаря Брежнева выглядела довольно уязвимой как с политической точки зрения, так и в отношении безопасности. Ему не только пришлось платить за услуги — и весьма щедро, — продвигая по служебной лестнице Шелепина и Семичастного (за то, что они сдали Хрущева), введя первого в Политбюро, а второго — в состав ЦК КПСС. Он также был вынужден оставить эту парочку амбициозных и беспринципных людей во главе служб безопасности, включая и свою собственную. Фактически наличие команды Шелепина-Семичастного являлось аналогом существования Берии и его компании после смерти Сталина. Вдобавок ко всему Шелепин стал теперь весьма реальным политическим соперником Брежнева. Внешне новый генсек представлял из себя густобрового, малоинтересного, лишенного всякой харизмы технократа-аппаратчика. Более молодой и привлекательный Шелепин обладал относительным лоском, более светскими манерами и казался «мягким руководителем», который уже успел снискать себе популярность в стране и за рубежом и которого кое-кто прочил в будущие лидеры Советской России.

Почувяв опасность, Брежнев стал действовать — но медленно и крайне осторожно. Одновременно с введением Шелепина в состав Политбюро он постарался, чтобы в противовес ему в этом высшем органе оказались два его собственных выдвиженца: один в качестве члена, а второй — кандидата в члены Политбюро. Генсек также позаботился, чтобы имя Шелепина стояло как можно ниже в списках партийных боссов, а в аэропортах его встречали и провожали второстепенные сановники. Затем Шелепину весьма существенно подрезали крылья. Всесильный Государственный комитет партийного контроля, возглавляемый Шелепиным, который можно было использовать таким же образом, каким Сталин некогда использовал рабоче-крестьянскую инспекцию, был распушен.

В 1966 году Брежнев делает следующий шаг — увольняет прошелепинского министра охраны общественного порядка Тикунова, заменив его Николаем Щелоковым, своим бывшим личным другом, также выпускником металлургического института и коллегой по партийной организации Днепропетровска. (Два года спустя МООПу вернули прежнее название — МВД; Щелоков остался во главе министерства, и власть его только усилилась за счет возвращения под командование МВД внутренних и конвойных войск.)

Добившись власти, по крайней мере частичной, над службой безопасности, Брежнев почувствовал себя достаточно уверенно, чтобы наконец заняться КГБ. Шелепин, которого к тому времени явно переиграли в закулисной политической борьбе, не стал открыто противиться переменам в кадровом составе Комитета.

И вот в мае 1967 года руководитель партии сместил с поста Председателя КГБ ставленника Шелепина Семичастного, заменив его своим надежным человеком Юрием Андроповым. Доказательством надежности Андропова послужил тот факт, что он, будучи послом в Будапеште в 1956 году, принимал непосредственное участие в подавлении венгерского восстания силами армии и КГБ в кровавой, истинно сталинской акции «антисталиниста» Хрущева. К тому же Андропов был привлекателен для Брежнева еще и отсутствием политических связей как с другими партийными иерархами, так и с КГБ. А чтобы помочь своему выдвиженцу, не имевшему опыта работы в органах госбезопасности, Брежнев снабдил его тремя помощниками, или заместителями председателя, которые беззаветно были преданы генсеку и на деле осуществляли руководство КГБ. Ими являлись Виктор Чебриков, друг-аппаратчик Брежнева по Днепропетровску, Георгий Цинев, прежде служивший в СМЕРШе, и Семен Цвигун, работавший под

руководством Брежнева в Молдавии. Именно Цвигун и стал первым заместителем, а также настоящим главой КГБ, несмотря на формальный титул Андропова. Улыбчивого и бесполезного Захарова, понизив в должности, сделали вторым заместителем.

В связи с жесткой перетасовкой высшего руководства КГБ был освобожден (правда, с почестями) с должности коменданта Кремля Веденин, которого заменили еще одним брежневским ставленником — Сергеем Шорниковым. Однако тот целиком и полностью находился в подчинении Цвигуна, который не только руководил КГБ, но и контролировал Девятое управление, таким образом приглядывая как за Брежневым, так и за его возможными соперниками.

Это был радикальный поворот в технике управления советской госбезопасностью. Хотя Цвигун оставался как бы в тени благодаря своей должности заместителя Председателя КГБ, ему вверили такую власть, какой прежде обладали Берия, Поскребышев и Власик, вместе взятые. Несмотря на то что авторитет Андропова усилили, сделав его кандидатом в члены Политбюро, непреложным оставался тот факт, что его заместитель Цвигун являлся самым полновластным человеком после Брежнева и, возможно, самым сильным руководителем госбезопасности, какого когда-либо видела имперская или Советская Россия.

* * *

Еще задолго до того, как подмять КГБ, Брежнев потихоньку подчинил себе вооруженные силы. Он добился этого путем длительных товарищеских отношений, в результате которых такие высокопоставленные военачальники, как генералы Алексей Епишев и Петр Ивашутин, стали полностью зависимыми от него людьми; Епишев был выпускником «секретариата» Поскребышева, перешедшим от последнего на службу к Абакумову и работавшим заместителем министра МГБ в последние годы жизни Сталина. Ко времени прихода к власти Брежнева Епишев уже возглавлял Главное политическое управление Советской армии, и генсек позаботился о его членстве в ЦК КПСС. Ивашутин, официально занимавший пост заместителя Генерального штаба Советской армии, имел обширный опыт работы в НКВД, МГБ, МВД и контрразведке КГБ, а также побывал начальником СМЕРШа на Украине, в Австрии и Восточной Германии. На самом же деле Ивашутин возглавлял военную разведку (ГРУ).

Брежневу необходимо было избавиться и от сподвижников

Хрущева, занимавших руководящие посты в армии и службе безопасности, хотя предпринятые в том же направлении шаги Шелепина и Семичастного облегчили ему эту задачу. В свете этого следует обратить внимание на «неожиданное» (и, согласно мнению экспертов Белграда, совершенно необъяснимое и невозможное) крушение советского лайнера в Югославии, произошедшее неделю спустя после отставки Хрущева. На борту самолета находились шесть высших военных чинов. Особый интерес среди них представляли маршал Сергей Бирюзов, начальник штаба Советской армии и известный сторонник Хрущева, а также генерал-лейтенант КГБ Николай Миронов, последовательный проводник хрущевской программы «социалистической законности» и глава управления делами ЦК КПСС — псевдоним органа партийного надзора за госбезопасностью.

Не исключено, что Шелепин и (или) Семичастный были посвящены в истинную причину авиакатастрофы; так же можно предположить, что к этому происшествию имел отношение и Брежнев.

Постепенное вымывание оставшихся сторонников Хрущева из кабинетов госбезопасности продолжалось периодическими вспышками и затянулось до следующего десятилетия. В июне 1970 года «скоропостижно скончался» генерал-майор Шульженко, заместитель председателя КГБ Украины, хотя ему исполнился всего пятьдесят один год. В том же самом месяце генерал-полковника Виталия Никитченко, длительное время возглавлявшего КГБ Украины, освободили от должности председателя и перевели в управление тюрем, заменив генерал-полковником Федорчуком, сослуживцем Брежнева военного периода. Оба, и Шульженко и Никитченко, принадлежали к сторонникам Хрущева.

* * *

Пик напряженности борьбы Брежнева за власть в Кремле, особенно за обладание контролем над госбезопасностью, пришелся на период между маем и июнем 1967 года.

Первым признаком ужесточения такой борьбы явилась серия неожиданных и скоропостижных смертей среди руководства КГБ, МВД и вооруженных сил, о чем скупно сообщалось в тогдашней прессе. За тот период из жизни ушло не менее пятнадцати высших военных чиновников, среди которых оказались генерал-майор КГБ Василий Лукшин, начальник военной контрразведки,

генерал-майор КГБ Сергей Вишневский, три полковника КГБ и один полковник милиции.

Далее 26 июня 1967 года было объявлено о награждении Верховным Советом РСФСР Кантемировской бронетанковой дивизии. Причины награждения не пояснялись, к тому же за последнее десятилетие не произошло ни одного мало-мальски значительного события, в котором упомянутое военное соединение принимало бы участие. Однако это была та самая дивизия, которую Политбюро вызвало себе в подмогу против клики Берии ровно четырнадцать лет назад. Но если бы именно акция 1953 года послужила поводом для награждения, то наверняка прозвучали бы какие-то заявления, по крайней мере завуалированные. А поскольку причина награждения держалась в секрете, можно предположить, что кантемировцы по поручению Брежнева выполняли какие-то специальные превентивные мероприятия, направленные на пресечение шелепинской попытки захватить власть в духе Берии.

К концу лета 1967 года все было кончено — Шелепина перевели на политически бесперспективный пост председателя Совета профсоюзов. Одновременно его освободили от должности секретаря ЦК КПСС. На самом деле только это отстранение и имело первостепенное значение, поскольку, будучи секретарем, Шелепин осуществлял партийный контроль над всем аппаратом системы безопасности. С его отставкой Брежнев окончательно и бесповоротно взял в свои руки власть над КГБ, ГРУ, милицией, включая, конечно, собственную службу безопасности и личную охрану своих потенциальных соперников.

Но еще до того, как Брежнев одержал окончательную победу в дворцовой сваре за власть, он добился значительных успехов в усовершенствовании собственной мафии — его личной элитной охраны, состоящей из государственных, партийных деятелей, а также аппаратчиков от госбезопасности.

Большинство из них Брежнев знал еще со времен молодости, когда учился в Днепропетровске, а позже занимал пост первого секретаря в местной партийной организации. (В Москве эту команду окрестили «днепропетровской командой».) Первыми членами этой группировки, которым были вверены властные полномочия, стали Щелоков, Цвигун, Цинев, Чебриков — все земляки-украинцы, — Епишев и Ивашутин. Заслуживает внимания тот факт, что пятеро из секстета — за исключением лишь Щелокова — служили в госбезопасности еще при Сталине.

Управляя своей командой и используя ее для достижения собственных политических целей на самом высоком уровне, Брежнев превзошел даже самого Сталина. У него имелось не

одно, а целых два вторых «я». Первым и, пожалуй, менее значимым являлся действовавший под дипломатическим прикрытием офицер разведки Александр Александров-Агентов. Этот «дипломат» с 1966-го по 1969 год служил советским послом по особым поручениям в Сьерра-Леоне. Видимо, свои «особые поручения» он исполнил безукоризненно, поскольку в 1971 году премьер-министр этого государства Сиака Стивенс призвал к себе советских «инструкторов» в качестве личных охранников. Этот африканский лидер, видите ли, столкнулся с определенными трудностями после захвата власти.

Вторым «я» Брежнева — и, несомненно, более значимым — был Георгий Цуканов, еще один выходец с Украины и еще один соученик партийного босса по металлургическому институту. На Брежнева он начал работать с 1958 года. После отставки Хрущева его сделали главой администрации генсека, так называемого «секретариата». Так же, как некогда Поскребышев при Сталине, Цуканов координировал все дела Брежнева, особенно связанные с вопросами безопасности. И, в продолжение сравнения между Поскребышевым и этой брежневской парочкой, следует упомянуть, что оба носили звания помощников Генерального секретаря ЦК КПСС — как и сталинский подручный.

* * *

Хотя Брежнев добился бесспорной власти над Кремлем и госбезопасностью, а также сумел организовать собственную банду для защиты от дворцовых переворотов, его личная охрана оставалась лишь бледным подобием сталинской. Это сказалось — и, несомненно, весьма пугающим образом — в январе 1969 года. Террорист, ни разу не упоминавшийся иначе как Ильин, сумел практически в упор обстрелять кортеж генсека у самых ворот Кремля. Ничего подобного не случалось со времени покушения на великого князя Сергея в 1905 году.

После этого покушения поползли самые разные слухи: что покушение организовано кем-то из Политбюро; что за ним стояли вооруженные силы; что это дело рук возмущенных интеллектуалов. Никаких официальных объяснений не последовало, и лишь только несколько месяцев спустя было объявлено, что психиатрическая экспертиза признала Ильина невменяемым и его поместили в сумасшедший дом, излюбленное место заключения диссидентов, имевших несчастье уметь думать. Обвинение в невменяемости освобождало руководство от дачи каких-либо объяснений по поводу покушения.

Однако в апреле и мае 1969 года косвенное подтверждение тому, что инцидент у кремлевских ворот связан с оппозицией режиму в Вооруженных Силах, все же имело место. Только за эти два месяца среди высокопоставленных советских офицеров прошел настоящий мор. Одни «скоропостижно скончались», другие «трагически погибли при исполнении служебных обязанностей». Среди ушедших из жизни оказалось восемь генералов, включая и Валентина Пеньковского, бывшего заместителя министра обороны, командующего Белорусским военным округом и двоюродного деда Олега Пеньковского. (К делу своего родственника он не имел никакого отношения.)

И по сей день не ясны причины резкой вспышки смертности среди высшего офицерского состава. Одно из предположений — в покушении на Брежнева напрямую были замешаны военные, поскольку точно известно, что Ильин являлся офицером вооруженных сил. Такая возможность подтверждается неожиданной отменой военного парада в честь Первомая. Если было установлено — или хотя бы предполагалось, — что войска имели отношение к покушению на генсека, то до парада оставалось слишком мало времени, чтобы власти успели провести достаточно основательную чистку вооруженных сил и обрести уверенность в невозможности нападения на собравшееся на трибуне Мавзолея руководство.

* * *

Несмотря на всю расплывчатость фактов в деле о покушении на Брежнева, за ним последовали весьма определенные изменения в организации службы безопасности. Почти немедленно улыбчивого Захарова, самого старшего из чиновников, ответственного за случившееся, поскольку в его полномочия входил надзор за Управлением охраны, сослали в провинцию, что следовало сделать значительно раньше. Цвигун, до этого осуществлявший общий контроль над этим управлением, теперь был назначен его официальным руководителем.

После небольшой волны увольнений и вынесения приговоров (возможно, и нескольких смертных) низшим и средним чинам службы безопасности, не сумевшим предотвратить проникновение вооруженного злоумышленника к воротам Кремля, Управление охраны снова обрело свою былую мощь и эффективность. Наконец-то до руководства дошло, что сейчас, как и при царизме, покушение возможно не только извне, но и изнутри дворца. К тому же ни для кого уже не являлось секретом

недовольство, бродившее к тому времени среди интеллектуалов.

В результате Брежнев довел численность Управления охраны почти до пятнадцати тысяч человек. Была упрочена связь с двумя соседними дивизиями госбезопасности, а также с Кантемировской бронетанковой дивизией, расквартированной под Москвой, хоть официально она и находилась в подчинении Министерства обороны. Наладили также более тесное взаимодействие с милицией и внутренними войсками Щелокова, хотя вряд ли в этом существовала необходимость, поскольку Брежнев и Щелоков жили рядом и часто виделись как по официальным, так и неофициальным поводам. Теперь, когда все силы были сплочены воедино, должно потребоваться немало времени, чтобы другой террорист смог подобраться к Кремлю или советскому иерарху на расстояние выстрела.

Несмотря на подобное усиление службы личной безопасности, в апреле-мае 1970 года вновь вспыхнула борьба за власть. Насколько известно, это была скорее закулисная возня, чем открытая схватка, к тому же положению Брежнева теперь, похоже, вряд ли что угрожало напрямую. Однако все оказалось достаточно серьезно, поскольку явилось причиной отсрочки XXIV съезда КПСС.

Другим косвенным признаком политической свары послужила отставка прежнего коменданта Москвы (без перевода и нового назначения), занимавшего этот пост с момента падения Берии, а также чистка последователей Хрущева среди командного состава КГБ Украины.

И все же борьба, повлекшая за собой все эти изменения, не могла быть достаточно серьезной, поскольку в последнюю неделю 1970 года Брежнев собственноручно торжественно снял покрывало с бюста Сталина — своего до некоторой степени прототипа, — установленного рядом с Мавзолеем Ленина на Красной площади.

А к 1971 году личная политическая безопасность Брежнева, похоже, достигла уровня, сравнимого со сталинской. Единственной неудачей того года было смятение внутри КГБ, когда англичанам удалось выдворить более сотни его сотрудников, действовавших под видом дипломатов и торговых представителей. Однако это выглядело относительно невинным просчетом в организации внешней разведки, а не дефектом всей структуры безопасности, способным принести вред руководству страны.

Таким образом, имея под своим контролем Управление охраны, вооруженные силы и другие организации госбезопасности, а также проявлявших определенную власть

политических оппонентов, этот преемник Сталина не побоялся отправиться с государственным визитом в Париж, где он смог насладиться помпезным приемом, оказанным ему президентом Жоржем Помпиду. А в 1972 году он даже позволил себе гарантировать достаточно восторженный прием президенту США Ричарду Никсону.

Часть 2

Главное управление охраны

Организация и высшее руководство

Главное управление охраны (ГУО) было, по всей видимости, наиболее эффективным и наисложнейшим в организационном плане учреждением из всех известных нам ведомств, созданных когда-либо для обеспечения личной безопасности руководителей государства и идеологических вождей. Ни одна из других аналогичных систем охраны правителей и политического строя, имевшихся в прошлом или существующих в настоящее время, по степени своей надежности не идет ни в какое сравнение с вышеназванным органом.

В подтверждение данных слов достаточно взять, к примеру, группу сотрудников Секретной службы США, которая непосредственно занята обеспечением безопасности президента, членов его семьи, отдельных сановных лиц и видных зарубежных деятелей во время их пребывания в Соединенных Штатах. Не входя ни в один из главных правоохранительных органов, указанная группа подчиняется непосредственно государственному казначейству, в основные обязанности коего входят регулирование денежного обращения, сбор налогов и других поступлений в государственный бюджет и принятие мер по предотвращению появления в стране фальшивых денег — то есть много чего важного, кроме личной безопасности кого бы то ни было. Поэтому для того чтобы получить информацию относительно потенциальных убийц или взрывоопасных районов, телохранителям из Секретной службы приходится обращаться за помощью к целому ряду учреждений, включая федеральные следственные и разведывательные органы, администрацию различных штатов и, в отдельных случаях, полицию в небольших городах и селениях. Поскольку группа охранников президента США не имеет в своем подчинении никаких вспомогательных служб, при возникновении чрезвычайных обстоятельств ей поневоле приходится полагаться на содействие со стороны независимых от нее организаций, не имеющих зачастую необходимого опыта в такого рода делах. Сложившаяся в США крайне слабая, отставшая от веления времени охранная система неоднократно показывала на практике, что она не в состоянии обеспечить даже президентам собственной страны личную безопасность.

Охрана Сталина в период ее апогея не встречалась с подобными трудностями. Это был его личный орган безопасности, управлявшийся только им и не подчинявшийся никому, кроме него самого. По характеру своей деятельности эта

структура являлась не только охранной службой, но и, в случае нужды, орудием принуждения, выполнявшим и карательные функции. Данное ведомство, возвышаясь по занимавшемуся им в стране положению над всеми остальными органами государственной безопасности, получало от них всю связанную с ее работой информацию, причем не по случаю, время от времени, а постоянно, в соответствии с раз и навсегда установленным порядком, безусловно считавшимся как нечто само собой разумеющееся. И хотя по численности личного состава охрана Сталина не превышала соответствующий показатель в остальных подразделениях ГУО, к ее услугам всегда были прекрасно обученные и опытные сотрудники любых спецструктур. Кроме того, она обладала властью, которой не имела никакая другая охрана ни в прошлом, ни в настоящем. На нее, в отличие от аналогичных групп где-либо еще, как уже отмечалось ранее, возлагалась двуединая задача не только защиты вождя, но и ликвидации его противников — как уже имевшихся, так и потенциальных. Этот второй аспект ее деятельности может рассматриваться лишь как дополнительная функция, которая вообще-то не присуща охранным системам как таковым, и если и возлагается на них, то лишь в условиях коммунистического или какого-либо еще диктаторского режима.

* * *

В сущности, не было никаких объективных причин учреждения в 1947 году Главного управления охраны. Хотя спецслужбы, обеспечивавшие до этого безопасность вождя, и не имели такого многочисленного личного состава, а их сотрудники не отличались столь отличной выучкой и исключительной дисциплинированностью, они тем не менее успешно справлялись со своей двуединой задачей охраны Сталина и ликвидации его соперников. Скорее всего, создание подобной, стоявшей над всеми спецслужбами организации объясняется тем, что по мере того, как сгущались сумерки долгой и кровавой жизни этого деспота, происходило без всяких на то оснований обострение присущей ему подозрительности, что наблюдалось в свое время и у Ивана Грозного. Возможно, неспособность адекватно оценивать обстановку привела в конечном итоге и к тому, что Сталин позволил своим приближенным учинить в 1952 году самую настоящую расправу над его личными телохранителями, ставшими к тому времени профессионалами высшего класса.

В лучшую пору ее деятельности Охрана находилась в личном

ведении Грузина, опиравшегося в данном случае на Поскребышева, который так же, как и Сталин, непосредственно контролировал деятельность органов государственной безопасности, замыкал же цепочку высших руководителей этой организации Власик, начальник ГУО. В подчинении у Власика находились секретариат, выполнявший исключительно административные функции, парткомы и комитеты комсомола, занимавшиеся политическим просвещением и идеологической обработкой охранников, четыре отдела — плановый и хозяйственно-организационный отдел, отдел кадров, отдел связи и оперативный отдел, — несколько управлений, представленных комендатурой Кремля, Охраной № 1, Охраной № 2, Управлением оздоровительными зонами Северного Кавказа, Управлением оздоровительными зонами на побережье Черного моря, Управлением оздоровительными зонами в Крыму, Управлением медицинским и санитарным обслуживанием Кремля, а также такие не столь значимые подразделения руководимой им службы, как школа охранников, центр физической подготовки и обучения обращению с оружием, арсенал и санитарная служба.

Помогали Власику в управлении всем этим комплексом четыре главных заместителя: начальник Охраны № 2 (Охрану № 1 возглавлял сам Власик), начальник отдела кадров, начальник оперативного отдела, как называлось эвфемистически данное подразделение, представлявшее собой группу сотрудников, выполнявших спецзадания по захвату и «нейтрализации» противника, и начальник планового и хозяйственно-организационного отдела, что может служить определенным свидетельством большого значения данного подразделения для организации в целом.

Кроме того, Власик имел полное право обратиться за помощью и поддержкой к любому из подразделений Министерства государственной безопасности — он мог использовать отдел «Т» (по борьбе с террором), войска МВД, группу внутренней контрразведки, оперативные и следственные органы и, наконец, архивы и различные сектора, занимавшиеся составлением и хранением личных дел. Причем все они обязаны были немедленно откликаться на просьбу начальника охраны Сталина и делать все от них возможное, чтобы удовлетворить ее. Точно так же Власик мог бы прибегнуть и к помощи армии, однако в годы правления Сталина необходимость принятия подобных крайних мер ни разу так и не возникла.

Численность личного состава Главного управления охраны, являвшаяся тщательно охраняемой государственной тайной, время от времени претерпевала изменения. В свои лучшие

времена оно насчитывало в одной только Москве около шестнадцати тысяч офицеров и рядовых служащих — как мужчин, так и женщин. А ведь помимо них имелись еще сотрудники управлений южными здравницами и местных охранных служб, а также несколько тысяч контрактников, нанимавшихся в соответствии с трудовым соглашением на полный или неполный рабочий день. При определении общей численности служащих, находившихся в ведении ГУО, необходимо учитывать и то обстоятельство, что дивизии при органах государственной безопасности или входившие в состав внутренних войск представляли собой по сути всего-навсего резервные подразделения данного учреждения. Между тем Первая дивизия имени Дзержинского и Вторая дивизия внутренних войск насчитывали в своих рядах примерно от десяти до двенадцати тысяч человек каждая. Если принять все вышесказанное в расчет, то окажется, что в период с 1947-го по 1952 год в телохранителях Сталина находилось приблизительно пятьдесят тысяч человек.

* * *

На столь мощную охранную организацию возлагались многочисленные и разнообразные обязанности.

Большинство из них были широко известны в Советском Союзе. Но некоторые, особенно те, что имели прямое отношение к ликвидации соперников диктатора, держались в строжайшем секрете. Главной официально провозглашенной функцией Охраны № 1 являлось обеспечение личной безопасности Сталина. Основные же обязанности Охраны № 2 заключались в защите прочих советских иерархов, видных деятелей из других стран, лидеров зарубежных коммунистических партий во время их пребывания на территории Советского Союза и наиболее важных партийных и государственных учреждений.

К советским гражданам, находившимся под защитой (или, если выразаться более точно, под неусыпным надзором) Охраны № 2, относились в первую очередь члены или кандидаты в члены Политбюро, секретари Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, включая и тех, кто членами Политбюро не являлся, министры обороны, государственной безопасности, внутренних дел, иностранных дел, начальник Генерального штаба и примерно с полдюжины главных маршалов.

Что же касается столичных лиц, находившихся на более низкой ступени иерархической лестницы и представленных

соответственно местным партийным руководством и главами местной администрации, то Охрана № 2 лишь наблюдала за их защитой, обеспечивавшейся местными же органами государственной безопасности.

Под категорию иерархов провинциального значения, за безопасностью коих «присматривали» сверху, попадали первые и вторые секретари партийных организаций, председатели президиумов верховных советов и председатели советов министров пятнадцати союзных республик, а также первые секретари обкомов и крайкомов партии и аналогичных учреждений в автономных республиках. Секретари районных парторганизаций, обладавшие относительно низким общественным статусом по сравнению с перечисленными выше лицами, охранников не имели, что, однако, не исключало того, что местные органы государственной «бдительности» несли ответственность и за их безопасность.

В число объектов, за которыми надзирала Охрана № 2, входили учреждения, подведомственные ЦК КПСС и Совету министров, здание Генерального штаба, здание Министерства иностранных дел, занимавшиеся Академией наук строения, такие сверхсекретные лаборатории, как «К-Р» или «100» (и заодно с ними ряд ведущих ученых), жилые дома, предназначавшиеся исключительно для высших сановных лиц, больницы, санатории, дома отдыха и прочие оздоровительные центры в Москве и в ее окрестностях, а также на Кавказе и в Крыму. Практически единственными требовавшими особого внимания объектами, не попадавшими под опеку Охраны № 2, являлись учреждения МГБ и МВД: эти организации в дневное время охранялись их собственным персоналом, а ночью — подразделениями внутренних войск и службы безопасности. Данное обстоятельство мало что меняло в загруженности Охраны № 2, поскольку в период с 1947-го по 1952 год у нее и так было предостаточно забот, связанных с дежурством на улицах столицы. В связи с этим достаточно сказать хотя бы то, что одной из возложенных на нее в указанное время обязанностей являлось осуществление руководства ОРУДом, или Отделом регулирования уличного движения.

Для того чтобы успешно выполнять предписанную ей функцию наблюдения за лидерами, правящих зарубежных партий, Охрана № 2 имела своих людей во всех восточноевропейских и азиатских государствах-сателлитах, находившихся в ту пору под эгидой Сталина. В частности, группам личных телохранителей лидеров упомянутых выше стран придавались советники из числа советских граждан, которые, помимо выполнения своих прямых

обязанностей, осуществляли, как правило, и контроль за теми, кого были призваны охранять.

* * *

Возвращаясь к Охране № 1, отметим, что управление ей, как и ГУО в целом, осуществлялось фактически не Власиком, а Сталиным (или) Поскребышевым, дававшим номинальному начальнику соответствующие указания относительно надлежащего, как представлялось тому или другому боссу, использования вверенных этому человеку спецслужб.

Уделяя большое внимание повышению морального духа и социального статуса сотрудников своей «дворцовой гвардии», — как, впрочем, и других охранных служб, формально независимых, но в действительности подчинявшихся ей, — Сталин решил, что всего этого можно достичь в результате одной лишь смены названия данного подразделения, что и было им сделано в 1947 году. Несмотря на давнее свое чувство неприязни к такому широко известному в царской России понятию, как Охрана (в народе «охранка»), он заявил, что если бы пекшееся о его безопасности ведомство было названо Охраной, то это придало бы такой организации больший вес. Одновременно с преобразованием «дворцовой гвардии» в Главное управление охраны были переименованы и другие занимавшиеся обеспечением безопасности организации: спецслужбы, ведавшие железнодорожными и водными магистралями и московским метрополитеном, пограничные и внутренние войска, которые также стали отныне называться охранами. Изменения коснулись и званий сотрудников «дворцовой охраны». Те, кто раньше именовался старшим разведчиком, разведчиком первой категории или разведчиком второй категории, теперь уже числились просто офицерами Охраны различных рангов.

В целях обеспечения личной безопасности сотрудников Охраны в учреждениях данного ведомства принимались исключительные меры предосторожности. На его зданиях не имелось каких бы то ни было надписей. Сразу же за входной дверью дежурили вооруженные охранники. Посетитель, кем бы он ни был, предъявлял им в обязательном порядке удостоверение личности с фотографией, и если ему разрешали продолжить свой путь, то лишь в сопровождении дежурного.

Главная штаб-квартира Охраны располагалась в доме № 2 на площади Дзержинского, или, если точнее, на втором этаже основного здания Министерства государственной безопасности.

Однако Власик бывал обычно настолько пьян, что редко когда заглядывал в разместившуюся там свою «вотчину», предпочитая находиться возле кабинета Сталина в Кремле или на даче диктатора, куда добирался в любом состоянии. В распоряжении Охраны имелись, кроме того, служебные помещения в доме № 12 по улице Дзержинского, а также различного рода офисы и явочные квартиры, разбросанные буквально по всей Москве и встречавшиеся, кроме того, и в пригородах столицы. На улице Жданова, напротив гостиницы «Берлин», расположились партком, комитет комсомола и клуб сотрудников Охраны.

Благодаря вездесущей Охране и другим силам безопасности, опутавшим своей сетью Москву, советская столица состояла фактически из двух различных городов. Первый представлял собой открытый взору каждого столичный город с шестью миллионами жителей. В сознании приезжих, а также и тех, кто черпал свои знания о Москве в основном из газет, он ассоциировался в первую очередь с Большим театром, гостиницей «Интурист», московским метрополитеном, Красной площадью, храмом Василия Блаженного, Мавзолеем и, наконец, в то время закрытым для посторонних Кремлем. Если кому-то из гостей столицы приводило в голову, что Кремль, этот второй город, — подлинный административный центр советской власти, то его можно понять.

Однако подобное заключение было бы ошибочным. Второй город занимал несоизмеримо большую площадь и находился под куда более жестким контролем со стороны власть предержащих, чем мог бы представить себе рядовой гражданин, посетивший столицу. Его территория целиком, без всяких исключений, входила в сферу действия невероятно изощренной и сложной системы охраны порядка, значительно превосходившей по степени надежности все то, что было создано ранее для ограждения правящей касты от окружающего мира. Чтобы познакомиться с этим городом в самых общих чертах, достаточно взглянуть на карту Москвы, где четко видны и улицы, расположенные в пределах Садового кольца, и Красная площадь с Кремлем в самом центре столицы. Неподалеку от Кремля — на площади Дзержинского и на улицах Дзержинского, Малая Лубянка и Кузнецкий мост — разместился целый комплекс зданий, занимаемых органами государственной безопасности. Чуть далее, на улице Огарева, лишь в нескольких кварталах от Большого театра, расположилась штаб-квартира МВД. Несколько улиц, включая и улицу Горького с жилыми кварталами сотрудников Охраны вдоль нее, отходят от Кремля лучами, словно спицы колеса. Они ведут к Можайскому шоссе, проспекту

Мира и улице Арбат. За чертой города, по обе стороны от Дмитровского шоссе, идут открытые пространства. Там-то, уже в Подмосковье, и проживали некогда со своей челядью Хрущев с Ворошиловым.

Нелишне будет упомянуть и о таких занимавшихся Охраной строениях, как подведомственное здание на Болотной улице, дом № 11 в Сиротском переулке, дом № 3 в Еропкинском переулке, строение на углу Старопанского переуллка, здания на Ленинском проспекте (прежнее название — Калужское шоссе), откуда спецгруппа Охраны вела наблюдение за Академией наук. В районе Покровского бульвара были размещены казармы дивизии органов государственной безопасности, всегда находившейся в состоянии боевой готовности, чтобы в случае необходимости оказать в Москве поддержку Охране.

* * *

Этот второй город являл собою по сути дела «закрытый объект», находившийся в ведении Управления охраны. Он был обеспечен буквально всем. Имел свою собственную электростанцию и автономную систему связи. В пригороде столицы на него же работали подведомственные Охране сельскохозяйственные предприятия и бойни, чью продукцию по одним и тем же маршрутам доставляли ежедневно в Кремль. Кроме того, указанные предприятия обеспечивали продуктами питания свыше тридцати частных и многоквартирных домов, расположенных на территории «закрытого города», резиденции членов Политбюро, гостиницы для представителей зарубежных коммунистических партий и семей покойных коммунистических иерархов, чьи имена продолжали еще упоминаться в официальных изданиях по истории.

В «закрытом городе» имелся и свой собственный обслуживающий персонал, и к тому же весьма многочисленный. В его состав входили сантехники, электротехники, врачи, повара, привратники, подсобные рабочие, домашняя прислуга — короче, все те, кто только мог бы понадобиться (единственными, в ком не испытывалось тут ни малейшей нужды, были адвокаты). У женщин, оказавшихся в рядах сей многоликой, пестрой по своему составу «трудовой армии», был самый широкий спектр занятий — от уборки помещений до щедро оплачивавшейся проституции. Несмотря на исключительное разнообразие обязанностей, выполнявшихся лицами, подпадавшими под категорию «обслуживающего персонала», всех их объединяло то, что

каждому из них выдавалось удостоверение личности сотрудника Охраны или органов государственной безопасности.

Оперативная работа

Глазами, ушами, мозгом и сердцем системы, занимавшейся обеспечением личной безопасности Сталина, являлся оперативный отдел, который в силу указанного обстоятельства считался наиважнейшей составной частью Охраны. Данное подразделение, чья деятельность, содержавшаяся в строжайшей тайне, протекала под непосредственным наблюдением Поскребышева, имело в своем составе лишь наиболее опытных и надежных сотрудников службы безопасности.

Оперативный отдел состоял из нескольких секторов. Главные его подразделения обслуживали Кремль, Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет министров СССР, отвечали за порядок на Красной площади и в прилегающем к ней районе, занимались следственной работой, осуществляли наблюдение за вверенными их «попечению» объектами и приводили в исполнение смертные приговоры. На отдел возлагалась также ответственность за проверку благонадежности гражданских лиц, работавших в Кремле, в аппарате ЦК КПСС и в Совете Министров.

В распоряжении сектора наблюдения имелась, помимо собственных бригад, широкая агентурная сеть, насчитывавшая свыше трех тысяч негласных сотрудников различных спецслужб. Этих людей, работавших в особо важных партийных и государственных учреждениях или в районах, которые чаще других посещал Сталин, вербовали обычными методами: угрожая, суля различные блага или пуская в ход самый обычный подкуп. Будучи завербованными однажды, негласные сотрудники (осведомители, если точнее) поступали под начало курировавших их офицеров ОПЕРОДа, которых в случае установления ими более теплых, чем просто рабочие, отношений с вверенными им агентами, сексотами (секретными сотрудниками), могли подвергнуть административному наказанию и даже уволить из органов. Особенно много таких негласных сотрудников, которых можно для краткости именовать и субагентами, размещалось вдоль улиц и в районах, по которым пролегал маршрут Сталина. В результате никто не мог пройти в подобную зону особого внимания без того, чтобы о нем тотчас же не сообщили в соответствующую инстанцию. Немедленно информировать спецслужбы о появлении на находящейся под строжайшим надзором территории любого незнакомца, не проживавшего в данном районе, даже если он оказался здесь лишь потому, что решил посетить своих друзей или родственников, обязаны были

не только пресловутые субагенты, но и все без исключения обычные граждане из местных жителей.

Занимавшиеся наблюдением бригады ОПЕРОДа, находившиеся в прямом подчинении ГУО, устанавливали слежку не только за функционерами из партийных и государственных учреждений и другими лицами, вызывавшими подозрение, но и за сотрудниками самой Охраны. Такие проводившиеся периодически проверки благонадежности служащих обеих главных охранных служб — Охраны № 1 и Охраны № 2 — были призваны получить дополнительную информацию личностного плана или, если называть вещи своими именами, разузнать все, что возможно, и к тому же в деталях, о личной жизни сотрудников, свойственных им наклонностях и об их друзьях. Если выяснялось, что сотрудник поддерживает связи с сомнительными лицами или запятнал себя чем-то еще, пусть даже мелким и незначительным, то его в срочном порядке увольняли из охранников и направляли на другую работу в той же системе государственной безопасности, в то время как его личное поведение или отдельные совершенные им проступки подлежали дальнейшему, более глубокому расследованию.

* * *

Основная доля нагрузок, падавших на входившие в Охрану бригады наблюдения, была связана с потенциальными прямыми угрозами личной безопасности Сталину. Специальная группа, занимавшаяся именно этой проблемой, работала в тесном контакте с Поскребышевым. Ее сотрудники прочитывали, анализировали и классифицировали всю корреспонденцию, поступавшую на имя Сталина и членов Политбюро, пользовавшихся в данный момент особым благорасположением Сталина. Авторы подавляющего большинства писем обращались к столь высоким адресатам со своими просьбами, и хотя содержание таких посланий само по себе было совершенно невинным, по каждому из них проводилось тщательное, скрупулезное расследование. Работа с письмами, в которых, как считали сотрудники Охраны, содержалась выраженная в той или иной форме угроза, проходила по иной, более сложной схеме. Предпринимавшиеся в связи с ними действия координировались с отделом «Т» (занимавшимся терроризмом) и особым следственным отделением высшего органа (министерства или комитета) государственной безопасности.

Отметим попутно, что при советском общественном строе

всегда, и особенно в годы правления Сталина, практически любая вещь могла рассматриваться спецслужбами как потенциальная угроза диктатору. И это понятно, если учесть, что ни Поскребышев, ни лично Сталин были просто не способны уразуметь ту простую истину, что в действительности в стране не имелось никаких террористов и ничто не угрожало жизни вождя. Ими обоими просто владела своего рода мания, и поскольку террористы как таковые в подлинной жизни советского общества отсутствовали, ОПЕРОДу и прочим органам государственной безопасности поневоле приходилось выдумывать их.

В результате приложенных ими немалых усилий в картотеках, учитывавших людей с «террористическими наклонностями», стало насчитываться со временем тысячи разных имен. Фамилии таких «террористов» извлекались не только из писем Сталину и другим иерархам, но и из анонимных доносов. Значительную помощь в «выявлении» подобных людей оказывали также занимавшиеся изо дня в день своей рутинной работой сотрудники служб наблюдения, субагенты и милиция.

Кроме того, имелась довольно значительная группа «достопочтенных» граждан, которые по собственному почину сообщали в соответствующие органы об опасности, которую якобы представляли собой те или иные лица. И хотя подобные доносы чаще всего являли собою лишь сознательную злобную ложь, ОПЕРОД, опираясь на них, в срочном порядке «изолировал» (арестовывал, если говорить все, как есть) пресловутых «террористов», после чего приступал к «проведению следственных действий» в отношении попавшихся в его сети ни в чем не повинных бедолаг. Правда, из этого правила делались исключения: в отдельных случаях, когда возбужденное дело казалось следственным органам не столь уж серьезным, жертву доноса «изолировали» лишь после предварительного расследования. Но конечный результат для большинства оказавшихся в руках «правосудия» был обычно один и тот же; несчастных людей приговаривали без всякого судебного разбирательства к пятилетнему сроку лишения свободы и отправляли затем или в тюрьмы, или в исправительно-трудовые лагеря. Значительно хуже складывалась судьба у тех, кого следственные органы и впрямь расценивали как «террористов»: их, также без суда, лишали свободы на значительно большие сроки, а то и просто расстреливали.

Деловые встречи с субагентами по вопросам борьбы с «терроризмом» сектор наблюдения проводил в своем главном офисе в штаб-квартире высшего органа (министерства или комитета) государственной безопасности, а также в оперативных пунктах, разбросанных в различных районах Москвы, с тем чтобы охватывать практически все население столицы. Занимавшиеся наблюдением группы могли напрямую связываться по телефону не только друг с другом, но и с городской милицией и облаченными в милицейскую форму сотрудниками Охраны, регулировавшими дорожное движение в Москве.

Данное обстоятельство облегчало им выполнение своих обязанностей по обеспечению личной безопасности Сталина и его приближенных, едущих по Москве или за город, где находились занимавшиеся ими дачи. А когда Грузин отправлялся на юг, чтобы отдохнуть там или провести свой отпуск, вместе с ним устремлялась туда же и половина сотрудников службы наблюдения.

В обязанности групп наблюдения входило также принятие необходимых мер, чтобы уберечь вождя от лицезрения тяжелых, неприятных сторон жизни. Одно из заданий, полученных охранниками в связи с этим, касалось лишившегося ног ветерана Великой Отечественной войны. В 1947 году этот калека на протяжении нескольких вечеров катал свою инвалидную коляску по тротуару возле грузинского ресторана на улице Арбат, по которой регулярно проезжал Сталин, и попрошайничал деньги и папиросы у посетителей сего заведения, рассказывая им о ратных своих подвигах и показывая им врученный ему за боевые заслуги орден Красной Звезды.

Сотрудник службы наблюдения, одетый в штатское платье, не раз увещевал инвалида перебраться отсюда куда-нибудь еще, поскольку опасался, что этот человек может произвести на Сталина плохое впечатление. Но калека был глух к тому, что ему говорили, и тогда в дело вмешались другие сотрудники ОПЕРОДа, которые, не тратя лишних слов, арестовали его. Ветеран, с тех пор уже никогда не появлявшийся более на Арбате, успел-таки в момент схватки с охранниками обозвать своих обидчиков опричниками «Сталина Грозного», после чего швырнул им свой орден в лицо.

Чтобы впредь никогда подобного рода лица не создавали угрозу душевному покою вождя, Власик издал распоряжение, призывавшее его подчиненных «проявлять большую бдительность и убирать всех нищих с улиц», по которым пролегал маршрут Сталина и его приближенных.

Допросом всех подвергавшихся задержанию граждан занимался следственный сектор, и если в его распоряжении оказывался какой-либо «компрометирующий» материал или кем-то из подследственных и впрямь был совершен некий противоправный проступок, соответствующие лица подлежали аресту. Вместе с тем одна из главных обязанностей следственного сектора, которыми он должен заниматься изо дня в день, заключалась в составлении списков «подозрительных» лиц и передаче этих списков органам государственной безопасности, где официально регистрировали всех упоминавшихся в подобных бумагах. Для того чтобы оказаться «помеченным», то есть угодить в передаваемые органам безопасности «черные» списки, человеку достаточно было, неразумно проявляя беспечность, побывать два или три раза в «поднадзорной» зоне и провести там более получаса. Имя сей «подозрительной» личности незамедлительно вносилось в картотеку органов государственной безопасности с соответствующей пометкой типа «замечен в зоне особого наблюдения» или «часто появляется неподалеку от мест, находящихся под особой охраной».

Следователи ОПЕРОДа всеми правдами и неправдами добивались от заключенных «добровольно-принудительного» признания, что достигалось, использованием «чудодейственной» комбинации самых различных методов, к коим относились проведение с подследственными «душеспасительных» бесед, применявшиеся инквизицией различные способы воздействия на психику и, наконец, допросы с применением пыток. Долгое время внешний мир принимал на веру подобные «признания». Примерно так же обстояло дело и в Советском Союзе. Рядовой советский человек не сомневался в достоверности того, о чем ему говорили. Полагая, что каждый, кто оказался за решеткой, действительно совершил тот или иной тяжкий проступок, обыватель, естественно, считал вполне закономерным, что арестованный признался в своей вине.

Стремление следователя добиваться признания вины лицами, чьими делами он занимался, проистекало, однако, не только из его желания получить повышение или просто сохранить себе жизнь. Он исходил при этом и из практической целесообразности защитить и собственных агентов, и осведомителей, работавших на органы государственной безопасности, которые несли главную ответственность за открытие того или иного дела. Если сотрудник следственных органов вынужден был во время судебного разбирательства привлекать для дачи свидетельских

показаний своих осведомителей, то он тем самым автоматически разрушал отлаженную им агентурную сеть. Поэтому он старался повернуть дело так, чтобы обвиняемый начинал внезапно испытывать настоящий ужас, когда он знакомился с собранными следователем «свидетельствами» его вины и когда до его сознания вдруг доходило, что донес на него кто-то из близких. Сам же следователь, если ему удавалось добиться признания, был вправе хранить в тайне источник полученной им информации.

При проведении следственной работы сотрудник Охраны мог черпать уверенность в том обстоятельстве, что официально выступал от лица Советского государства. А оно никогда не ошибается. В контексте советской действительности из данного утверждения следовало, что если кто-то и допускает ошибки, так только отдельные личности, которые преднамеренно «извращают» или «фальсифицируют» суть ясных коммунистических принципов. Сам же следователь вооружался этими «принципами» еще до того, как впервые встречался с подследственным в камере или комнате для допросов.

Объективности ради отметим, что после смерти Сталина прямое насилие в отношении подследственных стало применяться значительно реже. Однако, несмотря на различные «смягчения» в политической жизни, наблюдавшиеся при преемниках грузинского диктатора, исходные «теоретические» посылки, касавшиеся методов ведения следственной работы, не изменились ни на йоту: от них не отказались ни на практике, ни на словах.

* * *

В глазах Поскребышева и Сталина наиболее ценным элементом в структуре охранной службы являлся сектор, занимавшийся приведением смертных приговоров в исполнение. Истинное предназначение данного органа, естественно, никак не отражалось в таком безобидном его названии, как «спецподразделение». Однако, независимо от употреблявшейся в данном случае терминологии, он представлял собой специфичную группу, к которой всякий раз обращались диктатор со своим «Пятницей», когда эта пара принимала решение от кого-то избавиться.

В роли главного палача в период всевластия Сталина выступал полковник Окунев, человек крайне болезненный, которого его сподвижники считали «выдающимся» чекистом. Помимо того что его отличало особое пристрастие к столь

необычному ремеслу, как лишение людей жизни, он слыл также заядлым пьяницей, каковым был уже к 1947 году, когда вступил в новую для себя «должность». Настоящий психопат, проявивший себя в полной мере и в предшествующий период, он продолжал вести себя так же, как прежде. Со временем безудержное потребление им алкогольных напитков перешло все мыслимые и немыслимые границы и привело в конечном итоге к нарушению речи, что проявлялось не только в заикании, но и в длительных паузах, делавшихся им поневоле, когда он пытался что-то сказать.

После того как этот кровавый «эксекUTOR», лично уничтоживший немало людей, «ушел в отставку», что произошло в 1952 году, он безуспешно пытался устроиться на работу в печально известной лаборатории Министерства государственной безопасности, именовавшейся «камерой». По-видимому, данное учреждение не случайно влекло его к себе: там ставились опыты на живых людях — заключенных и лицах, приговоренных к смертной казни, — чтобы выявить степень воздействия на человека различных ядов и инъекций, а также определить степень эффективности использования гипноза и наркотиков в процессе допроса. (Хотя указанная лаборатория непосредственно не входила в структуру Управления охраны, «камера» тем не менее рассматривалась всеми как важное, исключительно полезное вспомогательное подразделение в системе органов государственной безопасности, готовое в любой момент оказать охранной организации необходимое содействие.)

Занимая пост главного палача Управления, Окунев жил в своем маленьком, замкнутом мире. Его коллеги — другие служащие Охраны — сторонились его, и не из-за отвращения к возложенным на него обязанностям, а лишь потому, что слишком уж часто приходилось им видеть, как брел он шаткой походкой по коридорам штаб-квартиры охранной службы в здании на площади Дзержинского, держа в руке неизменную бутылку водки и не замечая слюны, стекавшей из его рта.

* * *

Одной из первых крупных акций, совершенных для Управления полковником Окуневым, стало убийство выдающегося еврейского актера и режиссера Соломона Михоэлса. Хотя в годы Великой Отечественной войны Михоэлсом, которому удалось привлечь на сторону своей страны граждан США из евреев и представителей других национальностей, был внесен значительный вклад в победу Советского Союза над фашистской

Германией, Сталин не только решил, что более Михоэлс ему не нужен, но и задумал по политическим и некоторым иным причинам осуществить целый ряд «мини-погромов». Частью этой антисемитской программы явились закрытие Еврейского театра Михоэлса в Москве и расправа с такими известными почитателями-евреями этого деятеля культуры, как жена Молотова, бывший министр иностранных дел Литвинов и его заместитель Лозовский.

Что же касается самого Михоэлса, то Поскребышев понимал, что обычная советская процедура устранения неудобных лиц, неотъемлемыми элементами которой были инсценированный «судебный процесс», выбитое силой «признание» и, наконец, вердикт, приговаривавший подсудимого к отбытию того или иного срока в исправительно-трудовом лагере или к смерти, вызовет слишком уж мощную негативную реакцию на Западе. Поэтому было принято решение поручить Окуневу подстроить «трагическую и прискорбную автокатастрофу». Данная операция прошла столь гладко, что по истечении какого-то времени Окунев и его команда были отмечены службой безопасности особыми наградами.

Другими, уже не столь сложными делами, которые «провернул» в 1949–1950 годах тот же Окунев, стала ликвидация Кузнецова, Вознесенского и Родионова, занимавшего до этого пост Председателя Совета министров РСФСР. Кузнецов сразу же после ареста был доставлен на Лубянку, где его даже никто не допрашивал. После того как он пробыл в одиночном заключении около трех недель, его вывели во внутренний двор тюрьмы, где Окунев выстрелил ему в затылок. Соблюдение «законности» проявилось при этом лишь в том, что врач Охраны выдал свидетельство о смерти Кузнецова, подписанное Абакумовым и засвидетельствованное Окуневым. Данный документ доставили незамедлительно лично Поскребышеву.

Единственным различием в судьбах Кузнецова и Вознесенского было то, что последний провел сперва несколько месяцев под домашним арестом, а затем — еще несколько месяцев в одиночной камере на Лубянке перед тем, как его вывели наружу, чтобы Окунев и его отправил на тот свет. Свидетельство о смерти своей новой жертвы этот полковник снова передал непосредственно Поскребышеву. Родионова тоже казнили примерно так же, как и Кузнецова.

Надо заметить, что отнюдь не все инсценированные Окуневым «автокатастрофы» знаменовались смертельным исходом, как это произошло в случае с Михоэлсом. Особенно безобидной была та из них, которую он подстроил по

распоряжению Сталина зимой 1949–1950 года, когда «красных» китайских гостей — Мао Цзэдуна и сопровождавших его лиц — разместили на одной из дач Грузина, находившейся в Липках, неподалеку от Москвы, с которой этот населенный пункт связывало Дмитровское шоссе. Встречаясь неоднократно с гостями, Сталин решил, что ему необходимо в течение часа или двух поговорить с Мао Цзэдуном с глазу на глаз, без присутствия Лю Шаоци, китайского коммуниста № 2 и второго по счету «человека века», который во время предыдущих бесед практически неотлучно находился при своем начальнике. Окунев разрешил возникшую было проблему, организовав столкновение принадлежавшего охранной службе мусоровоза с лимузином, в котором водитель, сотрудник Охраны, вез Лю Шаоци, желавшего присутствовать на встрече Мао со Сталиным. Окунев выполнил порученное ему задание столь превосходно, что «инцидент» даже не пробудил от сна высокого гостя, устроившегося на заднем сиденье автомобиля. Однако для завершения милицией всех положенных в подобных случаях формальностей и очистки пути потребовалось два часа — время, достаточное для того, чтобы Сталин смог наедине побеседовать с Мао Цзэдуном. Последний акт этой «драмы» был разыгран столь же убедительно, как и все предыдущие. Шофер, который вел машину с Лю Шаоци, был уволен с работы, а водитель мусоровоза получил год тюремного заключения. Впоследствии, однако, все было переиграно: шофер лимузина вновь стал возить знатных зарубежных гостей (только не китайцев), а водитель принадлежавшего Охране мусоровоза вскоре был освобожден из заключения и направлен на работу с более высокой зарплатой, чем прежде, в один из районов страны.

* * *

В тот же период всесия Управления на Дмитровском шоссе произошел инцидент, ставший лишним свидетельством всемогущества ОПЕРОДа. На шоссе практически ежедневно появлялся некий генерал-майор, совершавший поездки между принадлежавшим ему частным домом, находившимся под Москвой, и главным зданием Генерального штаба. Этого офицера раздражало ограничение скорости, установленное на использовавшемся им отрезке шоссе, по которому ездили, кстати, Сталин и младшие по отношению к нему иерархи, и генерал постоянно требовал от шофера нарушать правила. Когда же тот так и делал, то чаще всего связанные со службами наблюдения офицеры ОПЕРОДа, которые, облачившись в милицейскую форму,

дежурили вдоль всего требовавшего особого внимания маршрута, останавливали машину и проводили беседы с недисциплинированным шофером армейского офицера. Но это мало что меняло, поскольку, как только охранники в милицейской форме отходили от машины, генерал говорил своему шоферу, чтобы он не обращал внимания на претензии со стороны младших чинов.

Подобное положение вещей оставалось неизменным до тех пор, пока любивший скорость генерал не приказал своему шоферу обогнать лимузин, ехавший впереди на предельно дозволенной скорости. Однако в обогнанной лихачом машине оказался не кто иной, как Ворошилов, возвращавшийся тем же путем к себе на дачу.

На следующий день группа «милиционеров» — сотрудников ОПЕРОДа остановила машину генерала, арестовала его водителя, которого тут же увезли на допрос, и предоставила высшему офицеру Генштаба полную возможность побывать в положении человека, лишенного транспортных средств.

В последовавшем затем разговоре потерпевший обозвал «милиционеров» грязными словами и потребовал от них с почтением относиться к его воинскому званию, на что один из офицеров ОПЕРОДа ответил, что завтрашний день покажет, останется ли «товарищ генерал» генералом или будет разжалован в рядовые.

Об этом происшествии тут же было доложено Власику. Начальник Управления приказал маршалу Александру Василевскому, возглавлявшему в то время Генеральный штаб, поговорить как можно строже с генералом по поводу значительного превышения им максимально дозволенной скорости на шоссе, по которому ездит сам Сталин.

Василевский вызвал к себе генерала, отчитал его и потребовал, чтобы тот лично обратился с извинениями к начальнику Московского ОРУДа, находившегося в то время под контролем со стороны ОПЕРОДа.

Генерал сперва было отказался просить извинения у какого-то всего-навсего сотрудника «милиции», но Василевский предупредил его, что в таком случае он может лишиться генеральского звания. Тот, оценив реальную обстановку, усмирив свою гордыню и принес в конце концов извинения начальнику управления дорожным движением, который оригинально расквитался с генералом — заставил генштабиста прослушать длинную лекцию на тему о том, как следует вести себя на дорогах. А вскоре несчастного военного перевели из Москвы в какое-то захолустье и предали забвению.

Хотя в 1952 году Главное управление охраны было лишено прежних полномочий (силы), ОПЕРОД вполне определенно не перестал существовать. В 1953 году он был поставлен под контроль органов государственной безопасности как Секретное политическое управление (СПУ) и затем был слит с отделом «Т». Эти два подразделения получили безобидные названия Четвертого и Пятого управления СПУ. А еще позже весь этот конгломерат стал называться Вторым главным управлением (внутренняя контрразведка) КГБ. Именно оно было ответственно за защиту правящего режима и устранение его оппонентов, если в том возникала необходимость.

Личный состав

Подборка всех без исключения офицеров для работы в Главном управлении охраны производилась самим руководством этого ведомства, и таким образом если кого-то брали туда, то вовсе не по его личной просьбе, хотя, как будет сказано ниже, имелись и исключения. В то же время никого из отобранных лиц не принимали на работу в Охрану против его желания. Но кандидаты в будущие сотрудники этой Организации и не думали уклоняться от представившейся им возможности служить в данном учреждении, что объяснялось их дисциплинированностью как членов партии или комсомола, высокой зарплатой, которую они стали бы получать, соображениями престижности и, наконец, различными благами, которыми пользовались сотрудники ГУО.

Как правило, Охрана при подборе новых кадров в первую очередь рассматривала кандидатуры, предложенные партийными и комсомольскими организациями и спецслужбами, с которыми она поддерживала тесные отношения. Некоторые кандидаты отбирались также из личного состава таких военизированных служб, как внутренние и пограничные войска и кремлевская комендатура, но только после того, как они отслужили трехлетний срок, установленный для лиц, отбывающих воинскую повинность. Некоторых офицеров сразу же, без соблюдения положенных в таких случаях процедур для обычных кандидатов в сотрудники ГУО, брали на службу в охранное ведомство, но это происходило только тогда, когда их направляли туда непосредственно ЦК КПСС или министр государственной безопасности, отобравший их из числа служащих различных подразделений подведомственного ему учреждения. Отметим также, что одну из групп кандидатов образовывали лица, обладавшие той или иной редкой и необходимой для ГУО специальностью и работавшие в данный момент в университетах и прочих высших учебных заведениях. Наконец, в виде особого исключения рассматривались и кандидатуры тех граждан, которые, воспользовавшись личными связями с кем-то из сотрудников Охраны, выражали свое желание служить в этом ведомстве.

Претенденты в сотрудники ГУО должны были отвечать определенным требованиям, к коим относились хорошее здоровье, умение вести себя, безупречное прошлое, отсутствие родственников, проживающих за границей, и конечно же неперемненное членство в коммунистической партии или комсомоле. Иногда, в особо редких случаях, на работу в Охрану

брали и беспартийных, за которых ходатайствовали или трое сотрудников органов государственной безопасности, или трое членов партии, однако данное исключение делалось только для специалистов, которым предстояло и впредь заниматься своим специфическим делом, но не для тех, кто желал бы работать охранником.

Обычно раз в году ЦК КПСС издавал по просьбе министра государственной безопасности и начальника Главного управления охраны приказ за подписью Маленкова, предписывавший провести среди членов коммунистической партии и комсомола вербовку в органы государственной безопасности. Численность подлежащих вербовке лиц колебалась, как правило, от пятисот до тысячи двухсот человек.

От Маленкова данное постановление направлялось в Московский городской комитет партии, который в свою очередь рассылал его на предмет исполнения в столичные райкомы. Число кандидатов, которых должен был отобрать каждый район, варьировалось в зависимости от общей численности его населения и от численности проживавших на этой территории членов партии. Больше всего кандидатов подбиралось в таком промышленном районе, как Сталинский, где располагался автозавод, носивший имя диктатора. Наименьшее число кандидатов поступало на рассмотрение ГУО из центральных районов столицы, таких, например, как Свердловский, жители которого были представлены в основном государственными служащими и интеллигенцией. Отбор кандидатов осуществлялся на протяжении всего года, и на проводившихся раз в месяц заседаниях Московского горкома партии непременно рассматривался вопрос и о том, как проходит данное мероприятие. Обычно подобные заседания проходили под председательством второго секретаря столичного комитета партии, обязанности которого в рассматриваемое нами время исполняла Екатерина Фурцева.

После отбора кандидатов их список направлялся в отдел кадров Главного управления охраны, который проверял не только личные качества отобранных лиц, но и степень их благонадежности, поскольку данное подразделение представляло собой в действительности еще один орган государственной безопасности, но уже при ГУО. Кадровики, рассматривавшие самым тщательным образом все без исключения предложенные им кандидатуры, особое внимание уделяли все же тем из них, кому предстояло стать охранником, тем более если речь шла о потенциальных телохранителях самого Сталина.

Обычно благонадежность кандидата в сотрудники Охраны должна была подтверждаться рядом документов, включая и анкетные данные.

К документам относились в первую очередь рекомендации, личные дела кандидата и заявление от него.

Рекомендация от райкома партии, которую представлял в отдел кадров ГУО отобранный из числа членов партии кандидат, должна была быть подписана и проштампована первым секретарем указанного партийного органа, и содержать примерно следующий текст: «[Такой-то] комитет партии города Москвы принял решение рекомендовать [такого-то], члена партии с [такого-то] года (партийный билет № [такой-то]), на службу в органах государственной безопасности».

Для беспартийных письменные рекомендации от трех членов партии, в которых бы указывалось, сколь давно каждый из них знаком с кандидатом, и говорилось, что их протеже обладает хорошим характером и что он рекомендуется ими для «секретной» или «особой» работы в органах государственной безопасности.

Военнослужащий предоставлял также рекомендацию от политотдела своего подразделения.

Что касается личных дел, то к ним относились в первую очередь подробные характеристики кандидатов, составлявшиеся как соответствующими райкомами комсомола, так и по месту их работы.

В тех случаях, когда не имелось никаких оснований скрывать место будущей работы потенциального сотрудника Охраны, — например, потому, что ему предстояло заниматься самым что ни на есть заурядным делом, — учреждение, в котором он числился, информировалось о том, кто и куда берет их сотрудника, и тогда на папке с его личным делом, хранившимся в данной организации, появлялась надпись: «направить в Главное управление охраны».

Если же из-за предосторожности учреждение, где работал кандидат, не извещалось о планах ГУО в отношении данного человека, возникавшая в связи с этим проблема разрешалась с помощью райкома партии, который, не объясняя причин, обращался к соответствующему учреждению с требованием переслать ему личное дело сотрудника, вошедшего в число кандидатов.

В особых случаях, когда даже райком партии держался в, неведении относительно возможных перемен в судьбе того или

иного кандидата, «сверху» обращались непосредственно к первому секретарю данного партийного учреждения с тем, чтобы тот «в порядке его обычной работы» переслал наверх личное дело соответствующего лица.

Кандидат в сотрудники Охраны перед тем, как быть зачисленным в ряды работников данного ведомства, должен был подать в отдел кадров заявление за личной подписью, в котором говорилось бы, что он просит органы государственной безопасности принять его на работу. Это делалось для того, чтобы впоследствии нынешний претендент не смог ссылаться на то, что его, мол, взяли туда в принудительном порядке и вопреки его воле.

При приеме на работу того или иного человека учитывались и его родственные связи. Если у кандидата в сотрудники Охраны или у его жены имелись родственники за границей, то ему нечего было рассчитывать попасть в это ведомство. Кандидату отказывали в работе даже тогда, когда лица, состоявшие с ним или его женой в родственных связях, являлись советскими гражданами, работавшими за рубежом в качестве дипломатов, торговых представителей, журналистов и т. д. И, конечно же, на работу не брали и тех, кто связан родством с кем-либо из заключенных, отбывавших наказание в тюрьме или в исправительно-трудовом лагере.

Кроме рассмотренных выше документов, кандидат заполнял исключительно подробную анкету, в которой указывались социальное происхождение кандидата (или иначе, кем являлись его родители: крестьянами, рабочими, дворянами, буржуями или кулаками), дата и место рождения, его ближайшие родственники, о которых необходимо было сообщить ряд сведений, касавшихся, в частности, рода их занятий или отношения к советскому строю. Кадровики изучали самым тщательным образом полученные характеристики, а также деловые качества, моральный облик, привычки, отношение к спиртному и друзей кандидата. Само собой разумеется, претендент не должен был иметь партийных или административных взысканий. Одновременно с проверкой уже имевшихся сведений о кандидате за ним устанавливалось наблюдение, которое не снималось с него и после того, как его брали на работу. К тому времени, когда предварительная проверка, включавшая в себя и наблюдение за кандидатом и его друзьями, сослуживцами и соседями, уже близилась к завершению, хранившееся в отделе кадров личное дело потенциального сотрудника Охраны разбухало обычно страниц до трехсот.

Отдел кадров, занимаясь изучением предложенной ему

кандидатуры, мог обращаться при этом за помощью к оперативным бригадам и другим подразделениям органов государственной безопасности. Однако подобная практика нередко вызывала яростный протест со стороны местных спецслужб, которые жаловались на то, что обращение к ним Главного управления охраны с требованием оказать ему необходимое содействие мешает их собственной работе; Когда межведомственные разногласия принимали исключительно острую форму, в дело вмешивался министр государственной безопасности, который лично приказывал своим подчиненным выполнить все без исключения просьбы ГУО и к тому же в наикратчайший срок — дней за десять, а то и менее того. Подчиняясь подобному распоряжению, жалобщики приостанавливали свою обычную работу до тех пор, пока Главное управление охраны не получало от них все то, что хотело.

* * *

Столь тщательное изучение степени благонадежности кандидатов не только сверх всякой меры загружало работой сотрудников отдела кадров, но и одновременно приводило к резкому сокращению списков потенциальных охранников. Было вполне обычным делом, когда в ходе проверки примерно пятисот претендентов кадровики Управления проводили беседы с более чем двумя тысячами граждан. Имея в своем распоряжении довольно объемистый список кандидатов, ГУО могло спокойно отбирать тех, кто отвечал всем предъявлявшимся «новобранцам» требованиям, хотя порою оказывалось и так, что выдержавших все проверки оставалось не так уж и много. В 1950 году, например, сотрудник отдела кадров предписал Свердловскому району Москвы одобрить только пять кандидатур из рекомендованного списка в двадцать человек. И в том же году в Коминтерновском районе столицы, где особенно много театров и различных государственных учреждений, доля нежелательных для ГУО «интеллигентов» в общей численности кандидатов оказалась столь велика, что в конечном итоге из двадцати граждан, включенных ранее в список, было одобрено лишь семь человек. В тех случаях, когда районные организации Москвы не могли по каким-либо причинам подобрать необходимое число претендентов для последующего отбора из них лиц, полностью соответствовавших требованиям Охраны, свободные вакансии заполнялись кандидатами из пригородных районов, в основном из тех, где были расположены небольшие фабрики и заводы. (В

этой связи нелишним было бы упомянуть об одном эпизоде из истории Охраны. Сразу же после окончания Великой Отечественной войны возникла острая нехватка допущенных к секретной работе кадров, необходимых для замещения уходивших на пенсию охранников. Абакумов разрешил эту проблему: перевел в «дворцовую гвардию» несколько сот человек из контрразведывательных служб наблюдения и транспортной охраны.)

В особо исключительных случаях, когда Москва с Подмосковьем оказывались не в состоянии подобрать достаточное число кандидатов для вербовки, Управление обращало свой взор на пограничные и внутренние войска, кремлевскую комендатуру и даже на республиканские и областные партийные и комсомольские организации. Оценка благонадежности служащих пограничных и внутренних войск и кремлевской комендатуры являлась сравнительно простым делом, поскольку все они уже проходили надлежащую проверку, проводившуюся их собственными ведомствами. Точно так же не столь уж трудно было проверить и кандидатов из других республик и областей, поскольку лица, возглавлявшие органы государственной безопасности в указанных административных единицах, почти всегда входили в состав высшего партийного руководства в соответствующей республике или области.

Однако имелась одна весьма сложная проблема, которая значительно затрудняла вербовку «рекрутов» в других республиках и областях и перевод в столицу сотрудников органов государственной безопасности, размещенных в отдаленных районах страны, а именно — нехватка жилья в Москве. В результате старались в первую очередь брать на работу в Охрану лишь холостых или тех, у кого были жены москвички, имевшие жилую площадь в столице. Одинокие мужчины, которым удавалось перебраться в Москву, неизбежно сталкивались с огромными трудностями, пытаясь обрести крышу над головой. Этим-то в основном и объясняется тот факт, что за редким исключением «личная гвардия» состояла преимущественно из москвичей, в то время как служившие в ней иногородние, которым посчастливилось жениться на москвичках, обеспеченных жилплощадью, составляли ничтожно малое число. И хотя данное обстоятельство упрощало для сотрудников отдела кадров проверку на благонадежность кандидатов в ГУО, дефицит жилья никак не мог содействовать повышению эффективности охранной службы. И все же, судя по всему, подобное положение вещей не заботило никого из властей ни в те годы, ни в предшествовавший период.

Особенно тщательной проверке подвергались те из кандидатов, кому предстояло стать телохранителями.

Что же касается потенциальных сотрудников с самым широким спектром занятий — техников, медицинского персонала, связистов, шоферов и слесарей, строительных рабочих и домашней прислуги, — то их проверяли уже не столь строго. Как правило, работников данной категории переводили или переманивали в Охрану из университетов, технических институтов и различных государственных учреждений, не подведомственных органам государственной безопасности.

* * *

Так же, как и в других военизированных организациях, при рассмотрении вопроса о приеме на работу того или иного человека сотрудники отдела кадров ГУО учитывали и столь важный фактор, как возраст кандидата. Большинство претендентов, которых в конце концов брали в Охрану, входили в возрастную группу от двадцати до тридцати лет. Это объяснялось в первую очередь тем, что основному контингенту сотрудников данного ведомства приходилось выполнять работу, требовавшую от человека исключительной физической выносливости. Например, многие из облаченных в милицейскую форму или одетых в гражданское платье охранников должны были в течение долгих часов и в любую погоду находиться на улице, стоя на отведенном для них месте или вышагивая по улицам и переулкам. Так, во всяком случае, складывалась судьба у сотрудников наружно-постовой службы, которые оказывались в плане карьеры в тупиковой ситуации, поскольку у них практически не имелось ни единого шанса продвинуться, и, как правило, самое большее, что ждало их впереди, так это уход в положенное время на пенсию, если их еще раньше не увольняли в связи с развившимся плоскостопием.

Поскольку, обладая хорошим здоровьем, человек, занимающийся подобным крайне изнурительным делом, должен был еще отличаться и исключительной дисциплинированностью, при подборе кадров именно на эту работу предпочтение отдавалось служащим вооруженных сил и резервистам, уже отслужившим трехлетний срок обязательной воинской повинности и расставшимся с армией. Высшая возрастная планка для кандидатов в сотрудники Охраны колебалась от двадцати лет, когда речь шла о тяжелом в физическом отношении труде, до тридцати пяти лет для тех, кто занимался сидячей работой.

Впрочем, имелись и исключения из этого правила. Такие специалисты, как строители, врачи, связисты и административные работники, могли быть взяты на работу и в сорок лет. Кроме того, врачей особо редких специальностей брали на службу и в возрасте до пятидесяти пяти, но такое случалось нечасто.

Образование было еще одним важным фактором, учитывавшимся кадровиками, имевшими собственное мнение на сей счет, расходившееся с общепринятой точкой зрения. Другими словами, кандидаты с высоким или сравнительно высоким уровнем образования, за исключением тех из них, кто обладал познаниями в ряде специальных областей, не очень-то устраивали сотрудников отдела кадров. Скорее всего, они опасались (и, вероятно, вполне обоснованно), что вся эта публика не очень-то склонна соблюдать строжайшую дисциплину и к тому же может взять да и отказаться выполнять «грязную» работу, которая могла бы выпасть на ее долю. Несомненно, образовательный уровень охранников повышался с течением времени, однако происходило это крайне и крайне медленно. Самое большее, что оканчивал обычно охранник, служивший в «дворцовой гвардии» накануне Великой Отечественной войны, так это семилетнюю школу. Однако ко времени учреждения ГУО положение изменилось: лица, не окончившие восьми или девяти классов школы, на работу не принимались. Но затем прогресс в этой области, по существу, приостановился по причине, ясно обозначенной в следующей фразе, оброненной заместителем Власика Горышевым: «Образование наших сотрудников не должно превышать десятилетки: образованный человек слишком много думает».

Тем не менее к 1950 году в ГУО произошло значительное расширение рядов сотрудников с высшим образованием, но служили они исключительно в оперативном отделе и других подразделениях Управления высокого ранга. Возможно, низкий образовательный уровень подавляющего большинства сотрудников охранного ведомства объяснялся в какой-то мере и тем обстоятельством, что начальник Управления Власик окончил только три класса начальной школы и лишь с трудом мог вывести на бумаге свое имя. Несмотря на то что в целом высшее руководство отрицательно относилось к «высокому уровню» образования, партком и комитет комсомола призывали охранников использовать свое свободное время для дальнейшей учебы. Но Власику подобные вещи не нравились. Если выяснялось, что кто-то из сотрудников посещал занятия на вечерних курсах при высших учебных заведениях, он говорил:

«Мы берем людей на работу с тем, чтобы они охраняли наших вождей, а не для того, чтобы повышать их образовательный уровень», или: «Мы не нуждаемся в гнилой интеллигенции». В то же время охранники получали образование иного типа, и к тому же в избытке. Ежедневно, повышая свой политический уровень, они изучали такие предметы, как история Коммунистической партии Советского Союза, биографии руководителей Советского государства или основы марксизма-ленинизма. Кроме того, их просвещали по ряду вопросов, входивших в тематику политической пропаганды. Занимались же с ними знавшие свое дело партийные активисты, а также профессора из Университета марксизма-ленинизма и других расположившихся в столице партийных институтов.

* * *

Отрицательно относясь к повышению образовательного уровня рядового состава, руководство ГУО обращало в то же время большое внимание на физическое состояние телохранителей. Кандидаты в сотрудники данного ведомства должны были обладать отменным здоровьем, которое позволило бы каждому из них служить в армии. Поэтому все они проходили в обязательном порядке центральную медицинскую комиссию органов государственной безопасности, которая и выдавала им справку о пригодности к воинской службе.

Обследование проходило довольно строго, поскольку комиссия заранее уведомлялась о том, что тот или иной кандидат является потенциальным сотрудником Управления. Требования, предъявлявшиеся к здоровью претендента, зависели от того, какого рода работа его ожидала (причем сам обследуемый не ведал, в которое из подразделений ГУО его определят): если человека предполагали взять на работу охранником, включить в состав одной из групп наблюдения или направить в наружно-постовую службу, то он должен был обладать отменным здоровьем, тогда как иного рода деятельность, к коей относились сидячая работа в оперативном отделе, административные или домашние для партийных бонз заботы, вождение машины, ремонт автомобилей, связь или медицина, никак не была связана с чрезмерными физическими нагрузками.

Зная все это, комиссия оценивала пригодность кандидата к соответствующим специальностям. Например, если кандидат из-за плохого зрения никак не подходил на роль шофера, то врачи могли рекомендовать использовать его как механика или

привлечь к какой-либо административно-хозяйственной работе. Если кто-то из-за плоскостопия был непригоден к наружно-постовой службе, то это вовсе не исключало того, что он может полноценно работать, сидя за письменным столом.

Само собой разумеется, комиссия не пропускала кандидатов с такими заболеваниями, как сифилис, туберкулез, шизофрения и нервные расстройства, или тех из них, кто перенес серьезную операцию.

Точно так же не могли рассчитывать на работу в спецслужбах и лица с такими физическими недостатками, как отсутствие того или иного органа, или с заразными болезнями, передававшимися в их семьях от поколения к поколению. Те, кто попадал в данную категорию, сразу же «заворачивались» без всякого дальнейшего обследования. Кандидаты с дефектами зрения, корректируемыми очками могли быть приняты на работу, но только не в качестве охранников.

Женщины, которых использовали только как технический, обслуживающий или хозяйственный персонал, подвергались при приеме на работу столь же серьезному медицинскому обследованию, как и мужчины.

После того как кандидат признавался физически пригодным к службе в ГУО, здоровье этого человека на протяжении дальнейшей его жизни вплоть до ухода на пенсию оказывалось в значительной степени в руках медицинской комиссии органов государственной безопасности, поскольку это она отправляла сотрудников Управления на курорты для отдыха или лечения, после болезни выписывала их из клиник, подведомственных органам государственной безопасности, и определяла пригодность или, наоборот, непригодность сотрудников к дальнейшему несению службы, если те получали огневые ранения или достигали пенсионного возраста.

* * *

Сколь бы курьезно ни выглядело все это, но факт остается фактом: Сталин, грузин, которому Ленин поручил однажды взять на себя заботу о проживавших на территории России национальных меньшинствах, имел явные предубеждения относительно национальной принадлежности своих телохранителей. Понятно, никаких письменных распоряжений такого рода не существовало. И тем не менее в соответствии со спущенными сверху хоть и неписаными, но обязательными для всех правилами при приеме на работу русским отдавалось явное

предпочтение.

Данная тенденция настолько усилилась со временем, что если в охранную службу и брали кого-то из представителей другой национальности, то только в порядке исключения.

В тридцатые годы в «дворцовой гвардии» насчитывалось немало украинцев, но после окончания Великой Отечественной войны картина резко изменилась. Причиной, по которой украинцев не включали в список кандидатов в сотрудники ГУО, послужило то обстоятельство, что их земля была оккупирована немцами. Дискриминация по отношению к ним проводилась столь жестко, что ее жертвами становились даже те граждане, которым во время немецкой оккупации было не более десяти лет. Из тех же точно соображений в охранную службу не брали и граждан из Прибалтийских республик — Эстонии, Латвии и Литвы, и это несмотря на то, что латыши охраняли некогда Ленина и до чисток были представлены и в «дворцовой гвардии».

Подобной же дискриминации подвергались также казахи, узбеки, туркмены, таджики и представители других национальных меньшинств, проживавших на территории советской Средней Азии. Когда было учреждено Главное управление охраны, Сталин сразу же распорядился, чтобы в нем не было ни одного грузина, поскольку опасался, что кто-то из них — пусть всего лишь один человек — мог оказаться ставленником Берии. В результате таких изустных предписаний в Управлении служили практически одни только русские, если не считать составлявших малочисленную группу украинцев, белорусов, армян, татар и мордвы, которых взяли туда, скорее всего, для проформы.

Однако наибольшей дискриминации подвергались все же евреи. До 1949 года в Охране их насчитывалось примерно полторы сотни. Но все они были в одночасье уволены, и после 1950 года действовало негласное правило, запрещавшее брать на работу евреев. Чтобы кадровики неукоснительно следовали этому правилу, согласно которому в списки кандидатов в сотрудники ГУО не должны были включаться евреи и представители других дискриминируемых национальностей, Горышев говаривал отделу кадров не раз: «Мы берем на работу каждого... — при этих словах он многозначительно улыбался, — в основном русских, чуточку украинцев и больше никого».

Несмотря на подобного рода высказывания Горышева, некоторые кадровики из-за давления, оказывавшегося на них высшими чинами, были склонны в нарушение неписаных правил рассматривать предложенные им кандидатуры евреев. Один из таких случаев связан с лейтенантом Шляпентохом. Его отец,

занимавший в Куйбышевской области ответственный партийный пост, отправил некогда своего отпрыска в школу государственной безопасности, которая находилась в Новосибирске. По окончании школы молодого человека направили в Москву, с тем чтобы его в конечном счете внедрили в какую-нибудь еврейскую общину на территории Украины. Отец же, возлагавший на сына слишком большие надежды и соответственно желавший для него нечто значительно большее, написал, не теряя времени, Абакумову, прося его взять юношу в Управление. Письмо, которое так и не поступило к Абакумову, было переслано одному из сотрудников отдела кадров. Тот, хотя и знал о предписаниях, дискриминировавших евреев, занялся рассмотрением просьбы отца, поскольку учитывал и положение, которое занимал автор письма, и тот факт, что послание было адресовано лично Абакумову. Месяца через два он подготовил все необходимые в подобных случаях бумаги и передал их на подпись заместителю министра государственной безопасности. Вместо того чтобы подписать документы, этот «достойнейший» человек обвел чернилами имя кандидата и отправил бумаги назад, в отдел кадров. Оттуда же личное дело лейтенанта поступило к Власику, который заключил в кружок слово «еврей» и обратился к Горышеву за разъяснениями. Заместитель Власика в свою очередь вызвал к себе всех сотрудников отдела кадров и затем спросил в наигранно-шутливой манере нарушившего негласную инструкцию кадровика, с чего это вдруг он стал рассматривать кандидатуру Шляпентоха. При упоминании фамилии этого еврея остальные сотрудники отдела кадров залились подобострастным смехом и с тех пор стали звать своего заблудшего коллегу не иначе как Шляпентохом. Не подозревавший, понятно, о существовании устных дискриминационных предписаний, молодой еврей потребовал, чтобы ему объяснили, на каком основании была отвергнута его кандидатура. Все, что он услышал в ответ, сводилось к тому, что в Управлении не оказалось свободных вакансий, которые устроили бы его. Кончилось же все тем, что незадачливый юноша получил назначение в Куйбышев, где ему была отведена роль снабженца в аппарате расположенной там службы государственной безопасности.

* * *

Кандидату в сотрудники Управления, успешно преодолевшему барьеры, связанные с национальной принадлежностью, физическим состоянием, образовательным

уровнем, местом проживания, социальным и политическим статусом, и степенью благонадежности, следовало, кроме того, отвечать многим политическим и социальным критериям, в том числе и неписаным. Несомненно, он должен был являться горячим сторонником строительства коммунизма, быть воспитан в духе марксизма-ленинизма, проявлять (по крайней мере внешне) надлежащую политическую активность и безграничную любовь к советскому руководству, то бишь к Сталину. Кроме того, претендент должен был родиться в Советском Союзе, принадлежать к наиболее многочисленной нации, быть выходцем из рабочей или крестьянской семьи и таким образом не иметь среди своих предков представителей интеллигенции и тем более «эксплуататорских» классов, ликвидированных Октябрьской революцией. О том, отвечает ли кандидат всем требованиям такого рода, становилось ясным из его ответов на вопросы, содержавшиеся в «анкете специального назначения».

Но это еще не все. Необходимо, чтобы его родители или близкие родственники не занимали высоких постов в партийных и государственных учреждениях и в вооруженных силах. Он и его родственники никогда не должны были состоять в какой-либо другой соперничавшей в прошлом с КПСС партии (особенно в подлинно социалистической) до революции и в первые годы Советской власти или в одной из зарубежных партий. (Отметим попутно, что предпочтение при рассмотрении кандидатур отдавалось членам коммунистической партии, комсомола и профсоюза, особенно тем из них, кто принимал активное участие в деятельности этих организаций.)

Кандидат не должен был также проживать никогда, даже в детстве, за пределами Советского Союза. (Детям советских дипломатов вежливо, но решительно отказывали в приеме на работу. Советские армейские офицеры, которые служили за рубежом, могли быть взяты в ГУО, но со многими ограничениями, главным из которых было то, что они никогда не становились телохранителями никого из советского руководства.) Для кандидата считалось также недопустимым, чтобы в годы Великой Отечественной войны он находился на оккупированной немцами территории, попадал в окружение или оказывался отрезанным немецкими войсками от своих.

Наконец, имелась еще одна вещь, казалось бы, малозначимая, но в действительности тоже принимавшаяся в расчет при решении судьбы кандидата, а именно время его вступления в партию или комсомол. Данный вопрос, естественно, имел значение лишь для определенной возрастной группы. Лица, принадлежавшие к ней, должны были вступить в партию или в

комсомол не позже 1943 года, поскольку кандидаты, сделавшие это потом, в лучшем случае рассматривались как «приспособленцы» и, как правило, подозревались, что в годы войны они придерживались прогерманских настроений.

Отделу кадров приходилось довольно часто иметь дело с кандидатами в сотрудники ГУО, которые становились жертвами того или иного неписаного правила, и он отлично знал, как управляться с ними. В 1949 году, например, районный комитет партии рекомендовал охранному ведомству взять на работу сына министра финансов. Но его кандидатуру, конечно же, отвергли. Однако отказ оформили как можно тактичней. Разузнав о характере кандидата все, что было нужно, кадровики поняли, что кандидат питает отвращение к тяжелой работе, и, воспользовавшись этим, сказали ему, что в соответствии с единственными имевшимися в то время свободными вакансиями им нужны лишь «обходчики» — милиционеры и облаченные в гражданское платье охранники, несущие службу на московских улицах. Это отпугнуло сына сановника. И Горышев, подчеркивая сей факт, сказал своим сотрудникам: «Нам не нужны маменькины сынки — отпрыски министров и генералов».

Ранее, сразу же после учреждения Управления, из-за тех же «критериев» попала в крайне тяжелое положение врач Д. После длительной и тщательно проведенной проверки ее наконец взяли на работу и в качестве дегустатора направили на дачу Сталина неподалеку от Сочи. В 1947 году, когда эту женщину взяли в ГУО, данные, которыми располагала военная контрразведка, еще не были систематизированы и изучены до конца (иначе говоря, к тому времени в центральную картотеку успели попасть далеко не все имевшиеся у спецслужб сведения о тысячах военных подразделений, расформированных после окончания войны). Поэтому только в 1948 году соответствующим органам стало известно, что подразделение, в котором служила врач Д., в 1941 году почти два месяца находилось в немецком окружении. Как только выяснилось данное обстоятельство, с ней повторно провели собеседование. Она сказала, что не упомянула об окружении потому, что рассматривала его лишь как один из эпизодов, которых немало случилось во время ее службы в Красной армии. При этом врач Д. подчеркнула, что в плену она не была. Но это не помогло. По обвинению в сокрытии фактов ее уволили из Управления и посоветовали перебраться на постоянное место жительства куда-нибудь в Сибирь или Казахстан, а затем исключили из партии. Кадровик, одоббивший кандидатуру врача Д., получил строгий выговор и был переведен на менее ответственный пост в органах государственной

безопасности.

Другой случай, свидетельствовавший о том, что документы военного времени далеко не сразу были приведены в порядок, связан с резервистом капитаном Б., который желал устроиться в Управление в качестве инструктора по физической подготовке. Во время рассмотрения его кандидатуры обнаружилось вдруг, что в годы Великой Отечественной войны он был приговорен к восьмилетнему тюремному заключению за дезертирство. И это все, о чем говорилось в бумагах, которыми располагали кадровики. Между тем тюремное заключение было заменено службой в штрафном батальоне в течение трех месяцев. А позже, ввиду проявленного им мужества на поле боя и отмеченных боевыми наградами ратных подвигов, совершенных этим человеком во время его пребывания в дисциплинарных подразделениях, с него сняли судимость. Впоследствии он вступил в партию и до того, как обратился в Управление, работал физруком в одном из московских вузов. Капитана Б. уже оформляли в штат ГУО, но, как только стало известно о его дезертирстве, ему было отказано. И это несмотря на многочисленные боевые заслуги капитана.

* * *

Случаи с врачом Д. и капитаном Б. были приведены здесь вовсе не для того, чтобы создать у читателя впечатление, будто бы чуть ли не все кандидаты в сотрудники ГУО пытались обманывать кадровиков или скрывать от них какие-то сведения. Они свидетельствуют лишь о том, что нередко причиной осложнений, возникавших у кандидатов, являлись война и связанная с ней неразбериха, невольными жертвами которой становились совершенно разные люди, даже не подозревая подчас об этом.

В подтверждение сказанного сошлюсь еще на один случай. У некоего кандидата имелось много родственников, один из которых нарушил какое-то то ли писаное, то ли неписаное правило и тем самым предрешил его судьбу, хотя сам кандидат так и не узнал о причине отказа в приеме на работу. Поскольку такие вещи происходили сплошь и рядом, кадровики, стремившиеся не только упростить свою работу, но и избежать возможных неприятностей, предпочитали иметь дело с людьми еще не женатыми и имевшими из родственников только родителей и брата или сестру. Ведь каждому понятно — чем многочисленнее родня, тем выше вероятность того, что кто-то из

родственников по каким-то причинам делает кандидатуру претендента (а у женатого человека таких шансов вдвое больше!) неприемлемой для Охраны.

Ежегодно, после того как группа кандидатов примерно из пятисот человек преодолевала последний отборочный барьер, личные дела большинства из них с самыми последними записями направлялись заместителю министра государственной безопасности для окончательного рассмотрения кандидатур и утверждения их. Однако в тех случаях, когда претенденту предстояло находиться в непосредственной близости к Сталину то ли в роли телохранителя, то ли как врач или просто прислуга, окончательное решение в отношении его должен был принимать сам министр государственной безопасности, что он и делал, но только после того, как обсуждал в деталях с Власиком и Поскребышевым предложенную ему кандидатуру.

Лица, которых брали в Охрану, не упускались сотрудниками отдела кадров из виду на протяжении всей их службы: наблюдение за ними не прекращалось практически никогда. Поскольку под вечным надзором, одной из целей которого была проверка благонадежности буквально всех без исключения, находились не только молодые, но и старые сотрудники Управления, связанная с этим работа превращалась в нудное, рутинное занятие. Чтобы облегчить участь кадровиков, каждый сотрудник Управления был обязан своевременно сообщать им обо всех изменениях в своем семейном положении, о судебных разбирательствах и даже о заболеваниях родственников. Все подобного рода сообщения подлежали проверке, и если в ходе ее обнаруживалось нечто, говорящее не в пользу сотрудника, ставился вопрос о его дальнейшей судьбе. Наименьшее наказание, которому подвергался тот, кто представил в отдел кадров неверные сведения о себе, заключалось в понижении в должности. К мерам, которые могли быть приняты в той же связи, относились также перевод сотрудника в другие органы государственной безопасности и даже увольнение его с «волчьим билетом».

«Волчий билет» — это образное понятие, означавшее по сути клеймо, которое ставилось на человека и сохранялось на нем в течение всей его последующей жизни. Помимо лиц, заподозренных в неблагонадежности, он «вручался» также и всем тем, кто совершил какой-то позорный поступок, потерял бдительность или просто выразил желание уйти из Управления, что воспринималось как самое настоящее преступление, поскольку «свидетельствовало» о том, что сотрудник не желает охранять «дорогого товарища Сталина».

Получение «волчьего билета» автоматически влекло за собой исключение из партии или комсомола и к тому же с самой отрицательной характеристикой. Об изгое немедленно сообщалось в Министерство государственной безопасности, вслед за чем в отдел «Т» поступало распоряжение держать его под наблюдением как «антисоветского элемента», возможно, с «террористическими наклонностями». Кроме того, этот отверженный заносился в черный список по месту прежней службы. Он не мог устроиться на работу ни в одном государственном учреждении или предприятии, поскольку с ним как «помеченным» органами попросту боялись иметь дело. Немалую роль в этом играло также то обстоятельство, что начальники отделов кадров во всех советских учреждениях и на производственных предприятиях были штатными или внештатными сотрудниками органов государственной безопасности.

Не выдержав подобных воистину невыносимых испытаний, многие из получивших от Управления «волчьи билеты» кончали жизнь самоубийством. Такие вещи происходили с бывшими сотрудниками и Охраны № 1, и Охраны № 2. От подобных ударов судьбы не был застрахован никто. В частности, в исключительно тяжелом положении оказались телохранители Кузнецова и Вознесенского, которым после ареста их хозяев предложили на выбор или работать охранниками в исправительно-трудовых лагерях в Сибири, или оказаться в числе уволенных с «волчьим билетом». Далеко не все согласились отправиться в Сибирь, судьба же тех, кто принял это предложение, сложилась по-разному: одни покорно тянули лямку, другие же вскоре свели счеты с жизнью. Однако большая часть самоубийств приходилась на другие подразделения Управления. Несомненно, причина этого кроется в том, что многие из их сотрудников, будучи людьми более образованными, осознавали в конце концов, на какого рода службу они поступили.

* * *

Что бы там ни было, основная масса «трудящихся», которых никто не принуждал поступать на работу в Управление, покорно несли свое бремя, занимаясь лишь порученным им делом и стараясь избегать неприятностей. Они несли дежурство на ночных московских улицах и на безлюдных дорогах, которые вели к дачам иерархов. Из года в год сидели за станковыми пулеметами, установленными в Нижних ярусах Мавзолея Ленина и

предназначавшимися для шествовавших по Красной площади «ликующих народных масс», воздерживались от спиртных напитков в рабочее время и никогда никому не говорили о том, чем они занимаются, в надежде отбарабанить двадцать пять лет и уйти спокойно на пенсию, равнявшуюся примерно восьмидесяти процентам от уровня их заработной платы.

Однако чаще всего случалось другое: их, со ссылкой на сфабрикованное врачами медицинское заключение, увольняли раньше срока (советское правительство не любило раздавать слишком много пенсий) и в лучшем случае пристраивали затем в одно из подразделений отдела снабжения, обслуживавшего членов Политбюро и их домочадцев, для которых всегда тут имелись охотничьи ружья, икра, телевизоры и прочие предметы потребления. Охранники не могли рассчитывать на сколь-либо значительное повышение в звании к тому времени, когда встанет вопрос об уходе на пенсию: лишь единицы из них дослуживались до майора.

Если охранник попадал в неприятную историю и, как следствие, оказывался уволенным еще до того, как отслужил положенный срок, он не мог надеяться на пересмотр дела: любое обращение в любые инстанции, как хорошо было известно всем, только ухудшило бы его положение. Тем не менее некий лейтенант Матвеев, уволенный из Охраны, пренебрег данным обстоятельством. Его беды начались после того, как было обнаружено спецслужбой, что его жена переписывается со своей тетушкой, проживающей в Бельгии. Данный факт послужил достаточным основанием для увольнения Матвеева, о чем ему прямо сказали.

В течение последующих двух месяцев он не только безуспешно пытался устроиться куда-нибудь на работу, но и постоянно обращался и в органы государственной безопасности, и к партийному руководству с заявлениями, в которых утверждал, что переписка его жены к нему лично не имеет никакого отношения. Однако все протесты, как и следовало ожидать, были проигнорированы.

Не зная, что делать, и находясь фактически на грани голодной смерти, он заявился в состоянии, близком к умопомешательству, в американское посольство и обратился к его сотрудникам с просьбой хоть о какой-нибудь помощи, если предоставить ему политическое убежище они не в их силах. Возможно, это был один из тех периодов, когда США из соображений высшей политики снова делали вид, что стоят за дружбу с Советами, хотя нельзя исключать и того, что официальные лица в посольстве вполне обоснованно

заподозрили, что обращение к ним сотрудника Охраны всего лишь игра. Как бы там ни обстояло в действительности дело, кончилось все тем, что посольство отказалось сделать что-либо для Матвеева и, по существу, выставило его на улицу. Поскольку служба наблюдения выследила лейтенанта, он сразу же, как только за ним захлопнулась дверь, был арестован, после чего, в крайне спешном порядке, его заключили в тюрьму на пять лет.

* * *

Другой случай увольнения сотрудника Управления из-за родственников был еще более трагичным, поскольку выставленный из Охраны человек во время поступления на службу, где его ждала рутинная «наружно-постовая» работа, ничего не знал о «преступлении» родственника, как, впрочем, об этом не было известно и тем из отдела кадров, кто изучал его личное дело и проверял кандидата на благонадежность. Впоследствии, однако, и офицер и, независимо от него, Управление обнаружили, что его сестра замужем за человеком, побывавшим в немецком плену. В результате, несмотря на то, что сам сотрудник Охраны отличился во время войны, «сокрытия сведений» ему не простили. (Как ни иронично это звучит, но если бы он сам рассказал обо всем сотрудникам отдела кадров, конечный итог для него был бы тот же самый.)

Оказавшись на улице, офицер пытался объяснить, как обстояло дело, и руководству службы безопасности, и партийным «боссам», однако это ему все равно ничего не дало. Когда же его сбережения подошли к концу, а жена должна была вот-вот родить, его охватило отчаяние. Не выдержав нервного напряжения, он ворвался в Московский горком партии, швырнул партбилет на стол и с вызовом спросил аппаратчиков, что скажут они на это. Представитель Комитета партийного контроля незамедлительно обратил внимание Горышева на поведение бывшего сотрудника Управления. Горышев тут же высказал мнение, что такие люди представляют собой реальную опасность для партии, и приказал установить за ним специальное наблюдение. После того как это было сделано, «хвосты» регулярно стали докладывать наверх о том, что их «объект» при каждом удобном случае говорит о якобы допущенной в отношении его несправедливости и рассказывает всем и каждому, что он выбросил свой партбилет.

Зная точно, что за ним наблюдают, бывший сотрудник Управления вырвал у женщины сумочку, после чего позволил схватить себя на месте преступления. Но совершил офицер

ограбление не ради денег, которые могли бы оказаться в сумочке и которые ему, несомненно,годились бы, воспользуйся он ими. Его целью было попасть в тюрьму или исправительно-трудовой лагерь не в качестве политзаключенного, а как обычный уголовник, который имел все основания надеяться на лучшее обращение с собой, чем «политический».

Все так и вышло, как он рассчитывал. За хищение сумочки его приговорили к трем годам лишения свободы. В общем, получалось так, что ему «припаяли» значительно меньший срок по сравнению с тем, который он мог бы получить за остальные свои «преступления».

Но хуже всего сложилась судьба у сотрудника, входившего в бригаду охранников, несших дежурство на одной из московских улиц, по которым проезжали иерархи. Однажды, когда группа машин с членами Политбюро мчалась в сопровождении приданного им Управлением эскорта через участок, за которым этот сотрудник надзирал, какой-то гражданин выскочил внезапно на проезжую часть и побежал. Его тотчас пристрелили, против сотрудника же было выдвинуто обвинение в грубейшем нарушении долга. В обвинительном заключении, конечно же, ни слова не было сказано об убитом мужчине, зато говорилось о том, что сотрудник, по существу, пренебрег своими обязанностями, позволив неизвестно кому сойти с тротуара на мостовую в самый что ни на есть ответственный момент. Не желая дожидаться неизбежного исхода этого дела, охранник покончил с собой.

* * *

Все без исключения подобные случаи фиксировались в отделе кадров. Там же хранились и личные дела сотрудников Управления. В этих персональных досье содержалось буквально все, что могло бы представить хоть какой-то интерес: подробные записи о приеме сотрудника на работу, о повышении или понижении в должности, о наградах, взысканиях, очередных отпусках и отпусках по болезни, а также сведения о его отставке и пенсионных правах. В каждом личном деле находились две фотографии паспортного размера: на одной сотрудник был снят в форме, на другой — в гражданском костюме. Всякий раз, когда происходило изменение в звании сотрудника, в досье добавлялись два новых фотоснимка.

Из чисто административно-организационных соображений отдел кадров был разбит на семь основных секторов. Первый, само собой разумеется, занимался Охраной № 1, второй и

седьмой, которые мало чем отличались один от другого, обслуживали Охрану № 2, в которой насчитывалось значительно больше различных подразделений, чем в Охране № 1. Третий был связан с кремлевской комендатурой, четвертый — с хозяйственно-управленческими службами ГУО, пятый — с Отделом регулирования уличного движения, чьи сотрудники дежурили на улицах столицы в милицейской форме.

Горышев, который исполнял одновременно обязанности и заместителя Власика, и начальника отдела кадров, возглавлял также особый, своего рода «секретный» сектор того же отдела — специальную инспекцию, прозванную сотрудниками Управления «черной камерой». Подобное неофициальное название она носила потому, что являлась элитным подразделением, которое занималось рассмотрением заведившихся на сотрудников дел, связанных с нарушениями долга и прочими провинностями, и представляла наверх рекомендации относительно мер наказания, если только не решала, что виновный должен предстать перед судом. Обычно стоило только «черной камере» заняться сотрудником, как его тотчас же высылали за пределы Москвы, увольняли из охранников или заключали в тюрьму. Однако сама по себе специальная инспекция не была всесильным органом: ее решения претворялись в жизнь лишь с санкции Власика и министра государственной безопасности.

Занятая обеспечением личной безопасности Сталина, она являлась элитным подразделением Управления. Данное обстоятельство не исключало того, что Охрана № 1 была в то же время самой малочисленной из основных спецслужб, бравших под свою защиту советское руководство. Однако эффективность этой организации определялась отнюдь не численностью ее личного состава, представленного практически лишь телохранителями диктатора и сравнительно небольшой группой телохранителей его сына и дочери: она всегда могла рассчитывать на поддержку со стороны Охраны № 2, других подразделений ГУО и Министерства государственной безопасности, которые готовы были в любой момент оказать ей содействие, в том числе и по части обеспечения всем, в чем возникала потребность. Необходимо также отметить, что, сколь бы ни была мала Охрана № 1, в ней насчитывалось раз в пять больше телохранителей, чем в командах, занимавшихся обеспечением личной безопасности других иерархов.

При выполнении своих служебных обязанностей телохранители Сталина, прямо скажем, не сталкивались с теми трудностями, которые приходилось преодолевать их коллегам из службы безопасности, охранявшим президентов США и лидеров других западных стран. Это объяснялось положением, которое занимал Грузин в обществе, свойствами его натуры и спецификой советского строя. Круг лиц, с которыми встречался Сталин, был крайне узок. Он мало с кем поддерживал личные, не связанные с его служебными обязанностями отношения и никогда не бывал на массовых митингах. Если он и появлялся на людях, то лишь на съездах партии (в период же с 1939-го по 1952 год имел место только один такой форум), на сессиях Верховного Совета и на ежегодных празднествах по случаю Первого мая и Седьмого ноября, проводившихся на Красной площади, причем на последних двух мероприятиях он присутствовал отнюдь не всегда.

Если смотреть на вещи трезво, то реально диктатора приходилось охранять только в Кремле или на одной из его подмосковных дач, а также во время его ежегодных поездок на юг, где он регулярно проводил свой отпуск. Сталин никогда не останавливался в таких общественных местах, как гостиницы. Никогда не участвовал в предвыборных кампаниях и таким образом избегал необходимости совершать неизбежные с ними поездки и встречаться с людьми. Никогда не бывал ни в церкви,

ни на каких бы то ни было спортивных мероприятиях. Никогда не навещал родственников (если не считать его престарелой матери, к которой он ездил в сопровождении надежной охраны) или друзей. Он не проводил пресс-конференций, не выступал по телевидению. Если и совершал прогулки, то лишь внутри Кремля или в лесу на одном из своих дачных участков. И даже его эпизодические появления на Красной площади ни в коей мере не были связаны с риском для жизни, чего не скажешь о церемониальных поездках лидеров западных стран, которые они совершали в открытых лимузинах, с трудом прокладывавших себе дорогу сквозь толпы людей.

Когда Сталин соизволял взирать на демонстрацию с трибуны на Мавзолее Ленина, то это ничем не угрожало ему. Да и как же иначе? Ведь каждый правофланговый в рядах, шествовавших мимо него, независимо от того, кто вышагивал в строю — рабочие ли, спортсмены, молодежь или военнослужащие, — был сотрудником органов государственной безопасности; на нижних ярусах Мавзолея, скрытые щитами, стояли, ошестившись стволами, станковые пулеметы, — помимо тех, что разместились на кремлевских стенах, а на крышах примыкавших к Красной площади строений и в самих зданиях находились снайперы. Кроме того, на трибуне рядом со Сталиным можно было видеть и его телохранителей, облаченных на этот раз в офицерскую форму, которых участники демонстрации принимали за обычных военных.

Точно так же диктатор мог чувствовать себя в полной безопасности и на фактически закрытых официальных мероприятиях. Даже в тех случаях, когда он должен был присутствовать на проходивших в Кремле съездах партии или сессиях Верховного Совета, здание, в котором они проводились, и прилегающие к нему строения осматривались самым тщательным образом, чтобы, даже проникнув в них за несколько часов или дней до открытия таких заседаний, никто не смог бы остаться там незамеченным. Проверив все до единого здания с подвалов и до крыш, охранники занимали свои места с таким расчетом, чтобы ничто не ускользало из их поля зрения.

* * *

Чтобы успешно справляться с возложенными на нее обязанностями, Охрана № 1 довела в одно время численность своего личного состава до четырехсот шести человек. Звания ее сотрудников варьировались от младшего лейтенанта до генерала,

причем большинство их составляли капитаны и майоры. Свыше двухсот офицеров были телохранителями в подлинном смысле этого слова. Остальные же работали в качестве шоферов, поваров, официанток, садовников, горничных, дворников, уборщиц и так далее, представляя собой таким образом ту категорию, которую можно отнести с полным правом к обслуживающему персоналу. Хотя все эти лица по характеру выполнявшихся ими функций никак не могли считаться охранниками, они тем не менее в дополнение к обычным своим обязанностям должны были быть также глазами и ушами спецслужб, обеспечивавших личную безопасность вождя. (Находившиеся в Москве дипломаты из стран свободного мира, расселявшиеся по квартирам в соответствии с правилами, установленными администрацией диктатора, и вынужденные довольствоваться домашней прислугой, которую им направляли государственные учреждения, находившиеся под контролем органов государственной безопасности, могут, основываясь на собственных наблюдениях, засвидетельствовать тот факт, что под видом обслуживающего персонала к ним приставлялись сотрудники спецслужб.)

Помимо лиц, которые изо дня в день находились непосредственно при Сталине и таким образом в первую очередь отвечали за его жизнь и здоровье, имелись, несомненно, и сотни других людей, также занимавшихся обеспечением безопасности вождя, к каковым относились гражданские лица, команды кинологов с собаками, служащие хозяйственно-снабженческих и административных отделов различных военных или военизированных организаций, сотрудники спецслужб и транспортные работники, обслуживавшие дачи генсека как в Подмоскowie, так и на юге, и следившие также за тем, чтобы во время поездок ничто ему не угрожало. Отметим попутно, что обеспечение безопасности вождя, когда тот выезжал куда-то, возлагалось на Охрану № 2 и некоторые другие подразделения ГУО и на органы государственной безопасности.

Столь же сложной была и управленческая структура Охраны № 1. Подлинным начальником ее, бесспорно, был сам Сталин, опиравшийся в случае чего на Поскребышева, своего главного помощника в данных делах. В непосредственном подчинении у Поскребышева находился Власик, номинальный глава Управления. Роль же подручного Власика во всем, что касалось Охраны № 1, исполнял полковник Раков, который, однако, сам ничего не мог предпринять без санкции Сталина и Поскребышева. Хотя Власик и возглавлял формально Главное управление охраны, фактически большую часть своего времени он проводил, когда не был пьян, в кабинете Поскребышева или в прихожей у

Сталина, что вошло у него в привычку еще до того, как Грузин присвоил себе диктаторские полномочия.

То обстоятельство, что Охрана №1 подразделялась на несколько команд (практически отделов или подразделов), в значительной мере объяснялось склонностью Сталина жить жизнью знатной особы, свидетельством чего могут служить находившиеся в полном его распоряжении несколько дач в одном только Подмосковье и с полдюжины их, расположенных на юге страны, в курортно-оздоровительных зонах. На каждой из таких его фактически усадеб имелся комендант с целым штатом прислуги, в обязанности которых входило поддерживать порядок на даче и следить за тем, чтобы диктатор и члены его семьи ни в чем не испытывали недостатка. Каждый комендант возглавлял самостоятельный, по существу, сектор и подчинялся непосредственно Ракову. Но ни один из комендантов не нес прямой ответственности за безопасность Сталина: за это отвечали телохранители из кремлевской резиденции вождя и его дачи в Кунцеве, которые повсюду сопровождали Хозяина, куда бы тот ни направлялся. Помимо упомянутых выше, имелись также и коменданты, отвечавшие за безопасность детей Сталина — Василия и Светланы. К обоим отпрыскам диктатора были приставлены их собственные телохранители, которых другие сотрудники Охраны называли между собой «подвесками» или «хвостами». Эти стражи с офицерскими званиями всегда находились при детях, причем в их обязанности входило не только охранять своих подопечных, но и составлять им компанию и в случае чего развлекать ребятишек. Кроме того, само собой разумеется, за Василием и Светланой приглядывали также их няни, домоправительницы и личная их прислуга, которые все как один являлись сотрудниками Охраны, получавшими весьма высокую зарплату и пользовавшимися к тому же еще и различными немалыми льготами.

Все эти усадьбы, обслуживавшиеся комендантами, охранниками и домашней прислугой, именовались государственными дачами и домами отдыха, хотя предназначались они исключительно для личного пользования одного лишь Сталина и членов его семьи. Расходы по содержанию дач в надлежащем порядке и на оплату обслуживающего персонала и различных хозяйственных нужд покрывались из фондов, находившихся в распоряжении Охраны. Некоторые из таких дач практически никогда не использовались Грузином, другие же он посещал самое большее раз в году, а в прочих принимал от случая к случаю своих ближайших сотрудников или известных советских писателей, артистов и ученых. Но

независимо от того, бывал ли Сталин на этих дачах или нет, обслуживающий персонал в своем полном составе должен был из года в год безотлучно, круглые сутки, находиться на них. Иногда в таких шикарных резиденциях вождь принимал важных иностранных персон. Так случилось, в частности, в 1949–1950 годах, тогда органы государственной безопасности установили около пятидесяти микрофонов на сталинской даче в Липках, в которой разместили гостей из «Красного Китая», — Мао Цзэдуна и сопровождавших его лиц из высшего руководства Китайской коммунистической партии.

* * *

Было в порядке вещей, что коменданты, назначавшиеся из числа сотрудников Охраны № 1, столь же часто сменялись, как и их начальники в Управлении и других органах государственной безопасности. Исключение составлял лишь Сергей Ефимов, бывший комендантом дачи, на которой обычно проживал со своей семьей Сталин. Он ухитрился дожить до того же примерно возраста, что и диктатор. После Великой Отечественной войны он получил генеральское звание, возглавил один из отделов Министерства государственной безопасности, ведавший вопросами, связанными с заработной платой и пенсионным обеспечением сотрудников, уходящих в отставку, и, имея в Москве собственную квартиру и дачу в окрестностях столицы, по уровню и образу жизни ничем не отличался от министров. Однако позже, когда в последний год жизни диктатора Берия вплотную занялся Охраной, Ефимов лишился прежнего благорасположения со стороны вождя. Дочь Сталина Светлана писала позже в данной связи: «Впав в немилость, он был буквально растерзан своими же сослуживцами — генералами и полковниками милиции, которые составляли весьма своеобразный „двор“ моего отца».

Из других не занимавших командных высот сотрудников Охраны № 1 очень близкими Сталину людьми являлись его шоферы. Всего их было пять: трое при нем и двое в резерве. Они имели звание майора или по крайней мере капитана. Им всем был установлен довольно высокий оклад — потому, вероятно, что Сталин понимал, что от них в большей степени, чем от других охранников, зависела жизнь и его самого, и членов его семьи. Старшие шоферы получали пять тысяч рублей в месяц. Кроме того, их, конечно же, обеспечивали формой, квартирой и питанием. Если суммировать все это, то окажется, что их

совокупный доход будет не ниже, чем у армейских генералов.

Относясь к высокооплачиваемой категории служащих, они в то же время не были перегружены работой. Сталин обычно совершал лишь две поездки в течение суток — от своей кунцевской дачи до Кремля и затем в обратном направлении. Например, после одиннадцати утра его везли в Кремль, а около шести вечера снова отвозили в Кунцево, чтобы он мог отдохнуть и пообедать, причем трапезничал вождь нередко в компании со своими ближайшими помощниками. Затем, примерно в одиннадцать ночи, а то и в полночь, он возвращался в Кремль, где работал часов до четырех утра, после чего его снова доставляли на дачу.

Хотя Сталин не менял своего привычного распорядка, он тем не менее требовал, чтобы у него всегда был под рукой водитель. В результате шоферы (по инструкции — двое), которые должны были обслуживать его в данную смену, проводили большую часть времени в ожидании, когда же наконец они станут нужны, тогда как остальные и вовсе сидели без дела, если не считать того, что просто ошивались возле дверей кремлевского кабинета Сталина или у парадного входа на кунцевской даче.

* * *

Как отмечалось ранее, Охрана № 1 была небольшой организацией главным образом потому, что она всегда могла обратиться за содействием по части материального обеспечения всех своих подразделений к многочисленной когорте служащих других государственных учреждений, выполнявших, по существу, роль вспомогательных служб.

Начнем с того, что непосредственно на Сталина работала огромная масса людей. На его дачах трудился специально выделенный для этого обслуживающий персонал, колхозники производили для его стола мясо и другую сельскохозяйственную продукцию, рабочие на одном из московских заводов создавали и поддерживали в надлежащем состоянии его личные машины, одни портные шили ему форменную и штатскую одежду, другие занимались одеждой для его отпрысков, столяры, плотники, электротехники, водопроводчики, каменщики, кровельщики и стекольщики поддерживали в порядке его дачи и в Подмоскovie, и на юге страны, специалист по табачным изделиям обеспечивал его табаком и курительными трубками, ювелир чистил время от времени его часы и следил за их ходом. Все эти люди значительно облегчали телохранителям выполнение своих

обязанностей по обеспечению безопасности вождя. Кроме того, практически в полном распоряжении Охраны № 1 находились контрразведывательные службы и все техническое оборудование, которым располагали органы государственной безопасности не только в Москве, но и на остальной территории Советского Союза. Вокруг Кремля и в других местах, где появлялся Сталин, оперативный отдел Управления разместил разветвленную сеть субагентов, которые поставляли «дворцовой гвардии» необходимую информацию. И конечно же, Охране № 1 оказывали также помощь облаченные в милицейскую форму сотрудники ГУО, несшие дежурство на всем протяжении пути от Кремля до Кунцева. Всякий раз, когда диктатор изъявлял желание совершить поездку по железной дороге, Охрана № 1 привлекала к своей работе по обеспечению безопасности Сталина и такие подразделения, как Управление железнодорожной охраны и транспортный отдел ГУО.

Содействие, которое получала Охрана № 1 во время железнодорожных поездок вождя, было столь велико, что в это трудно поверить. Как только становилось известно, что Сталин намеревается отправиться на юг, так тотчас же прекращались текущие занятия в различных школах внутренних, пограничных и прочих войск органов государственной безопасности. Примерно от двадцати пяти до тридцати тысяч молодых курсантов отрывались от своих дел, чтобы расположиться друг от друга в пределах видимости вдоль всей железнодорожной линии от Москвы до оздоровительной зоны на Кавказе или в Крыму, выбранной диктатором. Каждая железнодорожная стрелка заранее крепко-накрепко запиралась и, пока Сталин не проезжал мимо нее, находилась под строгой охраной, так же, как и любое разветвление и станции, мимо которых пролегал его маршрут. При приближении поезда со Сталиным все остальные составы, как пассажирские, так и товарные, отводились на запасные пути.

Для подобных, отнюдь не деловых поездок Грузина требовалось одновременно три полностью оборудованных поезда. Первый — головной — занимали министр железнодорожного транспорта, техники и механики и группа в несколько человек из «личной гвардии» Сталина. За первым следовал основной поезд, в котором ехали Сталин, Власик, министр государственной безопасности, охранники и прислуга из Охраны № 1. В третьем, хвостовом поезде, замыкавшем «кавалькаду», размещались основной состав «личной гвардии», обычная и железнодорожная милиция и сотни субагентов в гражданском платье — последние для того, чтобы перекрыть все подходы к южной резиденции Сталина. По прибытии поездов в пункт назначения

сопровождая вождя милиция замещала местных стражей правопорядка и брала под свой контроль дорожное движение, которое, впрочем, не отличалось в тех краях особой интенсивностью, поскольку автотранспорт, двигавшийся по тамошним дорогам, был представлен в основном одиночными грузовиками и совхозными или колхозными тракторами.

* * *

Столь же тщательно разработанной, хотя, ввиду значительно более коротких расстояний, и не столь грандиозной по своим масштабам, была и система обеспечения безопасности вождя во время его ежедневных поездок между Кремлем и Кунцевом. Охрана № 1 и в данном случае прибегала к помощи других ведомств. Вдоль обычного маршрута Сталина, который, начинаясь от Троицких ворот Кремля, проходил по проспекту Калинина (ныне — Новый Арбат), Кутузовскому проспекту — уже по ту сторону Москвы-реки и далее по личной, полностью закрытой для посторонних дороге, которая вела к так называемой ближней даче Сталина, дежурило, как правило, не менее полутора тысяч человек: охранников в штатском и милиционеров.

Когда Сталин выезжал из Кремля или, наоборот, возвращался туда из Кунцева, милиционерам (из сотрудников Охраны), которые, находясь в будках, с помощью светофоров регулировали дорожное движение на улицах, лежавших на пути следования диктатора, подавался вспышкой специальный сигнал. Все фонари моментально переключались на желтый свет, который горел до тех пор, пока машина вождя не проезжала мимо. В том же случае, если сигнал по какой-то причине не поступил в будку регулировщика движения, автомобиль со Сталиным и машины из эскорта давали гудок, какой могли издавать только они, поскольку подобного типа клаксонов больше не было ни у кого, и милиционер зажигал желтый свет.

Во время поездок Сталина в автомобиле также использовались всегда три машины — головная, основная и хвостовая. В головной сидели, как правило, заместитель начальника «личной гвардии» и несколько других сотрудников Охраны № 1. В основной машине на заднем сиденье располагался Сталин, место же рядом с водителем занимал Власик, Раков или кто-то еще из руководства ГУО. В третьей машине ехали сотрудники Охраны № 1, вооруженные пистолетами и пулеметами-автоматами, и запасной водитель для машины Сталина.

Поскольку все передвижения Сталина в пределах городской черты держались под строгим секретом, единственными признаками, по которым рядовые граждане узнавали о приближении кортежа диктатора, являлись внезапное включение желтого света на светофорах, установленных на перекрестках, скрип шин мчавшихся на бешеной скорости автомобилей да рев сверхмощных двигателей. Ехавший в хвостовой машине охранник из «личной гвардии» обрушивался с бранью на людей, которые, как казалось ему, слишком близко подошли к автоколонне, и даже плевал им в лицо.

Те же, в кого плевали, могли с полным на то основанием считать, что им здорово повезло: как-никак они не попали под колеса «ЗИСов», которые ни при каких обстоятельствах не останавливались в пути. Сидевшие в тех машинах не испытывали ни малейшего волнения, если искалечили кого-то или раздавили насмерть. Ярким примером бездушия этих людей может служить один случай, когда пешеход был задавлен сталинской автоколонной, а дежуривший в штатском охранник, который отвечал за соответствующий участок дороги, покончил с собой. Тело несчастного пешехода сразу же, как только машины исчезли вдали, было отправлено в морг другими сотрудниками Охраны, несшими свою «вахту» на этой же улице. И, что также ужасно, никто даже не попытался узнать, кто же был погибший, и известить о смерти этого человека его родственников.

Примерно в то же время произошел еще один случай, но на этот раз жертвами стали уже четыре армейских офицера. Вероятно, находясь в состоянии легкого опьянения, они вывели свой армейский джип на один из перекрестков на проспекте Калинина, несмотря на то, что горел желтый свет. Реакция сотрудников Охраны в хвостовой машине сталинской автоколонны была мгновенной: на злополучный автомобиль обрушился ливень пулеметных пуль, тотчас же сразивших всех четверых военных. Кортеж верховного иерарха, само собой разумеется, спокойно продолжил свой путь, а по прошествии всего лишь каких-то пяти минут на месте трагедии уже не было ни тел погибших, ни изрешеченного свинцовым дождем джипа.

Вероятно, к счастью для граждан, пользовавшихся услугами авиатранспорта или беззаботно разгуливавших по земле непосредственно под воздушными трассами, Сталин почти никогда не летал на самолетах. В конце тридцатых годов ЦК КПСС издал специальное распоряжение, запрещавшее Генеральному секретарю товарищу Сталину летать на самолетах из соображений безопасности. Однако, согласно имеющимся сведениям, реальной причиной данного постановления был

попросту панический страх, который диктатор, бывший некогда грузинским крестьянином, испытывал, подобно любому крестьянину, перед самолетами. Единственный случай, когда он нарушил запрет, был связан с его полетом из Баку в Тегеран для участия в работе конференции руководителей трех союзных во Второй мировой войне держав и возвращением оттуда на родину. Насколько известно, тогда в воздухе рядом не оказалось никаких других самолетов, как не обнаружилось и посторонних людей возле самолета вождя, так что в тот раз все обошлось без крови: бдительным охранникам просто не в кого было стрелять.

* * *

Ввиду занимавшегося ими привилегированного положения, а также благодаря невмешательству Сталина в дела подобного рода и фактическому попустительству со стороны Поскребышева и Власика, на охранников из «личной гвардии» не распространялись, по существу, строгие правила поведения в общественных местах, установленные как для остальных сотрудников Охраны, так и для личного состава органов государственной безопасности. Довольно высокий статус, которым они обладали, позволял им практически безнаказанно творить все, что хотелось. В результате обычным делом для них, как и для опричников Ивана Грозного, были публичные ссоры, уличные драки, пьянство, сквернословие и вообще все то, что никак не красит человека.

Типичный при данных обстоятельствах случай произошел летом 1950 года в Сочи, когда несколько охранников из «личной гвардии» «расслаблялись» после, прямо скажем, своих не столь уж тяжелых обязанностей. Прогуливаясь по городскому рынку после изрядных возлияний, эти представители «образцовой» кремлевской стражи, решив поразвлечься, начали приставать к женщинам, торговавшим овощами и фруктами. Один из местных жителей, не оценив реальной обстановки, попытался вступить за них, но тут же был убит ударом в шею неким Колбасиным, звероподобным охранником ростом один метр девяносто пять сантиметров и с лапами, как у медведя. Инцидент должен был «расследовать» Власик. Выслушав версию Колбасина, начальник Управления сказал охраннику, что за такие вещи положена высшая мера наказания — смертная казнь, и затем добавил: «Но ты прикончил его с одного удара. И это неплохо: Нам и нужны вот такие люди, умело пускающие в ход кулаки».

Двумя годами раньше в окрестностях того же Сочи попойка с

участием опять-таки сотрудников Охраны привела к бессмысленной и также оставшейся безнаказанной гибели четырех офицеров из «личной гвардии», ну а то, что при этом не пострадало безвинно ни одно гражданское лицо, было лишь счастливой случайностью. Началось все с того, что начальник агентов, в чьи обязанности входило дежурить, переодевшись в гражданское платье, на улицах, и начальник транспортного подразделения в сопровождении других охранников заявили в ресторан на вершине горы отметить день рождения одного из друзей. Устроив пирушку, они, несомненно, не рассчитали своих возможностей и выпили больше, чем надо. В результате никто не стал отговаривать начальника транспортного подразделения от его решения самому усесться за руль на обратном пути. Ведя машину на огромной скорости, он, как и следовало ожидать, не сумел справиться с крутым поворотом, и машина свалилась в ущелье. Начальник дежуривших на улицах агентов, двое других офицеров и шофер разбились насмерть, и только пьяный водитель, начальник транспортного подразделения, остался в живых. Когда врачи поставили его более или менее на ноги, то он был обвинен в преступной небрежности и в вождении машины в пьяном виде, и Сталин лично распорядился отправить его в тюрьму. Но, поскольку начальник транспортного подразделения являлся закадычным другом Власика, этот приговор так и не был приведен в исполнение.

Сталин, по-видимому, не стал в данном случае заострять внимание на непослушании Власика, поскольку аналогичные проблемы с пьянством возникали всякий раз, когда он принимал у себя на даче своих ближайших соратников. В те дни, когда в резиденции диктатора проводились подобные «мероприятия», территорию вокруг дачи буквально наводняли телохранители, патрулировавшие с автоматами в руках армейские офицеры, команды кинологов с собаками, усиленные наряды переодетых в гражданское платье агентов и сотрудники Охраны № 2, сопровождавшие своих хозяев. Зная сам меру, Сталин любил наблюдать, как его прихвостни, упившись до чертиков, начинали дурачиться. Большинство таких вечеров кончалось обычно тем, что телохранители буквально вытаскивали из-за столов своих хозяев и, впихнув кое-как их в машины, развозили затем по домам.

* * *

Хотя многие из сотрудников Охраны № 1 вели себя в

свободное от работы время крайне непристойно, отбор кандидатов в телохранители Сталина производился исключительно тщательно и значительно более осторожно, чем кандидатов в другие категории сотрудников Управления. Как правило, после дополнительной серьезнейшей проверки телохранителями Сталина становились в конечном итоге сотрудники других подразделений ГУО. Прежде чем перевести офицеров в Охрану № 1, где им предстояло находиться, в непосредственной близости к Сталину, за ними, даже если они выполняли обязанности официанток, устанавливалось на срок от трех до пяти лет наблюдение, как в рабочие часы, так и во внеслужбное время. Кроме того, даже с честью выдержав эту проверку, они, за редким исключением, должны были также пройти собеседование с Власиком и, в особо важных случаях, с Поскребышевым. Далее кандидаты снова попадали под наблюдение, длившееся на этот раз несколько недель, и только после этого принималось окончательное решение. За всеми без исключения охранниками, включенными в состав «дворцовой гвардии» Сталина, периодически, каждые три месяца, устанавливалось наблюдение длительностью от нескольких дней до недели. Наиболее внимательно надзирали за охранниками во время отпуска, особенно если они проводили его за пределами Москвы.

Одним из ярких примеров перестраховки, имевшей место при отборе телохранителей Сталина, может служить случай с лейтенантом Л., дежурившим на Арбате агентом в штатском. После того как он стал кандидатом в сотрудники Охраны № 1, лейтенант был поставлен под круглосуточное наблюдение как на работе, так и вне ее. По службе у него все было в полном порядке, собеседование также прошло как нельзя лучше, проверка его жены, тещи и соседей не выявила ничего, что могло бы характеризовать кандидата с отрицательной стороны. И все же в конечном итоге ему поставили оценку со знаком минус — за не приносившую никому никакого вреда его «слабость», которую он проявлял по окончании рабочего дня. «Слабость» же эта выражалась в следующем. Он жил под Москвой и обычно ездил на работу и с работы на пригородном поезде. Сотрудники Службы наблюдения заметили, что, возвращаясь домой, он неизменно заходил в привокзальный буфет и «опрокидывал» стопку водки, запивая ее томатным соком или закусывая соленым огурцом. Остальных посетителей данного заведения, таких же пассажиров, как и их «подопечный», агенты не знали. Составляя свои рапорты о результатах наблюдения за лейтенантом Л., «хвосты» добросовестно отмечали, что выпивал он в станционном буфете

только одну стопку, но затем добавляли, что при этом их «объект» «находился в обществе сомнительных, вызывающих подозрение личностей». Одного этого факта оказалось достаточно, чтобы лишить молодого человека каких бы то ни было шансов перейти в «дворцовую гвардию» Сталина. Ему разрешили, однако, по-прежнему дежурить на Арбате, но предупредили, чтобы впредь он и близко не подходил к станционному буфету.

Другой такой же точно облаченный в штатское агент из Охраны № 2, который являлся, даже не подозревая об этом, одним из кандидатов в сотрудники «личной гвардии» Сталина, не был взят туда лишь потому, что его судьба оказалась в руках людей, достойных того, чтобы отнести их к психопатам. У этого невезучего парня имелись блестящие, безупречные характеристики, составленные на него не только в Охране № 2, но и в кремлевской комендатуре, где он ранее служил. Кроме того, кандидат сам, лично, доложил добросовестно в отдел кадров о своем «проступке», из-за которого его кандидатура в охранники «дворцовой гвардии» и была тотчас же решительно и бесповоротно отвергнута. Его злоключение началось во время одного из дежурств неподалеку от Крымского моста. Юная девушка, явно не пользовавшаяся особым успехом у ровесников, наблюдала от нечего делать из окна своей квартиры в близлежащем доме за этим охранником, который вышагивал взад-вперед по вверенному ему участку. Когда же он проходил мимо ее окна, она махала ему рукой, пока, наконец, парень не ответил ей тем же. Обрадовавшись оказанному знаку внимания, девушка тут же написала ему записку с предложением встретиться в метро и попросила своего младшего брата передать ее по назначению.

По окончании смены агент проинформировал свое начальство об инциденте — единственном происшествии за весь рабочий день, рутинный и безрадостный, — и отдал ему записку. Его начальники, отлично зная о том, что кандидатура их подчиненного как потенциального служащего «личной гвардии» рассматривается в данное время в верхах, раздули из мухи слона и завели целое дело. За квартирой девушки было установлено наблюдение, а юному офицеру приказали дать положительный ответ на ее записку. Когда мечтавшая о любви девушка явилась на место встречи, понравившегося ей парня там не оказалось, но зато находились облаченные в милицейскую форму сотрудники Управления, которые и арестовали ее. Во время допроса, длившегося довольно долго, девушка сказала, что она испытывала исключительно дружеские чувства по отношению к молодому человеку и, кроме того, сочувствовала ему, наблюдая,

как он патрулировал по своему участку в любую погоду.

Поскольку все, что говорила девушка, не давало оснований подозревать ее во лжи, а проводившееся в связи с инцидентом расследование не выявило ничего предосудительного относительно семьи и знакомых задержанной, ей сообщили, что агент свяжется с ней, если захочет, и предупредили, чтобы впредь она не писала ему никаких записок. После этого сотрудник Охраны № 2, вновь действуя по указанию сверху, позвонил девушке и сказал, что об их дружбе не может быть и речи, поскольку он женат. Что же касается дальнейшей судьбы молодого человека, то, несмотря на все положительные отзывы о нем и то обстоятельство, что он сам уведомил обо всем отдел кадров, его кандидатура, как уже говорилось выше, была в конечном итоге отвергнута, а парня на всякий случай перевели на другой участок.

Но данная история имела продолжение и для девушки. Допрашивавшие ее следователи пришли в ходе беседы с ней к заключению, что по натуре она человек исключительно общительный, не прочь сунуть нос в чужие дела и если и страдает из-за чего-то, так только из-за неудовлетворенной жажды любви. Ознакомившись с ее данными, оперативный отдел завербовал девушку в качестве осведомителя, или негласного агента, с тем чтобы она шпионила за своими соседями.

* * *

Однако, пожалуй, наиболее строгий отбор проходили все же не кандидаты в сотрудники «личной гвардии», а лица, которым предстояло трудиться в составе обслуживающего персонала на дачах Сталина. Об этом можно судить хотя бы на примере Зины, работавшей официанткой в одном из государственных ресторанов в Москве, когда она попала в поле зрения спецслужб, занимавшихся подбором кадров для Охраны. Выбор пал на нее потому, что она отличалась уравновешенным характером, вела себя вежливо по отношению к клиентам, не была ни уродиной, ни красавицей, проживала в небольшой московской квартире вместе со своей вдовствующей матерью (ее отец погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны) и, что самое главное, у нее не оказалось ни братьев, ни сестер, ни других каких-либо родственников. Девушка имела также блестящую рекомендацию от райкома комсомола, и, кроме того, ее кандидатура была поддержана двумя членами партии.

Во время первой официальной встречи с Зиной сотрудники

спецслужб сообщили, что ее решили взять на работу в органы государственной безопасности. Однако данное известие не произвело на нее особого впечатления, поскольку она не желала менять своих жизненных планов, в которые входила и учеба в вечерней школе. Но как только ей сказали, что ее зарплата будет в три раза превышать ту сумму, которую она получает сейчас, отношение Зины к сделанному предложению тотчас же изменилось, поскольку она нуждалась в деньгах, чтобы хоть как-то помочь своей матери, обладавшей слабым здоровьем. Первые два года она проработала официанткой в ресторане для сотрудников Охраны, находясь все это время под постоянным наблюдением. Когда же сочли, что она вполне подходит для Охраны № 1, Зине сказали, что ее должны перевести в одно место за пределами столицы. (Тому, кого предполагали включить в персонал, обслуживавший дачи Сталина, никогда не сообщали до самого последнего момента, где именно расположено место их будущей работы или чем предстоит им там заниматься.) Услышав это, она опять ответила отказом, ссылаясь на то, что не может оставить свою больную мать одну и, кроме того, хотела бы окончить спокойно вечернюю школу, в которой училась. Но в конце концов она согласилась после того, как ее заверили, что размер заработной платы возрастет в два раза по сравнению с нынешним уровнем и что ей предоставят машину с шофером, который будет привозить Зину на работу и отвозить домой, к матери и в школу.

Вскоре после того, как она начала работать в качестве прислуги на одной из подмосковных дач Сталина, она влюбилась в сотрудника Охраны, чья служба протекала не на дачном участке, а на прилегавшей к нему территории, и вышла за него замуж. Из-за женитьбы этого сотрудника, хотя он и не входил в личную охрану Сталина и никогда не оказывался в непосредственной близости к диктатору, перевели куда-то в другое место и на другую охранную службу, поскольку, согласно правилу, близким родственникам — мужьям и женам, братьям и сестрам, отцам и сыновьям — не разрешалось работать в одном и том же подразделении Охраны или в одном и том же месте. Когда же Зина попросила, чтобы и ее перевели на новое место службы мужа, то ей было отказано, и не только в силу вышеупомянутого правила или на том основании, что она работает как-никак у самого Сталина, но и потому, что просто не могли ей найти подходящую замену. Зину предупредили также, чтобы она как можно дольше избегала заводить детей. В случае же, если она забеременеет, ей в дальнейшем запретят работать в доме вождя и что ее или вовсе уволят из Охраны, или переведут в какое-нибудь

другое место, но только не туда, где работает ее муж.

Заметим в связи с этим, что женщинам из обслуживающего персонала Охраны разрешалось возвращаться на работу в резиденцию Сталина по окончании декретного отпуска только в особых, исключительных случаях. Эти исключения распространялись лишь на действительно незаменимых людей или тех, по отношению к которым диктатор испытывал личные симпатии.

* * *

Хотя, как и в случае с Зиной, подавляющее большинство сотрудников сталинской охраны сперва проходили своего рода испытательный срок в одном из других подразделений Управления и только затем переводились в Охрану № 1, имелись определенные группы охранников, из которых никого ни при каких обстоятельствах не брали в «личную гвардию». Это касалось, в частности, телохранителей других иерархов, поскольку имела реальная опасность того, что они и после перехода на новую работу могли сохранить верность своим «хозяевам» — потенциальным соперникам Грузина — или просто установить с ними близкие, дружеские отношения. Так, например, если тот или иной офицер был телохранителем Молотова, то его кандидатура даже не рассматривалась, когда речь заходила о новом пополнении в «личную гвардию» Сталина.

Исключение сотрудника Охраны № 1 из состава «личной гвардии» ставило его в положение не только довольно неприятное, но и весьма опасное. За небольшой проступок или недостойное поведение охранника переводили в хозяйственно-снабженческое подразделение Охраны или в московскую милицию. Если же, однако, он обвинялся в потере бдительности или в более серьезных вещах, а то и просто попадал под подозрение, его отправляли в провинцию, где он, находясь под постоянным надзором, мог служить в одном из органов государственной безопасности или в милиции. Каждый, кто подвергался подобному роду наказания, независимо от характера его провинности, заносился в черный список, который направлялся в отдел «Т» Министерства государственной безопасности, а тот в свою очередь должен был организовать непрерывное наблюдение за оступившимся человеком. Кроме того, уволенным из «личной гвардии» запрещалось посещать место своей прежней работы или поддерживать отношения с бывшими сослуживцами. Нарушение последнего запрета, даже

если оно происходило случайно, влекло за собой интенсивный допрос провинившегося и, в отдельных случаях, даже его арест.

У сотрудников Охраны № 1, которым довелось стать телохранителями Сталина, была примерно та же незавидная судьба, как и у личных шоферов диктатора: повседневная рутинная служба с бесконечным сидением без дела в ожидании, когда же наконец соизволит вождь вспомнить о них. Однако было бы неверно утверждать, будто они находились в худшем положении, чем иерархи при «дворе» Сталина. Никто из членов Политбюро не смел покинуть своего кабинета, пока Сталин, у которого давно уже вошло в привычку работать не только в послеобеденное время, но и по ночам, находился в Кремле. Точно так же должны были поступать и министры, начальники отделов, старшие сотрудники и, наконец, рядовые служащие, занимавшие низшую ступень иерархической лестницы. Телохранители «младших» иерархов, которые, преисполнившись чувством долга, следовали во всем примеру начальства, не составляли в этом отношении исключения. Однако у личных охранников диктатора дежурство не растягивалось до бесконечности, поскольку рабочий день у данной категории сотрудников ГУО был ограничен восемью часами, как, скажем, у тех же водителей. Что же касается остальных охранников, то заставлять их просиживать впустую долгими часами не имело никакого смысла. И тем не менее все обстояло именно так.

Отбывая нудную, нескончаемую, как казалось им, повинность, одни просто сидели, уставившись тупо в стены, другие же в это время читали, играли в шахматы или обменивались анекдотами. И все же рано или поздно конец наступал. Большинство младших офицерских чинов покидали дежурное помещение вскоре после полуночи, остальные, а также старшие по должности офицеры — примерно в три утра, в то время как Власик и его заместители оставались сидеть в ожидании, когда же Сталин отправится наконец к себе в Кунцево (а это случалось обычно часа в четыре утра), и только после отъезда вождя расходились по домам или позволяли себе предаться привычным для них занятиям, среди коих первенство держали пьяные дебоши.

Единственные просветы в скучной, монотонной и пустой в целом жизни сотрудников Охраны № 1, занимавшихся сидячей работой, наступали только тогда, когда диктатор отправлялся отдыхать куда-нибудь к Черному морю. Оставшиеся в Москве офицеры впервые за долгое время получали возможность по-настоящему насладиться жизнью: ведь теперь они могли покидать свои кабинеты еще до полуночи. Для телохранителей, которые

сопровождали Сталина сохранялась, однако, все та же рутина, если не считать, конечно, того, что на юге им не всегда приходилось дежурить до бесконечности долго, как во время пребывания Грузина в Кремле.

Охрана № 2 по численности личного состава была значительно более крупной организацией, чем элитная «личная гвардия». Она также имела в своих рядах телохранителей — около тысячи человек, занимавшихся обеспечением безопасности советских руководителей, находившихся в непосредственном подчинении Сталина. И это не считая контингента охранников при партийных и государственных учреждениях. Однако основной состав ее сотрудников был представлен все же солдатами, выполнявшими при «дворцовой гвардии» роль вспомогательной силы, и значительно более многочисленным обслуживающим персоналом, трудившимся в резиденциях «младших» иерархов.

В структурном отношении Охрана № 2 формально состояла из четырех отделов, а фактически — из двух пар взаимно дополнявших друг друга подразделений. Первый отдел обеспечивал телохранителями «младших» иерархов и прочих партийных сановников, которых, как считалось, следовало защищать, хотя, если называть вещи своими именами, в данном случае речь шла вовсе не о защите этих людей, а о наблюдении за ними. Третий отдел также имел в своем составе охранников, которые должны были присматривать за партийными и государственными учреждениями и, конечно же, заботиться о личной безопасности их высшего начальства. Во втором отделе насчитывалось примерно две тысячи агентов в штатском, дежуривших на московских улицах, — в первую очередь на тех из них, по которым чаще всего проезжали Сталин и его приближенные. Четвертый отдел, численность личного состава которого достигала одно время около трех тысяч человек, имел в своих рядах служивших в Москве милиционеров (на самом деле сотрудников Охраны), которые, поддерживая порядок в столице, работали в тесном контакте с агентами в штатском из второго отдела.

За пятилетний период истории Управления на посту начальника Охраны № 2 побывало два человека. Оба они были генерал-майорами, и каждый из них плохо кончил. Первым занял эту должность Дмитрий Шадрин, прослуживший уже немало лет в органах государственной безопасности. Когда в конце Второй мировой войны ему поручили создать специальную службу телохранителей для Тито, то он столь успешно справился с данным заданием, что после разрыва Сталиным отношений с югославским «отступником» в 1948 году советским агентам так и не удалось, несмотря на все их старания, внедриться в эту

организацию, охранявшую общепризнанного балканского лидера. За проявленное им чрезмерное усердие Шадрин был обвинен в «титоизме», лишился своей дачи, построенной на деньги Тито неподалеку от Москвы, и затем, с трудом сохранив жизнь, отправился в ссылку в провинцию. Кузьмичев, закадычный друг Берии, возглавивший после Шадрина Управление, после падения своего приятеля был объявлен преступником и вскоре казнен.

Первый отдел подразделялся на сектора, представленные самостоятельными командами телохранителей, обеспечивавшими безопасность «младших» иерархов. Хотя звания начальников секторов колебались от старшего лейтенанта до генерала, в большинстве случаев эти посты занимали все же генералы или полковники. Обычно, но не всегда, возглавляли телохранителей более старых членов Политбюро старшие офицеры. Например, начальником охранников Кагановича был генерал, Молотова — сперва генерал, а затем полковник, Берии и Хрущева — полковники. Генерал, который стоял во главе телохранителей Молотова, в течение нескольких лет занимал также пост заместителя начальника первого отдела. Численность сотрудников Охраны № 2, выделявшихся иерархам, отражала их статус в сложившейся в стране общественно-политической обстановке. К Молотову, к примеру, было приставлено примерно сто двадцать человек, к Берии — около ста, к Булганину, Маленкову и Хрущеву — от семидесяти пяти до ста, — и это в то время, когда у маршала Жукова их насчитывалось неполных два десятка, а у Абакумова — и того меньше, всего лишь какая-то дюжина.

Точно так же и число телохранителей, обеспечивавших личную безопасность «младших» иерархов, которые находились в действительности не только под защитой, но и под наблюдением приставленных к ним лиц, варьировалось в зависимости от положения, занимавшегося этими сановниками в социальной структуре общества. Те, кто находился выше, имели около шестидесяти телохранителей, тогда как менее важным персонам выделялось не более тридцати пяти человек. Но численность обслуживающего персонала, состоявшего из сотрудников Охраны № 2 и распределявшегося между сановными лицами, была обычно одной и той же у всех без исключения «младших» иерархов независимо от занимаемых ими постов. Иными словами, в дополнение к телохранителям в их распоряжение поступали еще комендант (он же начальник соответствующего сектора телохранителей, а также практически домоправитель), экономка, дворник или привратник, истопник, один или двое садовников, повара, подавальщицы, от двух до трех горничных и от трех до

Как правило, сотрудники первого отдела проживали в многоквартирных зданиях на улицах Серафимовича и Грановского и в нескольких некогда частных московских домах, предназначенных членам Политбюро и прочим «младшим» иерархам. Когда же находившиеся под их защитой и наблюдением сии достославные мужи отправлялись на свои дачи, располагавшиеся в лесу или возле рек и водохранилищ, оживлявших окрестности столицы, то рядом с ними были всегда и сотрудники Охраны № 2.

Во время пребывания там этих знатных вельмож офицеры в штатском, вооруженные парой пистолетов и финкой, и группы кинологов с собаками денно и ночно обходили дозором прилегавшие к дачам места, оказывая тем самым определенную помощь оснащенной ручными пулеметами постоянной дачной охране.

Помимо здравствовавших сановников и членов их семей, первый отдел опекал также и семьи почивших партийных боссов, — разумеется, только тех, кто не был еще развенчан. В частности, Охрана № 2 предоставляла вдове Дзержинского, канонизированного основателя советской службы государственной безопасности, шофера с машиной и домашнюю прислугу. Аналогичную заботу проявляла она и о семьях Жданова, Щербакова, Калинина, Орджоникидзе и многих других реликтах прошлого времени. Но, как ни казалось бы на первый взгляд это странным, телохранителей к ближайшим родственникам усопших иерархов не приставляли. Несомненно, это объясняется в первую очередь тем, что они не представляли собой никакой угрозы для Сталина, а то, что у них было не меньше причин опасаться, что на них нападут, чем у пресмыкавшихся перед Грузином лизоблюдов и их домочадцев, едва ли особенно волновало вождя.

В дополнение к секторам, на которые возлагалась забота о «младших» иерархах, в распоряжении первого отдела имелось также и весьма своеобразное подразделение, известное как «резервная группа». Этот подотдел был обязан выполнять одновременно две задачи: надзирать над подпадавшими под «юрисдикцию» Охраны № 2 районами, в которых появлялись время от времени члены Политбюро, и брать на заметку оказавшихся там других советских граждан, а также

«обеспечивать безопасность» руководителей зарубежных коммунистических стран. Подобного рода «защита» распространялась во время их пребывания в Советском Союзе в качестве гостей и на лидеров зарубежных коммунистических партий, не стоявших у власти, — в частности, на политических деятелей, возглавлявших коммунистическое движение в Италии, Франции и Германии. Сотрудники «резервной группы» были не только глазами и ушами Сталина, но и, если в том возникала нужда, его «длинной рукой»: они не колеблясь выполняли любые распоряжения диктатора, когда тот считал необходимым непосредственно вмешиваться в дела таких послушных своих марионеток, как, например, тот же Ульбрихт из Восточной Германии, Ракоши из Венгрии или Готвальд из Чехословакии.

В отличие от тех оперативников, что служили в «резервной группе», положение начальников телохранителей, как, впрочем, и их подчиненных, в обязанности которых входило обеспечивать безопасность приближенных Сталина, было довольно шатким. Их судьбы находились в прямой зависимости от политических судеб тех, кого они охраняли. Кроме того, телохранители всегда могли стать жертвами обычных капризов и своеволия иерархов, находившихся под их защитой, а то и просто невезения. Судя по всему, особенно трудно было ладить со своими хозяевами охранникам Ворошилова, Молотова и маршалов Жукова, Тимошенко и Рокоссовского. Однако случалось и такое, правда, очень и очень редко, что отдельные иерархи приходили на помощь своим телохранителям, когда те оказывались в трудном положении.

Наиболее яркими свидетельствами столь редких, как уже было отмечено нами, взаимоотношений между телохранителями и их «подопечными» служат два случая, связанные непосредственно с Молотовым. Когда этот иерарх, занимавший в ту пору пост министра иностранных дел, находился на конференции ООН, проходившей в 1947 году в Сан-Франциско, один из его телохранителей за какую-то провинность был отправлен назад на свою родину, где ему предоставили сравнительно низкооплачиваемую работу в местных органах государственной безопасности. Однажды вечером, вскоре после возвращения из США, Молотов поинтересовался, куда девался охранник, с которым он обычно играл в бильярд. Узнав, что в его отсутствие постоянный партнер по игре был наказан, самый близкий и к тому же старейший друг Сталина пришел в ярость. В результате на следующий же вечер опальный офицер, вернувшись на свое прежнее место, смог снова составить компанию Молотову.

Еще более благородно поступил Молотов со своим главным

телохранителем — генерал-майором Василием Погудиным. Этот сотрудник Охраны, став хроническим алкоголиком, нередко напивался так, что скорее не он «опекал» Молотова, а Молотов его. Решив наконец расстаться с этим охранником, Молотов проследил, чтобы Погудина, предоставив ему хорошую квартиру в Москве, отправили с почетом в отставку, что и произошло в 1951 году. Однако полковник Александров, преемник Погудина, оказался в куда более сложной ситуации, типичной, впрочем, для телохранителей. Он получил свое новое назначение незадолго до того, как Молотов впал у Сталина в немилость. Горышев, заместитель Власика, сказал в ожидании обычной в таких случаях развязки: «Ну что ж, если они тронут Молотова, мы уберем Александрова», — и затем приказал одному из своих подчиненных порыться в личном деле Александрова в поисках какого-нибудь компромата, который позволил бы в случае чего, обвинив бедолагу в «троцкизме», разделаться с ним. Однако Молотову удалось-таки, хотя и с трудом, избежать, казалось бы, неминуемого конца. А вместе с ним уцелел и Александров.

Значительно меньше повезло начальнику охраны Ворошилова, пострадавшему в 1948 году из-за того, в чем он лично не был повинен, хотя «первый красный офицер» сделал все, что мог, чтобы не дать его в обиду. Беда подстерегла этого человека в канун Нового года. Во время детских игр вокруг праздничной елки на даче Ворошилова, которая находилась примерно в двадцати милях от Москвы, вспыхнул огонь. Произошло это исключительно по вине внуков маршала. Пожар случился глубокой зимой, к тому же необычайно суровой, так что вода замерзала в насосах и брандспойтах. Противопожарное же оборудование, высланное из Москвы, прибыло на место уже после того, как дача сгорела дотла. Огонь попортил все ордена и медали Ворошилова, наградные сабли и шашки, а также и знаки отличия, полученные им от советского руководства и правительств зарубежных стран. Сталин, сам не свой от охватившего его гнева, когда он услышал о том ущербе, который был нанесен разбушевавшимся пламенем самому послушному его приспешнику, распорядился дать начальнику охраны Ворошилова, начальнику хозяйственно-снабженческого подразделения Охраны и инспектору противопожарной службы Охраны от трех до семи лет тюремного заключения за якобы допущенную ими халатность, несмотря на тот факт, что ни одного из них не было на месте происшествия в то время, когда там начался пожар. Только спустя примерно три года по настоянию Ворошилова и, конечно же, без ведома Сталина все трое «преступников» были освобождены и вернулись в

Наибольшие проблемы у Охраны № 2 возникали в ту пору с маршалом Жуковым, хотя при этом ни один из охранников не сломал себе шею. Опасаясь прославленного героя войны и делая все возможное, чтобы дискредитировать его, Сталин отправил маршала сначала на сравнительно скромное место в Одессу, а затем на столь же малозначительный пост на востоке Урала, в Свердловске. Когда к Жукову впервые приставили телохранителей, он был достаточно наивен, чтобы думать, будто это еще один знак внимания, оказанный ему благодарным Сталиным. И только спустя какое-то время, избавившись от этого заблуждения, осознал, что сотрудники Охраны № 2 были скорее не телохранителями как таковыми, обеспечивавшими его безопасность, а надзирателями, следившими за каждым его шагом. Сделав это открытие, маршал начал нервничать и нередко набрасывался на своих телохранителей, — хотя и понимал, что они глубоко уважают его, относятся к нему исключительно доброжелательно, а если что и не так, то они лишь выполняют свой долг. Жуков жаловался — и с полным на то основанием, — что в то время как его охранники могут ездить в Москву и обратно, он, маршал Советского Союза, не может этого делать. Однажды, находясь в смятенном состоянии чувств, Жуков повернулся внезапно к подавальщице и закричал: «Почему ты следишь все время за мной?». Он сетовал также на то, что как-то раз сотрудник Охраны, ведавший транспортными средствами, не смог предоставить в его распоряжение достаточно машин для его многочисленных юных подружек. (То обстоятельство, что он заводил связи с представительницами прекрасного пола где-то на стороне, объясняется, по-видимому, тем, что горничные из Охраны отвергали его домогательства.)

Характеризует состояние маршала также и то, что, желая избавиться от одного из начальников приставленной к нему охраны, он выдвинул против него вымышленное им же самим обвинение в нарушении субординации. Тот же был лишь рад, когда его перевели в другое место, тем более что высокое начальство, отлично зная Жукова, никак не наказало охранника за этот инцидент.

Затем, в 1950 году, Жукову вздумалось вдруг появиться на проходившей в Свердловске областной партийной конференции, на которой он выступил с небольшой речью. Хотя слова маршала

не содержали ничего мало-мальски важного, делегаты в течение пяти минут стоя аплодировали ему. Появление опального героя войны на столь многочисленном собрании уже само по себе такое событие, которое власть предержащие не могли проигнорировать. Когда Сталина, ревностно относившегося к маршалу, известили о «возмутительной выходке» строптивца, — в том же, что сообщение об этом моментально было передано в Кремль, можно не сомневаться, — начальник телохранителей Жукова оказался в весьма сложном положении. Однако, поскольку почти всем было ясно, сколь трудно иметь дело с ссыльным, по существу, маршалом, и к тому же не нашлось готовой замены начальнику охраны, тот отделался выговором.

Что же касается Жукова, то ему ясно дали понять, чтобы впредь он не появлялся более таким вот образом на публике. Телохранители в свою очередь стали внимательно следить за тем, чтобы маршал никогда не нарушал этого распоряжения.

* * *

Телохранители маршала Тимошенко не сталкивались с подобными политического характера проблемами, поскольку их «подопечный» безропотно воспринял тот «факт», что это Сталин, а не Красная армия, одержал победу в войне во благо Советскому Союзу. Однако он имел склонность компенсировать свою послевоенную участь под властью Грузина тем, что прикладывался к бутылке с горячительным напитком чаще, чем положено. Его продолжительные запои не были ни для кого секретом, и так как Тимошенко отдавал предпочтение водке, приставленные к нему охранники должны были обладать недюжинным здоровьем, поскольку их хозяин попросту приказывал им участвовать в попойке.

Подобные пиршества длились порой по несколько дней. Как они проходили, можно судить хотя бы по тому, что одного из начальников охраны пришлось срочно переводить в Москву после того, как он во время ночного кутежа ударил бутылкой адъютанта Тимошенко.

Точно так же не носили политической окраски и «фокусы», которые «выкидывал» маршал Рокоссовский. И тем не менее у первого отдела возникало немало проблем, связанных с его «подопечным», которому он должен был обеспечивать «защиту». Если отвлечься от военных характеристик этого современного проконсула в Польше (подобно Дзержинскому и Менжинскому, Рокоссовский был поляком), то можно смело сказать, что он

являл собой самый что ни на есть образ классического распутника. Мало того, что этот офицер, кавалер многих орденов, имел массу неизвестно откуда взявшихся «жен», ему надо было еще поставлять целые толпы девиц, готовых разделить с ним досуг.

Подобное его увлечение носило столь шокирующий характер, что в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС то и дело поступали жалобы на него с обращенными к Сталину просьбами лично вмешаться в безобразие, которое творит этот человек. Но поскольку Рокоссовский в политическом отношении беспокоил Сталина значительно меньше, чем Жуков или Тимошенко, он оставлял эти просьбы без внимания. Однажды, например, перелистав бегло очередную докладную записку о беспутстве маршала, Грузин отшвырнул ее в сторону и произнес: «У меня нет Суворова, Рокоссовский же — мой Багратион». (Сравнение Рокоссовского с этим выдающимся русским полководцем, прославившимся в эпоху наполеоновских войн, является самым что ни на есть пустословием, впрочем, Сталин ведь не был военным историком.)

* * *

Сотрудники второго отдела, представленные агентами в штатском, были своего рода пехотой в сталинской охранной системе. И сколь бы простой ни казалась работа, которой они занимались, нельзя забывать и о том, что агенты выполняли также и функции глаз и ушей, а при случае и «длинной руки» Управления. Этих людей, которые если и могли кого-то ввести в заблуждение своим гражданским одеянием, так только наиболее наивных туристов, расставляли на всех перекрестках, возле учрежденческих зданий, в парках и зонах отдыха, но особенно много их было у почтамтов, магазинов, ресторанов, кафе и парикмахерских по всей Москве. Жители столицы, разбиравшиеся в методах работы коммунистических органов государственной безопасности несопоставимо лучше, чем остальные советские граждане, распознавали с первого же взгляда, кто переодетый в штатское агент, а кто — добропорядочный обыватель: Для того чтобы агенты не успели примелькаться местным жителям, их то и дело переводили с места на место, обычно из города в пригороды и наоборот. Дежурство на каждом из установленных постов велось круглосуточно, в три смены.

Эти люди, о которых сейчас идет речь, были все как один меткими стрелками и отлично владели приемами джиу-джитсу и

другими видами борьбы. Вооружены они были пистолетами и ножами, но агентов наставляли в первую очередь пускать в ход ножи, если, конечно, обстоятельства позволяют сделать это: чем меньше шума, тем лучше.

Находясь на дежурстве, они следили буквально за каждым, кто попадал в их поле зрения. Особую бдительность проявляли агенты в зонах повышенного внимания или в районах, где, хотя бы и нечасто, появлялись Сталин и прислуживавшие ему иерархи. Любой, кто оказывался там, сразу же брался на заметку, а если он к тому же еще оставался на «поднадзорной» территории свыше тридцати минут, то агент приказывал ближайшему милиционеру (сотруднику четвертого отдела Охраны № 2) проверить удостоверение личности «подозрительного» человека. И это несмотря на то, что проходили годы, а никого, кто попадал в категорию «подозрительных», так и не задержали. Но порядок есть порядок, и человека, вторгшегося в район, где он не был желанным гостем, просили пройти дальше, если даже он никому ничем не мешал. Единственным положительным результатом подобной системы контроля являлось то, что в зонах повышенного внимания не наблюдалось никаких нарушений общественного порядка. По вечерам, когда магазины и большинство учреждений прекращали работу, дежурным агентам из числа сотрудников Охраны, буквально наводнявшим улицы столицы, приходилось выполнять еще одну обязанность — входить в здания закрывавшихся на ночь «объектов», осматривать их с подвалов до чердаков и наблюдать за тем, как тамошние служащие запирают наружные двери.

Ежедневно, перед тем как агенты покидали штаб-квартиру, чтобы заступить на дежурство, их знакомили с последней сводкой, показывали им фотоснимки и давали описание лиц, которые подозревались в совершении преступления или разыскивались органами «правопорядка» по причинам, не связанным, как правило, с безопасностью иерархов. Подобная практика позволяла Сталину держать столицу чистой от подозрительных личностей и нежелательных элементов всех без исключения категорий. Говоря об огромной роли, которую играли постовые агенты в поддержании порядка в Москве, необходимо также отметить, что их работа никак не ограничивалась тем, чем они занимались во время дежурства: вернувшись в штаб по окончании рабочего дня, они обязаны были перед тем, как отправиться домой, составить подробный письменный отчет, в котором бы сообщалось обо всех негативных происшествиях, имевших место на их участке, и о замеченных ими «подозрительных» лицах.

Если упомянутые в подобных докладных «нежелательные» элементы проживали на «поднадзорной» территории, то их обычно переселяли в какой-нибудь другой район Москвы, подальше от зон повышенного внимания, или в один из пригородов столицы. Существенную помощь агентам в выявлении «нежелательных» лиц оказывали осведомители из местных жителей. Заметим попутно, что все до единого дворники, работавшие в данных зонах, официально являлись осведомителями второго отдела.

* * *

Во втором отделе насчитывалось тринадцать секторов. Каждый из них, за исключением одного, о котором мы расскажем чуть позже, курировал «свою», вверенную его попечению территорию. Например, сотрудники первого сектора дежурили у кремлевских стен и на Красной площади, в то время как сотрудники второго и третьего секторов несли свою вахту на Арбате и далее, вплоть до Кутузовского проспекта, по которому неизменно пролегал маршрут Сталина, когда он возвращался к себе на дачу. Упомянутое же нами исключение представлял собой двенадцатый сектор, не имевший никакого отношения к делению Москвы на закреплявшиеся за другими секторами участки. Данное подразделение, именовавшееся группой подземного и надземного хозяйства, проверяло чердаки, подвалы, телефонные будки, водопроводы, канализацию, электроэнергетическую систему и люки на московских улицах. Этот сектор должен был первым давать заключение о всех новых строительных объектах и заботиться о своевременном проведении профилактических мероприятий и ремонтных работ по поддержанию в надлежащем состоянии различных сооружений коммунального назначения. И это по его распоряжению и под его надзором в конце сороковых на Арбате развернулись грандиозные, невиданные в этих местах работы по укладке солидного слоя бетона на всем протяжении улицы, что делало невозможным минирование пути, по которому ездил Сталин.

Несмотря на напряженный характер работы, которой занимался второй отдел, во главе его никогда не стояли выдающиеся личности. Первым начальником данной службы был заядлый выпивоха, оказавшийся среди тех, кто погиб в 1948 году в окрестностях Сочи, отважившись отправиться в пьяном виде по горной дороге в машине, которая, как и следовало ожидать, свалилась в конце концов в пропасть. Слабостью его преемника

полковника Георгия Комарова были женщины, в результате чего в 1951 году его за моральное разложение перевели с понижением в должности в милицию. По той же причине и в том же 1951 году сместили с занимаемого им поста и преемника Комарова полковника Василия Шаталова.

Хотя к тому времени, когда встал вопрос об увольнении Комарова, у Управления уже имелся достаточно богатый опыт по части избавления от неугодных лиц, которые не устраивали этот орган по тем или иным причинам, его сотрудникам пришлось изрядно повозиться, прежде чем им удалось наконец подкопаться под начальника второго отдела. Несмотря на все свое распутство, Комаров не сделал ничего такого, что позволяло бы снять его с должности, пока наконец не допустил ошибку, спутав свою слабость со своей работой. Случилось же это тогда, когда, безумно влюбившись в привлекательную юную особу, он решил, что не может жить без нее и должен всегда ее видеть — и днем и ночью. Чтобы так оно и было, Комаров сообщил в отдел кадров о необычайных способностях девушки и сказал, что она стала бы ценным приобретением для штаба Охраны. По прошествии какого-то времени, после того как девушка прошла надлежащую проверку и оказалась «чистой» по всем статьям, ее приняли на работу в одно из подразделений ГУО в качестве секретарши. Однако во время дополнительной проверки на благонадежность было обнаружено, что она — подруга Комарова. А несколько позже, когда ее уже перевели в центральный офис Охраны, в ходе обычного наружного наблюдения выявилось и то, что, куда бы ни шла девушка после работы, туда же направлялся и Комаров. О данном совпадении маршрутов двух этих сотрудников и об их личных связях, о которых стало известно в результате проверки степени благонадежности девушки, было доложено уже неоднократно упоминавшемуся нами Горышеву, начальнику отдела кадров. Изучив представленные ему бумаги, Горышев вызвал к себе своего адъютанта и сказал: «Комаров — тупой сукин сын, от которого мне хотелось бы как можно скорее избавиться. Он женат, так что у нас есть за что зацепиться». Адъютанту было приказано составить докладную, в которой бы обстоятельно, без всяких там упущений, сообщалось о том, чем занимаются во внерабочее время Комаров и его подруга, и содержались пикантнейшие подробности, касающиеся самых что ни на есть интимных сторон их легкомысленного поведения. Докладная была подготовлена в рекордно короткие сроки, за какие-то несколько дней. И делу сразу же дали ход. Однажды, где-то вскоре после полуночи, насмерть перепуганную девушку арестовали и доставили в кабинет Горышева в штабе Охраны для

очной ставки с Комаровым. Оба тотчас же признались в своей любовной связи. Девушку незамедлительно уволили, предупредив предварительно, чтобы держала рот на замке и не вздумала никогда никому рассказывать о том, в каком месте она служила и что с ней случилось потом. С Комаровым же обошлись несколько лучше. Как только по завершении очной ставки подружку начальника второго отдела увели из кабинета, Горышев повернулся к Комарову: «Сами подумайте, что произойдет, если я сейчас позвоню вашей жене и попрошу ее приехать сюда, чтобы...» Вероятно, мольбы Комарова о снисхождении возымели действие — во всяком случае, он отделался тем, что был переведен в милицию.

* * *

Служить в третьем отделе было еще более тягостно, чем во втором, даже несмотря на то, что его работники носили щеголеватую форму сотрудников органов государственной безопасности, что позволяло им в значительной мере избегать насмешек со стороны гражданского населения, которое порою было не прочь поразвлечься, поддевая агентов в штатском, дежуривших на улицах Москвы.

Хотя сотрудники третьего отдела тоже числились телохранителями, по существу, они были всего лишь привратниками, сторожами и консьержами, пусть и несколько более высокого ранга. Их можно было увидеть буквально во всех важных партийных и государственных учреждениях, в том числе таких, как ЦК КПСС, размещавшийся на Старой площади, Совет Министров СССР, расположившийся на проспекте Маркса, Академия наук СССР, специализированные институты по ядерным исследованиям и лаборатория «К-Р», названная так по начальным буквам фамилий работавших там супругов — докторов наук Нины Ключевой и Григория Роскина, которые из года в год безуспешно проводили исследования по лечению рака под бдительным оком сотрудников Охраны, не спускавших с них глаз. Комендантами и охранниками в перечисленных выше учреждениях, как и во многих других, независимо от их профиля, были сотрудники третьего отдела. Проходившие там службу офицеры были обязаны дежурить в дневное время на контрольно-пропускных постах и периодически обходить коридоры, подвалы, чердаки, туалетные комнаты и пустые кабинеты. Что же касается ночного времени, то некоторым из них поручалось присматривать за уборщицами и другим обслуживающим персоналом,

занимавшимися своей работой в столь поздние часы.

Четвертый отдел, представленный милицией, был включен в структуру Управления и подчинявшейся ему Охраны № 2 скорее просто на всякий случай, чем в соответствии с каким-то заранее продуманным планом или с целью пополнения за счет его личного состава рядов телохранителей. В 1947 году на органы государственной безопасности обрушился целый шквал сообщений о том, что группа офицеров милиции — в то время самостоятельной организации, находившейся в ведении МВД, — замыслила совершить нападение на некоторых членов Политбюро, в частности, на тех, кто, как и Сталин, регулярно проезжал по Арбату. Хотя все эти «уведомления» не имели ничего общего с действительным положением вещей, милиция тем не менее подверглась массовой чистке, в результате которой около тысячи двухсот человек были или посажены в тюрьму, или, в лучшем случае, уволены с работы. Кроме того, тогда же ОРУД (Отдел регулирования уличного движения) был передан в ведение Охраны № 2, в то время как остальные подразделения милиции в стране вышли из-под командования МВД и поступили под контроль МГБ.

К тому времени, когда перетряска кадров подошла к концу, моральный дух успешно прошедших чистку сотрудников милиции был крайне низок, и Управление, чтобы поднять его в столице, включило всех ее милиционеров в четвертый отдел Охраны, что влекло за собой повышение зарплаты, улучшение жилищных условий и предоставление им различных дополнительных льгот. Однако при этом не все прошло гладко. Перевод в только что сформированный четвертый отдел также и кадровых сотрудников Охраны вызвал у них понятное в какой-то мере возмущение, поскольку они восприняли это как понижение своего статуса до уровня обычных милиционеров. Результатом подобной реакции явились взаимная отчужденность и неприязнь, которые стали определять дальнейшие отношения между этими двумя группами — кадровыми сотрудниками Охраны и «новичками». Подобное противостояние не могло не отразиться на москвичах: милиция стала хуже работать, а ее сотрудники в общении с гражданами не проявляли должного такта и недоброжелательно относились чуть ли не ко всем, кто к ним обращался.

О низкой эффективности работы московской милиции можно судить хотя бы по тому, что в столице с ее значительно меньшей интенсивностью дорожного движения, чем в других крупных городах мира, фиксировалось «на душу населения» намного больше дорожных происшествий, чем в остальных мегаполисах.

Вождение машины в нетрезвом виде, превышение скорости и переход через улицу в неполюженном месте были обычным явлением. Кончилось же все тем, что многие москвичи при виде милиционеров начинали размахивать кулаками и осыпать их бранью, даже не подозревая о том, что имеют дело с сотрудниками Охраны. Роль четвертого отдела как одного из оперативных подразделений Управления резко упала, поскольку его сотрудники, перебраниваясь то и дело с гражданами и придираясь к ним по пустякам, были, естественно, не в состоянии уделять должное внимание выполнению возложенных на них обязанностей стражей порядка, обеспечивающих безопасность советского руководства.

Между прочим, заметим попутно, противоборство между гражданами и милиционерами продолжалось довольно долго и после того, как Управление было расформировано, а милиция поступила в распоряжение другого ведомства. И если в Америке полицейских награждают такими безобидными в целом словами, как, скажем, «свинья», эпитеты, коими нередко наделяют милиционеров в Советском Союзе, не относятся к печатным словам.

Эти сбои в работе четвертого отдела в какой-то мере прикрывались и компенсировались сотрудничеством с дежурившими в гражданской одежде агентами из второго отдела. Милиция, опираясь на их помощь и поддержку, более или менее справлялась с такими своими обязанностями, как проверка документов у «подозрительных лиц», попавших в поле зрения сотрудников второго отдела, и переключение светофора на желтый свет, когда Сталин и его приспешники проезжали по городу.

Однако относительно такой возложенной на милицию функции, как организация дорожного движения, можно сказать только одно: она не имеет ничего общего с задачами, которые ставятся во всем мире перед органами государственной безопасности. Проверка водительских прав, регулирование уличного движения, выписывание штрафов или передача в суд дел, заведенных на нарушителей дорожных правил, — это ли должно входить в прямые обязанности сотрудников охранных ведомств? Пожалуй, единственным светлым пятном в истории четвертого отдела является тот факт, что начальником его был Николай Борисов, обаятельный человек из старослужащих, проработавший в милиции четверть века и знавший столицу столь хорошо, что историки то и дело обращались к нему за советом.

Наконец, следует сказать о «младших иерархах», находившихся под защитой охраны № 2 (1947–1952).

Абакумов Виктор Семенович.
Андреев Андрей Андреевич.
Берия Лаврентий Павлович.
Буденный Семен Михайлович.
Булганин Николай Александрович.
Василевский Александр Михайлович.
Вознесенский Николай Алексеевич.
Ворошилов Климент Ефремович.
Вышинский Андрей Януарьевич.
Димитров Георгий.
Жданов Андрей Александрович.
Жуков Георгий Константинович.
Каганович Лазарь Моисеевич.
Косыгин Алексей Николаевич.
Круглов Сергей Никифорович.
Кузнецов Алексей Александрович.
Куусинен Отто Вильгельмович.
Маленков Георгий Максимилианович.
Меркулов Всеволод Николаевич.
Микоян Анастас Иванович.
Молотов Вячеслав Михайлович.
Патоличев Николай Семенович.
Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич.
Попов Георгий Михайлович.
Рокоссовский Константин Константинович.
Серов Иван Александрович.
Соколовский Василий Данилович.
Суслов Михаил Андреевич.
Тимошенко Семен Константинович.
Хрущев Никита Сергеевич.
Чойбалсан Хорлогийн.
Шверник Николай Михайлович.

Хозяйственно-снабженческая служба

Исключительно важным подразделением Главного управления охраны являлась хозяйственно-снабженческая служба. Она обеспечивала оказывавшихся на ее попечении граждан буквально всем, в чем только может нуждаться человек. На нее возлагалась обязанность удовлетворять все мирские потребности Сталина, членов его семьи, приближенных диктатора и членов их семей. Тех, кого вверяли ее заботам, она опекала буквально от колыбели и до могилы. Данное обстоятельство не только приводило к формированию из советских иерархов «нового класса», описанного Милованом Джиласом, но и позволяло им жить в своем собственном мире, самодостаточном и изолированном от рядовых граждан.

В те времена, когда Управление переживало свою лучшую пору, у москвичей в ходу был анекдот, в котором в довольно язвительной форме воспроизводилась воображаемая телевизионная передача под названием «День в Москве», состоявшая из двух коротеньких сцен. На первой из них телезрителям демонстрировалась столица в семь утра, когда улицы были запружены тысячами неряшливо одетых, усталых людей, спешивших на работу. «Это, — возглашал диктор, — хозяева страны — народ». На второй же, появившейся на экране уже в десять утра, по тем же улицам мчался мощный поток ведомых шоферами роскошных лимузинов «ЗИС-110», в которых, важно развалясь, сидели упитанные сверх всякой меры мужчины в меховых шапках и таких же пальто. «А это, — продолжал вещать диктор, — слуги народа». Измученные до предела люди, которым довелось жить под игом коммунизма, стремились такими вот юморесками хоть как-то смягчить свою участь. Распространявшиеся в их среде анекдоты как нельзя лучше отражали советскую действительность. И если в приведенном выше анекдоте и было что-то неправдой, так только то, что подобные сценки в сопровождении соответствующего дикторского текста никак не могли появиться на телеэкранах. В этом изустном рассказе весьма точно отображен короткий миг из той жизни, которую вели заевшиеся, не знавшие, чего еще пожелать, опекавшиеся хозяйственно-снабженческой службой вельможи, которые несмотря ни на что никогда не отказывались от своей давно уже разоблаченной рядовыми гражданами претензии на то, что они — слуги народа.

В структурном отношении хозяйственно-снабжениеская служба состояла из шести секторов, занимавшихся соответственно продовольствием, финансами, одеждой и обувью, строительством, транспортом и жильем. Ни у одного из этих секторов не было названия, которое отражало бы истинное положение дел. Отметим лишь, что продовольствие находилось в ведении первого сектора, финансы — второго и одежда — третьего.

Такого богатого продовольственного склада, который имелся у первого сектора, не было больше ни в одной стране мира. В нем хранилось буквально все, что касалось продуктов питания и напитков: икра, превосходнейшие вина отечественного и зарубежного производства, всевозможные виды мяса, птицы и рыбы, фрукты и овощи в любое время года, бакалейные товары и даже специальные продукты для иерархов, соблюдавших диету. Все это совершенно бесплатно предоставлялось привилегированным клиентам и к тому же в неограниченном количестве. Единственное, с чем вынуждены были считаться сановники, пользуясь складом, так только с особенностями своего организма, в частности, с характером обмена веществ и емкостью желудка.

Чтобы прокормить эту прожорливую, ненасытную свору, первому сектору приходилось связываться напрямую с подмосковными земледельческими хозяйствами и бойнями, совхозами, разводившими в прудах и озерах рыбу, и располагавшимися на юге колхозами. (Некоторые из таких южных колхозов находились в Абхазии, славящейся на весь мир долгожителями, которые, вероятно, благодаря тому обстоятельству, что они исправно поставляли продукты питания к столам Сталина и его прихвостней, имели все шансы еще прожить бог знает сколько.)

Центральный распределитель первого сектора находился на Бережковской набережной, неподалеку от Киевского вокзала. Именно здесь начальник охраны при резиденции иерарха, а отнюдь не жена сановной особы или кто-то еще из его домочадцев, получал все необходимые продукты питания. Отметим, кстати, что семьям иерархов запрещалось производить закупки в государственных магазинах и на рынках, как делали это рядовые граждане — «хозяева страны». Тем не менее отдельные гурманы, не знавшие предела в своих гастрономических устремлениях, не могли удержаться от соблазна купить в обычных магазинах что-либо из провизии. Но

это им мало что давало: в подобных случаях сотрудники Охраны, действуя строго по инструкции, внимательно следили за тем, чтобы подобные покупки никогда не попадали на стол.

Еще одна «точка», находившаяся в ведении первого сектора и именовавшаяся «Кремлем», представляла собой своего рода диетический ресторан, располагавшийся, впрочем, не за стенами древней крепости, как можно было бы подумать, учитывая его название, а на Калининском проспекте, неподалеку от многоквартирных домов на улице Грановского, где проживали менее значимые советские руководители. Если у «слуги народа» и его супруги возникало желание воспользоваться услугами «Кремля», им тотчас же доставляли прямо на дом заказанные блюда, приготовленные в соответствии с предписаниями персонального врача из сотрудников Охраны, приставленного к данному вельможе. Иерархи, которые хотели бы пообедать на сей раз где-то вне дома или просто принять гостей, отправлялись в «Кремль». Довольно часто в этот ресторан заходили, чтобы отобедать вместе, члены Политбюро, министры и даже их заместители, и когда такое случалось, каждому клиенту подавались предписанные ему диетические блюда.

«Кремль» имел все, что было необходимо, чтобы обслуживать на самом высоком уровне столь специфическую, капризную клиентуру. Он располагал огромным помещением, имел многочисленный персонал. Одних только поваров, одновременно дежуривших на кухне, насчитывалось не менее тридцати человек. У всех них имелись описания диетологических особенностей питания иерархов, и еженедельно составлялись меню для каждой сановной особы. Если в том возникала нужда, то в любой момент можно было позвонить в ресторан по телефону и попросить внести в меню соответствующие изменения. Что же касается сотрудников Охраны, то и о них позаботились: они имели возможность питаться бесплатно в столовых и ресторанах, размещавшихся в различных офисах и штабах.

Чтобы, не дай бог, в бездонные желудки иерархов не попало ничего такого, что могло бы привести к нежелательным последствиям, включая и летальный исход, в распоряжении первого сектора имелся многочисленный штат микробиологов, химиков и токсикологов, располагавших на Кузнецком мосту собственной лабораторией, где образцы всего того, что предназначалось для высших сановных лиц, подвергались анализу или испытывались на морских свинках и других животных. Ни одна долька фрукта, ни одна бутылка вина, ни один кусочек мяса или хлеба не попадали на стол Сталина или его прихвостней до тех пор, пока специалисты по ядам не

убеждались окончательно, после тщательной проверки, в том, что все это абсолютно безвредно.

Как и можно было ожидать, начальник этого исключительно важного первого сектора был близким другом Власика и Поскребышева. Одного он обеспечивал горячительными напитками, поступавшими к тому нескончаемым потоком, а другого, обладавшего более тонким вкусом и с большим вниманием относившегося к своему пищеварительному тракту, — различными деликатесами. И они не оставались у него в долгу, делая все возможное, чтобы не дать никому усомниться в его соответствии «высоким партийным принципам» и в якобы отличавшем его «высоком моральном уровне», хотя тот был уже трижды женат и, как говорится, не пропускал ни одной юбки. Однако, как ни обидно было этой парочке, в 1949 году им все же пришлось расстаться со своим приятелем после того, как у него обнаружили сифилис и, естественно, отстранили сию «достоинейшую» личность от любых контактов с продуктами питания, предназначавшимися для иерархов, а затем и вовсе сослали в провинцию, где он стал заместителем начальника местного органа государственной безопасности. Подобное перемещение его никак не устраивало: жизнь вдаль от ярких огней столичного града — вовсе не то, что ему хотелось. Но тут уже ничего нельзя было поделать: даже после того, как Власик с Поскребышевым по личной просьбе своего приятеля взяли его обратно в Охрану, Поскребышев не позволил ему работать в Москве или Сочи, компенсируя свой запрет тем, что назначил его заместителем коменданта предназначавшегося для Сталина оздоровительного центра в Крыму, который, однако, сам диктатор так и не удосужился посетить. На своем новом посту бывший «провиантмейстер», пользовавшийся некогда всеобщим почитанием, оставался еще долгое время и после кончины «верховного правителя».

* * *

На протяжении не одного года второй сектор представлялся многим сказочной сокровищницей, из которой как из рога изобилия сыпались на иерархов «звонкие монеты», отпускавшиеся им на личные расходы из нелимитированных денежных фондов. Однако после ужесточения системы контроля за финансовой дисциплиной, что было осуществлено весной 1952 года, размер подобных «вспомоществований» в денежной форме был «сокращен» до «каких-то» тридцати тысяч рублей в месяц,

предназначавшихся официально для покрытия «непредвиденных» расходов прикрепленных к этой кормушке персон, а в действительности представлявших собой самые обычные «карманные» деньги. И это в то время, как рядовой советский гражданин зарабатывал в среднем от семидесяти до девяноста рублей в месяц, не имея при этом никаких дополнительных источников существования. Отметим также, что подобное сокращение размеров денежных «пособий», отпускавшихся на пресловутые «непредвиденные» расходы, не слишком уж ощутимо ударило по карманам иерархов, поскольку на их личные банковские счета переводились все денежные средства, вырученные от продажи их «литературных трудов», — занудных речей и пропагандистских книжек и брошюр, издававшихся миллионными тиражами. Кроме того, они не платили подоходного налога и, в отличие от рядовых советских граждан, были освобождены от необходимости подписываться на систематически выпускавшиеся режимом «чрезвычайные займы» для покрытия государственных расходов. Нельзя забывать и о том, что государство и так совершенно бесплатно обеспечивало иерархов буквально всем, в чем они нуждались или что им хотелось бы иметь: закрытого типа спецшколами, где могли учиться только их дети, продуктами питания, одеждой, квартирами, дачами, автомобилями, медицинским обслуживанием, курортами и прочим, и прочим. И, конечно же, всякий раз, когда они проводили отпуск на Кавказе или в Крыму, Охрана обеспечивала их дополнительной прислугой и телохранителями, чтобы они и там продолжали пользоваться всевозможным комфортом и вообще жить в условиях, которые могли бы позволить себе разве что герцоги и прочая великосветская знать.

Третий сектор заменял иерархам, их женам и дочерям Париж, но с тем, однако, существенным отличием, что в сталинскую эпоху дело с моделированием как штатских костюмов для мужчин, так и одежды для женщин обстояло из рук вон плохо, что объяснялось в какой-то степени пристрастием Сталина к военной форме. Однако все, что изготавливалось лично для него, — и форменная одежда, в которую он любил облачаться, и ботинки с сапогами на высоких каблуках, как нельзя лучше подходившие для диктатора, не отличавшегося высоким ростом, — выделялось отменным качеством и свидетельствовало о тонком вкусе мастеров, отлично разбиравшихся в фасонах. Примерно то же можно было бы сказать и о военной форме, которую носили сотрудники Охраны. Хотя внешне она мало чем отличалась от форменной одежды командного состава Советской

армии, ее шили из лучшего материала и, как правило, в индивидуальном порядке. Помимо верхней одежды и обуви, на складах данного сектора имелись также значительные запасы нижнего белья, полотенец, простыней и скатертей, а также, вполне понятно, и всевозможной детской одежды. Благодаря неустанным заботам близких по духу третьего и первого секторов иерархии получали возможность, не тратя при этом ни единой копейки из собственного кошелька, «отовариваться» в ведомственном магазине и «сотой» секции ГУМа исключительно богатых по ассортименту имевшихся в них товаров, причем там уж им никак не угрожала опасность столкнуться нечаянно с «простолудином».

* * *

Наиболее широкий круг обязанностей выпадал на долю четвертого, или строительного, сектора. Он не сооружал для советской аристократии ни Версалеи, ни Петергофов, но зато возводил для них жилые здания и дачи и следил заодно за поддержанием их в надлежащем состоянии. Кроме того, примерно та же работа осуществлялась им и для сотрудников самой Охраны. Численность находившегося в его распоряжении штата колебалась в зависимости от характера и объема выполнявшейся им в данный момент работы — от пятисот до трех с лишним тысяч человек. Эта сравнительно небольшая строительная армия состояла из плотников, столяров, сварщиков, электротехников, каменщиков, землекопов, садовников и специалистов по планировке садов и парков, представляя собой, таким образом, наиболее пестрое по своему составу подразделение во всем Управлении, нуждавшемся в работниках самого различного профиля. На работу в ГУО строителей брали, как правило, из московских строительных организаций. Работая в Охране, они получали более высокую зарплату, чем на прежнем месте, и, кроме того, пользовались некоторыми из дополнительных благ, которые предоставлялись сотрудникам данного ведомства. Перед тем как их принимали на работу в Охрану, строители должны были пройти исключительно тщательную проверку на благонадежность — особенно это касалось тех, кому предстояло трудиться в служебных помещениях или в квартирах и на дачах иерархов, — и, сверх всего прочего, с них требовали также расписку о неразглашении того, чем они занимаются.

Пятый, или транспортный, сектор являлся в первую очередь

огромным автохозяйством с водителями, механиками и мастерскими, занимавшимися уходом за машинами, включая их ремонт. Кроме того, одно из входивших в его состав подразделений ведало иными, помимо автомобилей, средствами передвижения, в основном железнодорожным транспортом. Всякий раз, когда Сталин и другие иерархи совершали поездки по железной дороге, указанное подразделение в тесном взаимодействии с железнодорожной охраной следило за тем, чтобы в пути не было никаких неожиданностей. Хотя в распоряжении Сталина имелось целых три поезда, «младший» иерарх мог рассчитывать только на то, что ему, да и то в лучшем случае, выделят лишь отдельный вагон. Сектор имел также дело и с авиатранспортом, но, поскольку у Сталина было резко отрицательное отношение к самолетам, воздушные машины редко когда предоставлялись и «младшим» иерархам, разве что только при возникновении чрезвычайных ситуаций да для зарубежных поездок.

Точно так же сектор почти никогда не имел дела с внутренними водными путями, но не из-за каких-то рескриптов, запрещавших пользоваться ими, а исключительно потому, что речные суда передвигались довольно медленно, в то время, как правило, вдоль водных артерий были проложены железнодорожные линии, позволявшие совершать поездки со значительно меньшими потерями времени. Когда же иерархи пользовались все же пароходами для отдыха или инспекционных поездок, сектор прибегал к помощи охраны водных путей. Больше всего проблем возникало у сектора из-за того, что он вынужден был предоставлять в личное пользование находившиеся в его ведении машины юным отпрыскам иерархов, уже достигшим водительского возраста и решившим на этом основании усесться за руль. Молодые люди не только портили автомобили, мчась подолгу на бешеной скорости, но нередко и разбивали их вдреизг. Когда же случалось такое, искореженную машину доставляли в мастерскую и тут же обменивали ее на новый автомобиль. Наиболее преуспели в приведении в негодность выделявшихся сектором машин сыновья Микояна.

* * *

Сотрудники шестого сектора мало чем отличались от обычных конторских служащих, типичных фактически для всех жилищных ведомств, где бы они ни располагались, зато квартиры, которые данный сектор распределял среди иерархов и

сотрудников ГУО и за сохранность которых он же и отвечал, отличались и своим многообразием, и высочайшим качеством: даже самая скромная из них выглядела просто сказочной по сравнению с тем жильем, которое предоставлялось в Советском Союзе угнетенным народным массам. И, как повсюду у занимающихся «квартирным вопросом» организаций, у этого сектора вечно не хватало подлежавшего распределению жилья, несмотря на упорную работу строительного сектора. Жилищная проблема, с которой сталкивались спецслужбы, приняла столь острые формы, что в 1947 году даже вышло специальное постановление, согласно которому впредь в каждом новом доме, сдававшемся в эксплуатацию, сотрудникам органов государственной безопасности — в их число, само собой разумеется, входили и сотрудники Охраны — должно было отводиться от трех до пяти квартир. Однако и данное распоряжение не смогло разрешить проблемы, в результате чего многие сотрудники Охраны вместе со своими семьями по-прежнему были вынуждены ютиться в одной лишь комнате, которую снимали или у москвичей, проживавших в отдельных квартирах, или у подмосковных колхозников, располагавших собственными избами.

Но иерархам, будьте спокойны, не приходилось сталкиваться с подобными трудностями. Они занимали непомерно просторные квартиры и в домах, находившихся на территориях Кремля, и в разместившихся за его стенами уютных особняках, в которых когда-то жили дворяне, и в высившихся на улицах Грановского и Серафимовича двух великолепных зданиях с дежурившими у парадной двери сотрудниками Охраны № 2, облаченными в прекрасно сидевшую на них форму. Каждая из этих «многоэтажек» практически являла собой своего рода небольшой, но «самодостаточный» городок — с собственным театром, кинотеатром, детским садом, прачечной, химчисткой и магазинами, в которых было все что угодно. В описываемую нами эпоху квартиры в здании на улице Грановского считались более «фешенебельными», чем имевшиеся в доме на улице Серафимовича.

Этот же жилищный сектор предоставлял иерархам и подмосковные дачи: кому — одну, кому — две, а кому — и того больше. Эти загородные дома, укрывшиеся, как правило, в сосновых или смешанных лесах, обычно располагались по берегам рек, озер или прудов, к которым и близко не подпускались «посторонние лица». Иерархи — «во имя служения всеобщему благу» — проводили на дачах большую часть своего времени: просто отдыхали, ничего не делая, совершали

небольшие прогулки, занимались охотой или рыбной ловлей, но чаще всего предавались попойкам.

Комендатура Кремля

На протяжении достаточно долгого периода из года в год происходило сокращение численности кремлевских охранников, и к тому времени, когда было учреждено Управление, их осталось столь мало, что было бы просто наивно ожидать от этих ребят чего-то еще, кроме участия в церемониальных действиях, призванных украсить древнюю крепость. Они, как и следовало ожидать, поступили под административный контроль Управления. Практически все функции по обеспечению безопасности иерархов во время их пребывания в Кремле, которые когда-то возлагались на кремлевских охранников, были переданы ГУО. И хотя служащих комендатуры все еще можно было видеть и на кремлевских стенах и башнях, и на внутренних площадях, где размещались их посты, это мало что меняло: фактически они представляли теперь собой не более чем резерв для сотрудников Охраны № 1, занимавшихся обеспечением безопасности Сталина, и для сотрудников Охраны № 2, на чьем попечении находились проживавшие в Кремле другие иерархи. Однако данный резерв никто никогда не востребовал. И, как следствие этого, входившие в его состав охранники по роду своих занятий во многом стали напоминать тех сотрудников Охраны № 2, которые оберегали партийные и государственные учреждения или, красуясь в ладно пригнанной форме, выполняли, по существу, — правда, исключительно добросовестно, — малопrestiжные обязанности сторожей, привратников или консьержей.

Но, что бы там ни было, организационная структура комендатуры была довольно сложной. Главными ее подразделениями являлись отдельный офицерский батальон, полк спецназначения, рота спецназначения и отдел связи. Далее шли отдел вооружения и амуниции, хозяйственно-снабженческий сектор, бюро пропусков и, наконец, обычный для подобных ведомств административный отдел, а также партком и комитет комсомола.

Служащие отдельного офицерского батальона несли охранную службу во всех правительственных учреждениях, находившихся на территории Кремля. Хотя особенно много офицеров дежурило, конечно же, у кабинета Сталина, кабинеты Молотова и Кагановича также находились под надежной охраной. Кроме того, усиленные наряды выставлялись у Троицких ворот, поскольку именно через них проезжал Сталин, в то время как у Спасских и Боровицких ворот, которыми пользовались остальные

иерархи, охрана была уже не столь многочисленной.

К другим основным обязанностям служащих батальона относились сопровождение лиц, допущенных на территорию Кремля, и дежурство в бюро пропусков и на контрольно-пропускных постах. (В те дни Кремль был закрыт для обычных граждан, включая и туристов, решивших посетить Москву. И даже в период «оттепели», наступившей после смерти Сталина, граждане, получившие разрешение на посещение этого исторического места, могли проходить в ворота только группами, к которым вполне официально прикреплялся экскурсовод.) Офицеры, дежурившие на контрольно-пропускном посту у Спасских ворот, должны были проверять по утрам документы у всех административных работников и обслуживающего персонала, направлявшихся в Кремль на работу, и следить, чтобы они не пронесли с собой чего-либо непопозволенного, а по вечерам выяснять, все ли покинули древнюю крепость по окончании рабочего дня. Остальным категориям граждан, даже родственникам и друзьям иерархов и членам их семей, было довольно трудно получить пропуск в Кремль. В любом случае лицо, желающее пройти на эту «закрытую» территорию, обращалось предварительно по телефону или каким-то еще путем к администрации Кремля с просьбой выдать ему пропуск. После того как на руках у гражданина оказывался наконец заветный документ, один из дежурных, встречавший посетителя у контрольно-пропускного поста, провожал его по дорожкам и переходам до указанного в пропуске места — отдела или кабинета, а затем, когда тот завершал свои дела, сопровождал его уже в обратном направлении, до самых ворот.

Особенно много работы у сотрудников контрольно-пропускной службы было во время съездов, конференций и других мероприятий, довольно часто проводившихся в Кремле. Офицеры проверяли участников всех подобных собраний и при входе, и при выходе, сопровождали их, когда те шли по заповедной кремлевской территории, и, конечно же, наблюдали за ними. Если они замечали что-либо запрещенное или подозрительное, то могли, имея на то полное право, сделать посетителю соответствующее замечание, кем бы он ни был, и в исключительных случаях даже арестовать его. Кроме того, офицерам, дежурившим у ворот, вменялось в обязанность следить за тем, чтобы никто не пронес в Кремль фотоаппарат, бинокль или нечто подобное, не говоря уже об оружии. Все вещи, которые не разрешалось проносить в «заповедную зону», надо было сдать в камеру хранения в здании ГУМа, расположенного напротив Кремля, по ту сторону Красной площади.

Тысяча двести офицеров и рядовых полка специального назначения несли круглосуточное патрулирование на территории Кремля. И из служащих этой же части брались охранники, дежурившие в Мавзолее Ленина, причем также все двадцать четыре часа. Входящие в состав полка отдельные подразделения были оснащены легкими пушками и станковыми и ручными пулеметами. Согласно официальным бумагам, артиллерия предназначалась для защиты иерархов от «врагов», однако на деле она использовалась для производства салютов в дни празднеств. Сходная ситуация складывалась и вокруг станковых пулеметов, укрывшихся за искусно замаскированными бойницами в кремлевских стенах: предназначавшиеся для защиты руководителей от участников демонстраций, проходивших по Красной площади, они так и не были никогда использованы по прямому назначению. Зато перед стрелками, вооруженными ручными пулеметами, ставилась более реалистичная задача — патрулировать в ночное время по территории Кремля.

* * *

Рота специального назначения являлась еще одним из многочисленных примеров того, что названия, дававшиеся отдельным службам или подразделениям, никак не отражали действительного положения вещей и могли любого сбить с толку. Практически единственная ее обязанность, которую выполняла она во имя безопасности вождей, заключалась в проверке угля, дров, печей и каминов, дабы убедиться в том, что в них не заложена взрывчатка. Иначе говоря, это была несшая круглосуточное дежурство своего рода пожарная команда, которая занималась также мелким ремонтом отопительных систем и принятием противопожарных мер.

Отдел связи занимал в организационной структуре комендатуры особое, элитарное место, что и понятно, если учесть, что в его ведении находились телефонная система и радиослужба Кремля. В частности, это он надзирал за «кремлевкой» — автономной телефонной системой, которая не только обеспечивала бесперебойную телефонную связь между иерархами во время их пребывания в Кремле, но и благодаря специальным, закрытым для посторонних телефонным линиям позволяла сразу же устанавливать связь с первыми лицами в партийном и государственном аппарате даже тогда, когда они находились вне стен Кремля. (Заметим попутно, что у Кремля было два источника получения электроэнергии: московская

городская электросеть и собственные генераторы, установленные там на непредвиденный случай.) Кроме того, на этот же отдел возлагалась обязанность проводить все профилактические и ремонтные работы на проходившем через территорию Кремля участке московской телефонной сети, поскольку из соображений безопасности работники московской телефонной службы к этому не допускались.

Из прочих по существу вспомогательных подразделений комендатуры наибольшего внимания заслуживает отдел снабжения. Как свидетельствует само его название, он обеспечивал комендатуру продуктами питания, обмундированием и некоторыми иными вещами. Но это лишь одно направление его деятельности, другим же являлся надзор за строительным батальоном. Это подразделение не только строило и поддерживало в надлежащем состоянии служебные помещения комендатуры и жилые дома внутри Кремля и за его стенами, но и следило за сохранностью находившихся на его территории бесценных памятников культуры, включая и исторические здания. Изю дня в день отряд высококвалифицированных рабочих занимался ремонтом и реставрацией дворцов, храмов и других древних строений. Когда же столь деликатная работа близилась к завершению, в дело вступали приглашенные со стороны художники и специалисты некоторых других профилей.

В завершение данного раздела остановимся вкратце на лечебно-санитарном управлении Кремля. Несмотря на свое название, это учреждение не только не входило в организационную структуру комендатуры, но и никогда не располагалось внутри кремлевских стен. Указанное управление было обязано обеспечивать медицинским обслуживанием всю советскую верхушку — Сталина и окружавших его высших партийных и государственных чинов, а также членов их семей. В его ведении находились больницы, поликлиники, аптеки, дома отдыха, санатории и прочие оздоровительные центры в Подмоскowie, в Крыму и на Северном Кавказе с его Черноморским побережьем. Из соображений исключительно административного характера управление было приписано к Министерству здравоохранения, хотя в действительности оно находилось в прямом подчинении Главного управления охраны. Все сотрудники лечебно-санитарного управления Кремля перед тем, как быть взятыми на работу, проходили в обязательном порядке проверку на благонадежность, которая проводилась ОПЕРОДом.

Вспомогательные службы

Отдел обслуживания

Учитывая характер работы данного подразделения, подчинявшегося непосредственно Власику и его заместителю Линько, эту структуру следовало бы назвать не «отделом обслуживания», а «отделом планирования и взаимодействия с другими организациями». Поскольку руководство Управления обращалось к услугам отдела обслуживания нечасто, лишь в случае крайней необходимости, его штат насчитывал менее чем двадцать человек.

Отдел нес ответственность за разработку различных программ и планов, касавшихся обеспечения безопасности Сталина и прочих иерархов во время их поездок или присутствия на Красной площади и в других общественных местах. Кроме того, он устанавливал взаимодействие с зарубежными спецслужбами, чтобы посещение Советского Союза крупными политическими и государственными деятелями и прочими видными лицами из других стран прошло без всяких эксцессов. Понятно, что все разработки, которые готовились им для подобных случаев, направлялись в соответствующие подразделения Охраны для претворения их в жизнь.

Но это — не все. На отдел возлагалась еще одна обязанность, в целом пустяковая, — выдавать пропуска на Красную площадь во время проведения там праздничных мероприятий.

Отдел связи

Находившиеся в распоряжении ГУО коммуникационные системы были не только весьма сложными в техническом отношении, но и самыми совершенными из имевшихся в то время в мире. Управлением использовались следующие шесть систем связи:

1. Обычная гражданская телефонная служба. Хотя ею пользовались только в том случае, когда разговор не носил секретного характера. Из предосторожности, однако, ремонтом и профилактическим осмотром телефонного оборудования, установленного в помещениях, находившихся в ведении Управления, занимались исключительно сотрудники Охраны, а не мастера из телефонного узла.

2. Вedomственная телефонная служба органов государственной безопасности. Представляя собой внутреннюю телефонную систему, она связывала Управление с органами государственной безопасности и близкими к ним учреждениями. Набрав номер телефониста, пользователь этой системы мог подключиться через него к обычной гражданской телефонной сети. Но через гражданскую телефонную сеть добиться соединения с телефонами, подключенными к внутренней телефонной системе органов государственной безопасности, было нельзя.

3. Правительственная высокочастотная радиотелефонная связь. Данная система, исключавшая, как предполагалось, возможность подслушивания, позволяла иерархам и начальникам отделов и прочих основных подразделений Управления связываться с любыми областями Советского Союза и со странами, шедшими в фарватере советской политики.

4. «Кремлевка». Данная система телефонной связи находилась в ведении кремлевской комендатуры.

5. Система телефонной связи «Управление — Кремль». Телефонные линии данной системы отличались исключительно надежной защитой от подслушивания, так что в случае возникновения чрезвычайной ситуации связь между Управлением и Сталиным, если он будет находиться в это время у себя в кабинете или в своей квартире в Кремле, должна была бы поддерживаться только с их помощью. Пользователь этой системы мог подключиться к московской городской телефонной сети или к служебным линиям милиции и органов государственной безопасности лишь в том случае, если он предварительно получил на это соответствующее разрешение от самых верхов.

6. Внутренняя телефонная сеть, связывавшая между собой руководство Управления, высшее руководство органов государственной безопасности и иерархов. Аппараты, подключенные к этой сети, не имели циферблатов, и, кроме того, оповещение о том, что кто-то выходит на связь, осуществлялось не с помощью традиционного телефонного звонка, а световым сигналом. Подобные телефоны могли подключаться к другим системам.

Управление оздоровительных центров на побережье Черного моря

Поскольку Сталин обычно проводил свой отпуск в окрестностях Сочи, где к тому же любил бывать и Берия,

черноморский сектор Охраны был крупнейшим из его подразделений, ведавших оздоровительными центрами. Потребность в охранниках в этом районе возрастала и в силу того, что там же имелось немало различных санаториев и коттеджей, в которых размещались прочие иерархи, желавшие позагорать под тем же солнцем, что и их вождь. В общем, обычная для России история — придворные исстари следовали за своими правителями, будь то цари или диктаторы, когда те отправлялись на морские курорты.

В силу вышесказанного местной охране постоянно приходилось заботиться о том, чтобы многочисленные, поражавшие своей роскошью усадьбы и гостиницы, расположенные в окружении парков и цитрусовых посадок, всегда были готовы принять именитых гостей, если правителю и его сановной челяди вздумается вдруг посетить этот край. Когда наконец этот «двор» прибывал, — само собой разумеется, в сопровождении внушительной свиты телохранителей, — сотрудники черноморского отделения данного ведомства обязаны были обеспечивать безопасность всей этой публики в местах увеселений, а также следить за тем, чтобы в поле зрения ни одного из вельмож не попали проживавшие чуть поодаль простолюдины из крестьян.

<i>Управление оздоровительных центров в Крыму и Кисловодске (Северный Кавказ)</i>

Обязанности сотрудников Охраны, служивших в этих местах, были во многом схожи с теми, что возлагались на их черноморских коллег. Но поскольку Сталин никогда не отдыхал на Северном Кавказе и лишь дважды почтил своим посещением Крым, — один раз — по случаю Ялтинской конференции, в которой, кроме него, принимали участие также Рузвельт и Черчилль (безопасность обоих западных лидеров, как и следовало ожидать, обеспечивалась сталинскими телохранителями), — численность сотрудников местных подразделений охраны была значительно меньше, чем их сослуживцев в упомянутом выше крае. Каждая из этих двух оздоровительных зон — в Крыму и Кисловодске — так же, как это наблюдалось и на Черноморском побережье, имела постоянный штат своих собственных охранников: ведь никогда нельзя было быть абсолютно уверенным в том, что Сталин не нагрянет туда.

Северокавказские оздоровительные центры использовались, как правило, только «младшими» иерархами, и не для отдыха во

время отпуска, а для лечения. В большинстве имевшихся там санаториев били из глубинных земных недр источники целебных, как считалось, вод, что отразилось и в названиях таких местных населенных пунктов, как Кисловодск, Железноводск и Минеральные Воды. Объективности ради заметим также, что наблюдалось и обратное явление, когда сами минеральные воды назывались в честь населенных пунктов, возле которых они выходили на поверхность земли, примером чему могут служить те же «Боржоми» или «Ессентуки».

Единственным из всей правящей верхушки, кто довольно часто наведывался в Крым, прихватывая с собой и своих домочадцев, был Молотов.

Школа охранников

В данное учебное заведение направлялись, как правило, «новобранцы» Охраны. Учеба в нем продолжалась от трех до двенадцати месяцев в зависимости от потребностей отдела кадров в сотрудниках той или иной категории и способностей самих курсантов. Иногда, в исключительных случаях, срок обучения сокращался до трех недель.

В период учебы курсанты не носили формы, во всем же остальном они практически ничем не отличались от курсантов обычных военных училищ и так же, как и они, получали стипендии и различные надбавки к ней. По окончании школы все те, кто не был еще офицером, получали звание младшего лейтенанта и направлялись во второй, третий или четвертый отделы Охраны № 2 или в какое-либо иное подразделение, сотрудники которого не имели прямых контактов с иерархами.

В обычный курс обучения входили такие дисциплины, как обращение с различными видами оружия (от ножа до пулемета), рукопашная схватка, приемы самозащиты, основные правила наблюдения, принятые в органах государственной безопасности, и методы ведения следственной работы. Много времени отводилось также физической подготовке, особенно джиу-джитсу и другим видам борьбы. И конечно же, все без исключения курсанты были обязаны изучать историю ЦК КПСС и биографии иерархов, которых впоследствии им придется охранять.

В школе имелось также специальное отделение, где проходили обучение не «новобранцы», как в других отделениях, а кадровые, имевшие уже офицерские звания сотрудники Охраны, из которых готовили кинологов.

Этот учебный центр, в котором преподавали старые, опытные

офицеры, находился в Москве.

Сектор оружия и амуниции

Этот сектор не только обеспечивал Управление различными видами воинского снаряжения, но и систематически проверял, чтобы оружие содержалось в порядке и неизменно находилось в состоянии боевой готовности. Кроме того, в его обязанности входило также заботиться о том, чтобы в распоряжении иерархов всегда имелось всевозможное спортивное оборудование. Двое сотрудников данного подразделения занимались исключительно тем, что готовили патроны для дробовиков «их сиятельств» и следили за состоянием рыболовных снастей, которыми тешили себя время от времени сановные особы. А еще двое должны были круглосуточно дежурить в конторе, присматривая при этом за складом, чтобы никто не похитил хранившиеся там предметы. И это притом, что его штат насчитывал всего-то человек двенадцать.

Сектор физической и боевой подготовки

Всем тем представителям Запада, которые ратуют за то, чтобы на Олимпийских играх и других международных спортивных состязаниях выступали одни лишь спортсмены-любители, и безуспешно жалуются на высокий профессионализм, отличающий спортсменов из коммунистических стран, не мешало бы познакомиться с занятиями по физической подготовке в учебно-тренировочном подразделении Охраны. И не только потому, что занятия по физической подготовке сотрудников Управления вели многие советские чемпионы в том или ином виде спорта: дело еще в том, что сотрудники этого ведомства лично участвовали в футбольных матчах, столь популярных во всех странах мира, за исключением разве что Соединенных Штатов Америки. Достаточно хотя бы сказать, что знаменитая футбольная команда всесоюзного физкультурно-спортивного общества «Динамо» целиком состояла из офицеров Охраны. Единственное, чем занимались они, так это футболом, и тем не менее их имена числились тайно в платежной ведомости Управления, которое выплачивало им также, помимо основной заработной платы, и различные надбавки.

К другим видам спорта, занятия которыми включались в физическую подготовку действительных сотрудников Охраны,

относились ходьба на лыжах, прыжки, бег, спортивная ходьба, волейбол, баскетбол и борьба.

Много времени уделялось огневой подготовке. Иногда это происходило в форме соревнования. Состязания между сотрудниками в стрельбе из нагана, пистолетов и мелкокалиберных винтовок проводились в крытом тире неподалеку от Кремля. Еще один тир, также крытый, находился в окрестностях столицы и предназначался для повышения мастерства охранников в стрельбе из станковых пулеметов, автоматов и крупнокалиберных ружей.

Медицинский сектор

Это подразделение относилось к тем службам, чьи названия никак не отражали их сущности. В действительности данный сектор представлял собой небольшой коллектив, следивший только за санитарной обстановкой в подведомственных Управлению служебных и жилых помещениях и практически не занимавшийся больше ничем. В его штате численностью примерно двадцать человек имелось лишь несколько врачей и медсестер, большинство же его сотрудников были обычными санитарными инспекторами. Сектор никак не был связан с медико-технической (токсикологической) группой при хозяйственно-снабженческой службе. Во главе же его стоял человек, единственной обязанностью которого было брать пробы воздуха, которым дышал Сталин.

Когда же сотрудники Охраны действительно нуждались в медицинской помощи, то они всегда могли обратиться в больницу или одну из трех поликлиник, которые находились в ведении органов государственной безопасности и располагались в Москве. Сотрудники Управления и члены их семей обслуживались в этих учреждениях совершенно бесплатно, если не считать крайне мизерных сумм, которые взимались с них за рецепты и лекарства.

Секретариат

По функциям, выполнявшимся этим структурным подразделением Охраны, секретариат представлял собой своего рода штабную роту с тем лишь отличием, что его личный состав был сформирован не из рядовых или младших командиров, а из старших офицеров.

Будучи главным административным органом Управления, он курировал все входящие и исходящие документы, снимал с них, как и с приказов, копии, издавал распоряжения, которые доводились им до сведения офицерского состава Охраны, и периодически проверял наличие хранившихся у него сверхсекретных и просто секретных документов, имевших прямое отношение к различным подразделениям ГУО и к органам государственной безопасности. В распоряжении секретариата всегда имелись машинописное бюро и группа стенографистов.

Секретариат просматривал также списки дежурных офицеров, составлявшиеся всеми подразделениями Охраны. И это вполне понятно: ведь в случае, если по какой-то причине начальников отделов, их заместителей или руководителей секторов не оказывалось на рабочих местах, их обязанности брали на себя дежурные офицеры.

Парткомы и комитеты комсомола

Хотя теоретически партии принадлежала главенствующая роль буквально во всем, что происходило в Советском Союзе, в действительности же дело обстояло далеко не так. В частности, об этом можно судить на примере того же Управления, где при решении вопросов, касавшихся оперативной работы Охраны, решающий голос был отнюдь не у партии.

Особенно ясным истинное положение партийных организаций в охранной системе становилось тогда, когда какой-нибудь недалекий, назойливый, словно муха, и любивший всюду совать свой нос партийный работник, действуя от лица Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, пытался — весьма безуспешно, кстати, — провести идеологическое инспектирование парткомов Охраны, которому время от времени, согласно официальным заявлениям, должны были подвергнуться в обязательном порядке все без исключения партийные организации в Советском Союзе. Если такому аппаратчику и удавалось проникнуть в штаб-квартиру Охраны, то ненадолго: как только становилось известно о цели визита нежданного гостя, его тут же вышвыривали за дверь.

Фактически, что бы там ни говорилось, парткомы и комитеты комсомола в структуре Управления были не более чем идеологическими ширмами, существуя в основном для проформы. И это вполне закономерно, поскольку Сталин был истинным богом, а Поскребышев и Власик — его главными ангелами-хранителями. Известен только один случай, когда

Московскому горкому партии, в подчинении у которого находились формально парткомы и комитеты комсомола, имевшиеся в различных подразделениях Управления, было дозволено рассмотреть дело, касавшееся сотрудника Охраны. Но это произошло, когда некоего офицера с позором изгнали из данного ведомства. Тогда горкому позволили обрушить на голову изгоя новый поток клеветы и в заключение, чтобы добить его окончательно, отобрать у него партийный билет.

И все же, отвлекаясь от чисто идеологических аспектов деятельности парткомов и комитетов комсомола в ГУО, мы должны объективности ради отметить, что, несмотря ни на что, эти общественные органы приносили руководству Охраны и определенную пользу. Дело в том, что начальство, не очень-то склонное заниматься обычной для всех общественных организаций пустой болтологией, пусть и с приправой из идеологических постулатов, использовало их в качестве инструмента, призванного помогать ему воспитывать своих подчиненных в духе безграничной преданности Сталину и содействовать повышению уровня их политической сознательности и укреплению дисциплины.

Должностные оклады и льготы сотрудников ГУО

Ниже даются размеры должностных окладов сотрудников ГУО и различных надбавок к этим окладам при Сталине:

1). Должностной оклад:

**Занимаемая должность — Должностной оклад
(рублей в месяц)**

Офицер Охраны — 1200

Старший офицер Охраны (начальник смены) — 1400

Оперуполномоченный — 1700

Старший уполномоченный — 1900

Заместитель начальника отделения — 2100

Начальник отделения — 2200

Заместитель начальника отдела — 2400-2600

Начальник отдела — 2800-3200

Заместитель начальника управления — 3400-3800

Начальник управления — 3800-4200

Заместитель начальника Главного управления —
4000-4600

Начальник Главного управления — 4600-5000

2). Надбавка за звание:

Звание — Добавка (рублей в месяц)

Младший лейтенант — 400

Лейтенант — 500

Старший лейтенант — 600

Капитан — 700

Майор — 900

Подполковник — 1100

Полковник — 1300

Генерал-майор — 1600

Генерал-лейтенант — 1900

3). Надбавки за выслугу лет в зависимости от служебного стажа:

**Служебный стаж — Размер надбавки в процентах
от должностного оклада**

От 3 до 5 лет — 5

От 5 до 10 лет — 10
От 10 до 15 лет — 15
От 15 до 20 лет — 20
Свыше 20 лет — 25

4). Надбавки за секретность:

Категории служащих — Размер надбавки в процентах от должностного оклада

Охранники Сталина — 30

Охранники других иерархов — 20

Большинство остальных сотрудников охраны — 10

5). Дополнительные выплаты за службу в Охране:

Категории служащих — Размер надбавки в процентах от должностного оклада

Охранники Сталина — 5

Остальные сотрудники охраны — 3

6). Продовольственный паек:

все сотрудники Охраны имели право на продовольственный паек на сумму 250–300 рублей в месяц.

7). Пенсионное обеспечение:

Категории служащих — Расчет служебного стажа для начисления пенсии

Охранники Сталина — Один год службы приравнялся к трем годам

Остальные сотрудники

Охраны — Один год службы приравнялся к двум годам

В соответствии с указанными выше должностными окладами и прочими выплатами телохранитель члена Политбюро в звании лейтенанта, выполнявший секретные задания офицера разведки и уже отслуживший пять лет, получал в конечном итоге 2730 рублей в месяц. Правда, из этой суммы как у холостяка, так и у женатого человека, имевшего на своем иждивении одного или двух детей, вычитался налог в размере тринадцати процентов от совокупного дохода, и только отец троих и большего числа детей освобождался от налога. Кроме того, нельзя забывать и о том, что государство практически непрерывно выпускало все новые и новые займы, на которые каждый благоразумный сотрудник

«добровольно» подписывался на сумму в размере его должностного оклада за период от одного до трех месяцев.

Совокупный доход лейтенанта Охраны, сколь бы огромным ни выглядел он по сравнению со средней заработной платой советских рабочих и служащих, в действительности не шел ни в какое сравнение с суммами, вручавшимися руководству Главного управления охраны. Например, тот же Власик получал что-то около пятнадцати тысяч рублей в месяц, и это притом, что он не был ограничен в расходах из государственных средств и обеспечивался бесплатным питанием и одеждой. Общая сумма различного рода выплат, причитавшихся его заместителям, колебалась в зависимости от трудового стажа от десяти до двенадцати тысяч в месяц.

Для служащих средней категории весьма важным материальным подспорьем являлось бесплатное обеспечение всех без исключения сотрудников Охраны одеждой. Об этом можно судить хотя бы по тому, во что обходилась государству данная статья расходов: даже охранник с низшим офицерским званием получал обмундирование стоимостью 7500 рублей в год, причем в соответствии с чисто условными ценами, если же исходить из тех цен, по которым аналогичные вещи продавались в государственных магазинах, то эта сумма возрастала уже до десяти — двенадцати тысяч в год.

Всем сотрудникам Охраны, независимо от звания, каждые два года выдавалось по два комплекта форменной одежды и по два гражданских костюма. Выполнявшие же тайные задания офицеры разведки получали за тот же период по два комплекта штатского платья.

Более или менее ясное представление об этих рассчитанных на два года комплектах дают следующие данные.

В набор для сотрудников Охраны, ходивших в форменной одежде, включались меховая шапка, фуражка, шинель, китель, две пары брюк, мундир, две пары галифе, две пары кожаных сапог, ремни, перчатки, носки и три смены нижнего белья. Таким образом, в данный комплект входили те же самые предметы, которые выдавались и армейским офицерам, однако охранники получали их в несколько большем количестве, и, кроме того, эти вещи, бесспорно, отличались и лучшим качеством. Офицерам, занимавшимся некоторыми специфическими видами службы, предоставлялись также плащи с капюшоном, овчинные тулупы, галоши и валенки.

В набор для сотрудников Охраны, ходивших в штатском платье, включались меховая шапка, шляпа или кепка, пальто (или соответствующий пошивочный материал), костюм (или

соответствующий пошивочный материал), две пары сапог или ботинок, рубашки, носки, нижнее белье, носовые платки, полотенца. Обслуживающий персонал, не имевший воинского звания, получал только штатскую одежду — в том же количестве, что и офицеры, но несколько худшего качества.

Сотрудникам Управления Охраны предоставлялось также бесплатное жилье, но далеко не всем. Если говорить о телохранителях Сталина и «младших» иерархах, то они все как один обеспечивались теми или иными видами жилья: женатые — отдельными квартирами или несколькими комнатами в «коммуналках», холостяки — местом в общежитии. Наиболее щедро наделялся жильем офицерский состав кремлевской комендатуры, что объяснялось не только заботой коменданта о своих подчиненных, но и тому обстоятельству, что у него имелся свой собственный строительный батальон. По-иному складывалась судьба у тех сотрудников Управления, которым не столь повезло. Сталкиваясь, как и рядовые жители столицы, с ощущавшейся в Москве острой нехваткой жилья, они вынуждены были беспрестанно хлопотать о предоставлении им крыши над головой. И только сравнительно высокая заработная плата, которую они получали, позволяла им как-то смягчать стоявшую перед ними жилищную проблему.